

Г. А. Хрущовъ-Сокольниковъ.

ГРЮНВАЛЬДСКІЙ БОЙ

ИЛИ

СЛАВЯНЕ И НѢМЦЫ.

Историческій романъ-хроника.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Типо-литографія
СПБ. Невскій

Т-ва „СВѢТЬ“
проул., д. 136.

1910.

Е. Н. Храповицкаго-Скобелева

ВЪВЕДЕНІЕ

1871

СЛАВЯНЕ И РУССЫ

Историческія романы-хроника

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СПБДГО. АТ-Т. КОДЕК.

Издательство
СВЯТЫЙ СЛАВЯНО-РУССКАГО

1870.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ОТМЩЕНІЕ.

I.

Въ Мариенбургѣ.

УДѢВШІЙ весь вечеръ колокольный звонъ умолкъ. На кривыхъ и узкихъ улицахъ Мариенбурга, по другому произношенію Марбурга, столицы Тевтонскаго ордена Меченосцевъ, воцарилась относительная тишина. Вечерня отошла, и толпы рыцарей, смѣнивъ свои бѣлые плащи менѣе замѣтными черными, скользили, словно тѣни, по улицамъ, ведущимъ отъ замка къ пригороднымъ слободамъ.

Ихъ официальная служба кончилась, вмѣстѣ съ послѣдними словами вечерни, на которой они присутствовали по уставу, и теперь господа крестцхеры спѣшили подальше отъ своихъ номинальныхъ жилищъ, келій конвентовъ, къ своимъ частнымъ квартирамъ, которыя находились въ пригородныхъ слободахъ.

Со смертію набожнаго великаго магистра, Конрада Юнгингена, былъ избранъ на эту должность братъ его Ульрихъ Юнгингенъ, болѣе мечтавшій о славѣ военной, чѣмъ о небѣ. При немъ строгіе порядки, введенные его предмѣстникомъ, были забыты, и даже обрядность церковныхъ службъ и общихъ молитвъ исполнялась далеко не всѣми рыцарями-монахами.

На этотъ разъ было сдѣлано исключеніе. Великій магистръ извѣстилъ всѣхъ рыцарей, черезъ комтуровъ конвентовъ (мона-

стырей), чтобы они все были в сборе на вечерне, которую будет служить в соборном храме епископа.

Это торжественное богослужение тоже устраивалось исключительно в виду того, что несколько гостей рыцарей из Франції, Германіи и Англии прибыло в Мариенбург этим утром.

Ульриху Юнгингену не хотѣлось, съ первыхъ же шаговъ, озадачивать высокыхъ гостей-рыцарей небрежной распушенностью своихъ братьевъ—рыцарей, и потому сборъ былъ назначенъ полный, въ форменныхъ одеждахъ, и все рыцари явились на призывъ начальника. Они знали, что, несмотря на кажущуюся обходительность и даже мягкость обращенія съ братьями, у новаго великаго магистра твердая воля и желѣзная рука.

Изъ числа гостей-рыцарей особенно отличались знатностью рода и богатствомъ англійскій рыцарь графъ Рочестеръ, родной племянникъ владѣтельнаго герцога Йоркскаго, и французскій рыцарь-гость герцогъ Артуръ де-Валуа, близкій родственникъ короля, одинъ изъ благороднѣйшихъ представителей французскаго дворянства, послѣдній изъ той отрасли дома Валуа, которая дала цѣлый рядъ безстрашныхъ паладиновъ, сложившихъ свои головы на поляхъ Палестины въ битвахъ съ невѣрными сарацинами.

Еще двое владѣтельныхъ герцоговъ украшали собой ряды гостей-меченосцевъ: герцогъ Казимиръ Штетинскій и герцогъ Конрадъ Силезскій. И тотъ, и другой пріѣхали на призывъ великаго магистра, взывавшаго ко всемъ христіанскимъ королямъ и государямъ Европы, призывая храброе рыцарство помочь ордену въ рѣшительной борьбѣ съ языческой Литвой и сѣверными сарацинами, такъ называли меченосцы въ своихъ письмахъ татаръ, лужившихъ въ войскахъ литовскихъ, а вмѣстѣ съ ними и самихъ литовцевъ и русь.

Рыцарство всѣхъ странъ взволновалось. Меченосцы, которые считались какъ бы продолжателями святой миссіи Тамплиеровъ, звали на помощь, искусные проповѣдники гремѣли во всѣхъ церквяхъ, сзывая христіанскихъ витязей на помощь рыцарямъ меченосцамъ и проповѣдуя новый крестовый походъ противъ Литвы. Не мудрено, что много дворянъ, утомленныхъ бездѣятельностью при дворахъ французскаго и англійскаго королей, а также при дворѣ императора римскаго, откликнулись на призывъ и, наскоро собравъ отряды вооруженныхъ на свой счетъ людей и оруженосцевъ, двинулись къ предѣламъ владѣній меченосцевъ.

Веселый и шутливый, герцогъ Артуръ де-Валуа составлялъ разительный контрастъ своему собрату по оружію, англичанину графу Рочестеру. Онъ больше всего любилъ пиры, общество хорошенькихъ женщинъ, лихія сшибки на турнирахъ и могъ цѣлыя ночи напролетъ проводить за стаканомъ вина, слушая пѣсни менезингеровъ, воспѣвающихъ подвиги Ролланда и Карла великаго. Красавецъ собой, брнетъ, съ черными огненными глазами и тонко очерченнымъ профилемъ, онъ былъ любимцемъ и баловнемъ женщинъ. Совсемъ инымъ человѣкомъ и съ нрав-

ственной, и съ физической стороны былъ англійскій графъ. Громаднаго роста, рыжій, съ лицомъ изувѣченнымъ оспой и какими-то отвратительными шрамами и язвами, онъ былъ похожъ на дьявола, какимъ его рисовали современные художники; недоставало только роговъ; но за то глазамъ его могъ бы позавидовать самъ сатана—столько въ нихъ было злобы, ненависти и презрѣнія ко всему живущему и существующему. Онъ пошелъ въ походъ вовсе не потому, что былъ ревностнымъ католикомъ, или чтобы замолить спасеніе души, но только потому, что онъ зналъ, что походъ въ Литву будетъ кровавый, безчеловѣчный, а только одинъ видъ крови доставлялъ ему неизъяснимое наслажденіе. Для него не было больше удовольствія, какъ отправиться на бойню и, взявъ изъ рукъ мясника окровавленный топоръ, глушить быковъ ударомъ обуха между роговъ и затѣмъ перерѣзать имъ горло. Видъ бьющей фонтаномъ, дымящейся крови приводилъ его въ дикое опяненіе, онъ былъ счастливъ и доволенъ на цѣлый день!

Мелкія междоусобныя войны, какъ на Британскихъ островахъ, такъ и на материкѣ Европы, не увлекали его, ему хотѣлось участвовать въ войнѣ кровавой, гдѣ бы ему удалось по рукоятку окупуть свой мечъ въ крови человѣческой.

Онъ пріѣхалъ къ рыцарямъ, чтобы убивать, и очень былъ озадаченъ, когда ему сказали, что походъ еще черезъ два мѣсяца, а можетъ быть и болѣе.

Узнавъ о пріѣздѣ, великій магистръ распорядился, чтобы къ почетнымъ гостямъ были назначены, для ознакомленія съ монастырскими-рыцарскими уставами, опытные братья ордена. Къ герцогу Валуа и англійскому пѣру были назначены руководителями одни изъ именитѣйшихъ рыцарей ордена—къ англичанину извѣстный уже читателямъ Марквардъ Зальцбахъ, а къ французу недавно поступившій въ орденъ графъ Брауншвейгъ, племянникъ Штейнгаузенскаго комтура, весьма образованный молодой человекъ и любимецъ великаго магистра.

Послѣ официальной встрѣчи и трапезы, а затѣмъ вечерней службы въ соборной каплицѣ, на которой присутствовали почти всѣ находившіеся въ Маріенбургѣ рыцари, гости оставались въ конвентѣ недолго послѣ торжественнаго отпуска. Великій магистръ, предложивъ орденскимъ братьямъ занимать пріѣзжихъ, ушелъ на свою половину, а рыцари-монахи повели гостей по назначеннымъ имъ помѣщеніямъ.

— Извините, графъ,—заговорилъ, вводя въ свою келію англійскаго графа Марквардъ Зальцбахъ:—моя келья не красна углами, но я могу показать вамъ собраніе оружія, которое врядъ ли у кого найдется.

— О, я люблю оружіе,—протянулъ англичанинъ:—особенно тяжелое оружіе, которымъ съ одного удара можно разрубить человѣка.

Зальцбахъ съ улыбкой недовѣрія поглядѣлъ на гостя.

— Разрубить человѣка пополамъ?—переспросилъ онъ:—но для этого нужна сила исполина—древняго Сампсона.

— Сила найдется, только бы мечь выдержалъ!—какъ-то мрачно прорычалъ англичанинъ.

— О, въ такомъ случаѣ у меня есть мечь, тяжелѣе котораго я никогда не видывалъ; вотъ онъ,—и снявъ со стѣны мечь чудовищной тяжести и длины, Марквардъ подалъ его англичанину.

Тотъ долго, съ нѣмымъ изумленіемъ, смотрѣлъ на это оружіе, поворачивалъ въ рукахъ и пробовалъ наотмашь, но, очевидно, мечь былъ ему не по силамъ и чуть не вырвался изъ руки.

— Мечь удивительный!—съ видомъ знатока сказалъ англичанинъ:—но, мнѣ кажется, у него коротка ручка, это мечь „двуручный“, его надо держать обѣими руками.

— И я думалъ тоже,—отвѣчалъ Зальцбахъ,—пока не видалъ, какъ одинъ изъ богатырей управлялся имъ одной рукой. И какъ управлялся! Онъ валилъ имъ непріятелей цѣлыми десятками.

— Но кто же былъ этотъ богатырь, интересно было бы взглянуть на такого силача?

— По счастью, это невозможно.

— Какъ по счастью?—переспросилъ изумленный англичанинъ.

— Потому что этотъ богатырь былъ смоленскій князь Филиппъ Глѣбовичъ и палъ, смертельно раненный стрѣлой, рядомъ со мной въ страшномъ бою подъ Ворсклой.

— Вы говорите, смоленскій князь? Что это такое? У насъ, въ Англіи, мы не слыхали даже имени такого государства.

— Это и не государство, это одно изъ подвластныхъ Витольду княжествъ, сначала оно считалось за Московой.

— А, о!.. Московъ... я слыхалъ... Московъ... это, говорятъ, люди дикіе, еретики, питаются лошадьми...

— Это самое опасное изъ всѣхъ восточныхъ племенъ, да по счастью, татары сломили имъ надолго рога. Изувѣры страшные, разъяренные схизматики и не будь татарскаго разгрома, давно бы затопили своими полчищами и Литву, и Польшу.

— Значитъ намъ придется перевѣдаться и съ ними?

— О, дай-то Богъ, ни къ одному племени я не питаю такого озлобленія, какъ къ этимъ руссинамъ. Представьте, они не только нашихъ рыцарей посольства не приняли, но всѣхъ нѣмцевъ считаютъ чѣмъ-то поганымъ и поступаютъ съ ними, какъ со звѣрями.

— А много у нихъ такихъ богатырей, какъ бывший владѣлецъ этого меча?—любопытствовалъ англичанинъ.

— Говорятъ, у покойнаго два брата и оба сильнѣе его, но я не вѣрю, это былъ своего рода феномень, нѣчто вродѣ Самсона, между слабыми евреями. Не могу же я допустить, чтобы безъ воинскихъ упражненій, безъ малѣйшаго понятія о военномъ искусствѣ, изъ нихъ могли бы выйти достойные намъ соперники;—вотъ сами увидите, не выдержать нашей атаки и разбѣгутся, какъ стадо овецъ.

— Жаль!—рявкнулъ англичанинъ:—а мнѣ бы хотѣлось помѣриться силами съ такимъ богатыремъ; мой испанскій панцырь не

боится мечей и стрѣль, а этотъ,—онъ хлопнулъ рукой по собственному мечу:—постоять за себя. Его нарочно для меня выковалъ знаменитый Макъ Дудель въ Единбургѣ; я однимъ ударомъ перерубаю шею быку, или шину у телѣжнаго колеса; одного жалѣю—не удалось его попробовать надъ человѣческимъ тѣломъ.

— Въ этомъ можете быть спокойны, благородный графъ,—съ чуть замѣтной улыбкой отозвался Зальцбахъ:—въ такихъ пробахъ недостатка не будетъ, можете по самую рукоять искупать вашъ мечъ въ крови сарацинъ и язычниковъ.

— Amen!—рявкнулъ англичанинъ.—Клянусь вельзевуломъ, я искупаю его съ обоихъ концовъ! А теперь, благородный рыцарь, я чувствую сильную жажду, за вашей монастырской трапезой вино пили, какъ вино, а я пью его, какъ воду... Нельзя ли дослать кнехта къ моимъ людямъ, у меня есть маленькій запасецъ благодатной влаги.

— Зачѣмъ же посылать вамъ? Монастырскій уставъ воспрещаетъ намъ пить вино въ своихъ кельяхъ, но держать его для гостей запрета нѣтъ! Не откажитесь, благородный графъ, распить бутылочку другую «венгржины».

Рыцарь раскрылъ потайной шкафчикъ, сдѣланный въ подоконникъ, и досталъ оттуда нѣсколько запыленныхъ и заросшихъ плѣсенью бутылокъ и два стакана.

— За поражение невѣрныхъ и ихъ союзниковъ!—провозгласилъ онъ и чокнулся съ гостемъ.

— Amen!—отвѣчалъ англичанинъ и выпилъ свой стаканъ залпомъ, но, видно, вино ему очень понравилось и онъ тотчасъ же налилъ второй.

— Да здравствуетъ благородный орденъ крейць-херовъ!—провозгласилъ онъ.

— Да здравствуютъ его гости! Да пошлетъ Господь имъ увидать поражение невѣрныхъ и истребить ихъ!

— До послѣдняго человѣка!..—крикнулъ гость, снова выпивая полный стаканъ. Казалось, старое вино начало производить на него замѣтное впечатлѣнiе. Глаза его какъ-то странно расширились, кровь прилила къ щекамъ и ко лбу и окрасила ихъ въ багровый цвѣтъ, рубцы и рябины выступили еще отчетливѣе. И трезвый онъ былъ отвратителенъ, теперь же онъ былъ ужасенъ!

— Давай мнѣ сейчасъ этого смоленскаго богатыря,—рычалъ онъ:—я съ нимъ сейчасъ силой помѣряюсь!.. Я его какъ кролика задушу!.. А вино, вино удивительное, никогда такого еще не пилъ... и ты рыцарь молодецъ, молодецъ!!

Вино бушевало въ головѣ дикаго англичанина, онъ вдругъ позабылъ всякій этикетъ и перешелъ съ хозяиномъ на «ты». Чопорность и натянутость смѣнились грубой безшабашностью, полуграмотный бриттъ явился во всей красотѣ. Онъ пилъ вино стаканъ за стаканомъ, кричалъ и хохоталъ, словно сумасшедшій, лѣвъ обниматься съ хозяиномъ, потомъ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, придрался къ какому-то слову, заплетающимся языкомъ

вызвалъ его на поединокъ, тутъ же, сію минуту, на дворѣ конвента, схватился за мечъ, вытащилъ его на половину изъ ноженъ, потомъ зашатался и мертво пьяный грузно повалился на полъ. Марквардъ Зальцбахъ, привыкшій къ подобнымъ пьянымъ выходкамъ сыновъ Альбіона, самъ бережно поднялъ гостя, положилъ на свое досчатое ложе, закрылъ плащемъ и сѣлъ въ кресло съ книгой въ рукахъ. Черезъ нѣсколько минутъ гость спалъ пьянымъ, тяжелымъ сномъ, и свистящій храпъ его разносился по кельѣ и корридору.

— Ну, нечего сказать, хорошъ союзникъ,—съ улыбкой проворчалъ себѣ въ бороду Марквардъ,—съ нимъ намучаешься, если такъ будетъ продолжаться каждый день. Что-то, каковъ французикъ?... Неужели такой же пьяница?—Онъ вспоминалъ о герцогѣ де-Валуа, отданномъ подъ охрану графа Брауншвейга.

Но французикъ оказался человѣкомъ совершенно другого типа, чѣмъ рыжій англичанинъ. Оставшись наединѣ съ графомъ Брауншвейгомъ, въ его кельѣ, онъ сразу сбросилъ съ себя личину важности и высокомерія, въ которой держался предъ великимъ магистромъ и чиновниками ордена, и превратился въ прежняго веселаго, пылкаго юношу, бредящаго войной, побѣдами, турнирами, хорошенькими женщинами и искристымъ виномъ.

Онъ сразу сошелся со своимъ хозяиномъ и менторомъ, такъ что графъ Брауншвейгъ не рѣшился даже предлагать своему гостю провести ночь въ душныхъ монастырскихъ комнатахъ, а прямо просилъ, не желаетъ ли онъ, послѣ долгой и скучной дороги, отдохнуть и повеселиться, отбросивъ на время этикету?

— О, съ восторгомъ, съ наслажденіемъ!—воскликнулъ пламенный французъ:—но только гдѣ же? Здѣсь, я вижу, у васъ кровати-то изъ голыхъ досокъ, а подушки—мѣшки съ сѣномъ... Не лучше ли я отправлюсь въ форштадтъ, гдѣ остановились мои слуги и оруженосцы?

— Тоже хотѣлъ предложить и я, это помѣщеніе здѣсь—общественное, монастырское,—съ улыбкой отвѣчалъ графъ:—за то у насъ у cadaго въ пригородной слободѣ есть свой уголокъ, гдѣ онъ можетъ и самъ отвести душу, и угостить товарища.

— Такъ ведите же меня туда... Вы не повѣрите, какъ я усталъ отъ этого придворнаго этикета и отъ этихъ латъ, которыя не снималъ съ утра.

— Эти желѣзныя скорлупы мы можемъ оставить и здѣсь, тамъ онъ не нужны,—съ искусственной улыбкой сказалъ графъ и самъ первый подалъ герцогу примѣръ переодѣванья. Черезъ нѣсколько минутъ, одѣтые въ удобные костюмы, изъ чернаго бархата, съ такими же шляпами на головахъ, они выходили изъ воротъ конвента.

— Пропускъ?—послышался рѣзкій голосъ брата Августина, стоявшаго на стражѣ у главнаго входа.

— «Смерть язычникамъ!»—отозвался графъ.

— Амень!—закончилъ братъ Августинъ. Доброй ночи, не про-

пустите только заутрени, да не забудьте пароля, а то мостовая стража не пропуститъ.

— Ахъ, да, я забылъ про него,—проговорилъ графъ.

— «Мечъ и Пресвятая Дѣва!» Прощайте!—Братъ Августинъ хотѣлъ удалиться.

Графъ удержалъ его.

— Когда смѣнитесь, братъ Августинъ, не выберете ли минутки завернуть ко мнѣ... Наши всѣ будутъ въ сборѣ.

— Демонъ соблазнитель!—съ улыбкой проговорилъ рыцарь:—если командоръ или маршалъ не задержутъ...

— И, куда имъ... они сами давно въ слободѣ у брата Филиппа..

— Сторожевой рыцарь засмѣялся и махнулъ рукой.

— Хорошо, буду, только чуръ, на мою долю оставьте бутылочку этого венгерскаго, что получили изъ Вѣны.

— О, разумѣется, хоть двѣ!

Этотъ разговоръ, веденный полушопотомъ, чтобы не соблазнять гербовыхъ и кнехтовъ, стоявшихъ на стражѣ, не могъ не повліять на молодого человѣка. Онъ теперь воочию видѣлъ, что и рыцари-монахи такіе же люди—человѣки, какъ и онъ самъ, и гораздо смѣлѣй, увѣреннѣе шелъ за своимъ хозяиномъ и менторомъ.

Пройдя десятка три шаговъ, они очутились у моста, перекинутаго черезъ ровъ, отдѣляющій внутреннюю крѣпость-монастырь отъ наружной, охватывающей весь городъ. За мостомъ ждали ихъ два кнехта верхомъ, держа на поводу засѣданныхъ рыцарскихъ коней. До собственнаго пріюта графа Брауншвейга было довольно далеко, и новые пріятели, вспрыгнувъ въ сѣдло, стрѣлою помчались по безлюднымъ улицамъ города.

Черезъ четверть часа они остановились у небольшого домика, потонувшаго въ зелени акацій и каштановъ. Ставни были наглухо заперты, и только кое-гдѣ сквозь щелки былъ видѣнъ свѣтъ. Входя на высокое крыльцо, французу показалось, что онъ слышитъ звонъ струнъ.

— У васъ гости, благородный графъ?—спросилъ онъ.

— Только свои; могу увѣрить васъ, ваша свѣтлость, что вы найдете между ними только цвѣтъ нашего рыцарства.

— Я нимало не сомнѣваюсь въ этомъ. Каковъ хозяинъ, таковы и гости.

Дверь въ маленькій домикъ отворилась, едва хозяинъ и его гость вступили на крыльцо, и веселые голоса гостей понеслись имъ навстрѣчу.

— Ваша свѣтлость,—началъ хозяинъ, когда они взошли въ уютную комнату, гдѣ уже помѣщались человѣкъ пять мужчинъ, въ такихъ же бархатныхъ камзолахъ, какъ и они:—хотя утромъ васъ и познакомили официально со всѣми рыцарями ордена, но позвольте еще разъ представить вамъ моихъ друзей-товарищей:—графъ Ульрихъ Швальбахъ, баронъ Юганнъ-Карль Розенбергъ,

графъ Артуръ Сорренто, и братья маркграфы Леопольдъ и Морицъ Эйзенштейнъ. Прошу любить и жаловать... Ваше же имя всѣмъ извѣстно, какъ извѣстно и всему свѣту. Ваша благородная фамилія дала Франціи нѣсколько королей, а исторіи нѣсколько героевъ.

Герцогъ, очевидно, остался чрезвычайно доволенъ такой рекомендаціей; онъ съ чувствомъ пожалъ руку хозяину и его друзьямъ, и общій разговоръ завязался.

Говорили объ общихъ дѣлахъ, о предстоящемъ походѣ, о противникахъ, и, разумѣется, всѣ рыцари-меченосцы, въ одинъ голосъ, стали утверждать, что поляки и ихъ союзники литовцы не могутъ и думать выдержать напоръ рыцарской атаки.

— Подумайте, ваша свѣтлость,—горячился больше всѣхъ самъ хозяинъ:—ну развѣ это войны, которые до сихъ поръ не могутъ выучиться хорошенько владѣть рыцарскимъ копьемъ и предпочитаютъ ему свои «свалуги» да дротики, которые отскакиваютъ отъ нашихъ щитовъ, какъ мячи.

— Но я слышалъ, что между невѣрными есть силачи и исполны,—замѣтилъ въ свою очередь герцогъ.—Привель бы меня Богъ сразиться съ однимъ изъ нихъ...

— Не вѣрьте рассказамъ трусовъ, ваша свѣтлость,—вступилъ въ разговоръ одинъ изъ гостей, графъ Ульрихъ Швальбахъ:—ну развѣ могутъ во всей славянской расѣ, каковы поляки, и литовцы, и москвы, найтись соперники нашей благородной романо-германской расѣ! Это все какіе-то вандалы, которыхъ мировая судьба быть нашими слугами и рабами.

— Все это прекрасно, и я горжусь тѣмъ, что принадлежу къ вашему великому народу и нахожусь въ вашемъ благородномъ обществѣ, но, виноватъ, чѣмъ же объяснить, что походы на Литву благороднаго рыцарства почти всегда были безуспѣшны, и не одинъ разъ цѣлыя ополченія погибали подъ стѣнами Вильны.

— О,—воскликнулъ съ жаромъ хозяинъ:—это только отъ несоизмѣрнаго превосходства силъ, страшныхъ мѣстныхъ условій и измѣнъ.

— Среди нашей орденской братіи нѣтъ измѣнниковъ!—быстро воскликнулъ одинъ изъ братьевъ Эйзенштейнъ.

— Кто говорить про насъ, рыцарей. Но не можемъ же мы вести войны безъ союзниковъ,—вотъ эти-то союзники и измѣняли намъ. Но, надѣюсь, теперь это уже не повторится; нашъ благородный начальникъ великій магистръ принялъ мѣры,—впредь каждый измѣнившій союзникъ рискуетъ головой...

— Своихъ заложниковъ—геніальная мысль!—подхватили гости. Имъ было извѣстно распоряженіе великаго магистра, чтобы данническіе и союзные князья Поморья и пруссовъ прислали въ Маріенбургъ заложниковъ.

— Полноте, благородные друзья мои,—вдругъ заговорилъ хозяинъ:—мы здѣсь собрались, кажется, не о политикѣ разсуждать, на это есть свое мѣсто и время, а распить бутылку-другую ста-

раго вина, за здоровье нашихъ благородныхъ гостей, одного изъ которыхъ мы видимъ среди насъ, и потому я объявляю штрафъ въ 2 ефимка съ каждаго, кто дерзнетъ дружескій и веселый разговоръ смѣнить на политику, не такъ-ли, благородные рыцари?

— Такъ, такъ, прекрасно!.. Будемъ пить и веселиться,—послышались восклицанія гостей.

Графъ ударилъ два раза въ ладоши, и на порогъ появились двѣ роскошно одѣтыя женщины; онѣ несли на подносахъ серебряные золоченые кубки и чары, а вслѣдъ за ними выступила третья, съ большимъ серебрянымъ же кувшиномъ, полнымъ стараго ароматнаго вина.

Всѣ три женщины были очень эффектны въ фантастическихъ нарядахъ, шитыхъ золотомъ и жемчугомъ; но красота двухъ первыхъ блѣднѣла предъ царственной, хотя строгой красотой третьей женщины, принесшей кувшинъ съ виномъ. Ея красота была какая-то странная, необычная, производившая съ перваго же взгляда неотразимое впечатлѣнiе. Она была высока ростомъ, стройна, а черты ея лица, слегка продолговатаго и блѣднаго, были правильны и строги. Двѣ огромныхъ косы льнянаго цвѣта ниспадали ей ниже пояса, а пурпурныя губки упорно хранили выраженiе твердой рѣшимости и глубокаго презрѣнiя.

Она, казалось, не смотрѣла ни на кого изъ гостей, и ея темносинiе глаза, прикрытые свѣтлыми же рѣсницами, были опущены въ землю.

Ропотъ одобренiя прошелъ между гостями, когда они успѣли рассмотреть чудную красавицу, представшую предъ ними, и каждый втайнѣ позавидовалъ хозяину.

— Bravo, братъ Гумбертъ!—воскликнулъ по нѣмецки баронъ Розенбергъ:—у тебя новая чашница... Откуда добылъ ты такую нимфу?

— Полонянка изъ подъ Эйраголы, купилъ у нашихъ, когда они съ похода подъ Ромново возвращались.

— Простая литвинка?—переспросилъ баронъ.

— Говорятъ, что нѣтъ, дочь какого-то кунигаса... у нихъ имъ и счетъ потеряли... Знаю только, что не простая; зато характеръ адскiй, чистая волчица, или вѣрнѣе рысь лѣсная. Едва привыкла жить въ комнатѣ... Два раза убѣгала, да мои кнехты стерегутъ хорошо.

— А какъ зовутъ?—не унимался баронъ, бросая сладострастный взглядъ на чудныя формы полонянки.

— Говорить, Вендана... а кто навѣрно узнаеть?

Услышавъ свое имя, красавица быстрѣе молнiи сверкнула глазами на хозяина. Она поняла, что разговоръ идетъ про нее, и блѣдныя щеки ея вспыхнули яркимъ румянцемъ; она стала еще лучше, еще прекраснѣе.

— Красавица, удивительная красавица!—про себя чуть проговорилъ молодой герцогъ и въ пылкомъ восторгѣ залюбовался на литвинку.

— Слушай, братъ Гумбертъ, когда надоѣсть, продай мнѣ,— снова заговорилъ баронъ:—я смерть люблю возиться съ этими дикими водчицами, хлысть и хорошая нѣмецкая трехвостка мигомъ прогоняють ихъ дикость.

Рыцари-монахи расхохотались; не смѣялся только одинъ гость, французскій рыцарь.

— Бить женщину!..—заговорилъ онъ серьезно:—это запрещаютъ всѣ уставы рыцарства.

— Женщину, да, а не дикаго звѣрька!—съ улыбкой возразилъ баронъ.

— Женщина всегда женщина,—горячо отозвался француз:— и если она порою превращается въ дикаго звѣря, то этому виною исключительно мужчина.

— Я не вѣрю, это можетъ быть тамъ, у васъ, на западѣ, въ благословенной Франціи, а здѣсь, на востокѣ, женщина слушается только изъ-подъ палки, любить только изъ-подъ палки, и даже обижается, если ее рѣдко бьетъ любимый мужчина.

— Этого быть не можетъ!.. Это абсурдъ!—воскликнулъ молодой герцогъ въ негодованьи.—Если бы даже это такъ и было, то не рыцарству поступать такъ, не рыцарству проводить такія идеи... Долгъ рыцаря являться защитникомъ слабаго пола, бѣдныхъ, забитыхъ, угнетенныхъ!..

— Это наша задача, насъ, рыцарей меченосцевъ, благородный мой гость,—возразилъ хозяинъ:—мы рыцари-монахи, нами данъ обѣтъ безбрачія, мы по уставу должны смотрѣть на женщинъ, какъ на сосудъ дьявольскій, уготованный на гибель людей. Нашъ культъ не любовь женщины, а клятва мести и истребленія дикихъ язычниковъ, клятва исторгнуть изъ рукъ невѣрныхъ землю, которую они поганяютъ своими нечистыми ногами.

— Сломить сопротивленіе этихъ глухихъ народцевъ Польши и Литвы, которые смѣютъ противиться намъ, намъ, нѣмецкимъ рыцарямъ, несущимъ имъ христіанство и просвѣщеніе.

— И оковы!—подумалъ молодой герцогъ. Онъ еще разъ взглянулъ на красавицу полонянку, стоявшую съ потупленнымъ взглядомъ у дверей; его смутило сомнѣніе, да въ самомъ ли дѣлѣ, это чудное созданіе принадлежитъ къ другой, нисшей расѣ?

— Однако, время летить, а вино ждетъ!—воскликнулъ хозяинъ.

Гости не заставили себя упрашивать, и вино полилось рѣкою. Пили много, долго и упорно, какъ только умѣютъ пить пьяницы, и черезъ часъ пирушка превратилась въ оргію. Рыцари-монахи забыли и свой санъ, и присутствіе высокорожденнаго гостя, и словно пьяные сапожники начали ругаться и говорить всякія сальности. Самъ хозяинъ, выпившій нѣсколько меньше гостей, сталъ ихъ было удерживать, но получивъ дерзкій отвѣтъ, умолкъ. Полонянки, разносившія кубки, положительно смутились и не знали что дѣлать, а та, въ рукахъ которой былъ кувшинъ съ виномъ, такъ и застыла у порога.

— Эй, литовская вѣдьма!—крикнулъ на нее хозяинъ:—или не видишь, что у гостей кубки пусты? Наливай, да живѣе...

Красавица подошла, какъ автоматъ, и наполнила пустые кубки. Лицо ея было безстрастно, она даже не взглянула на говорившаго.

Одинъ изъ гостей хотѣлъ схватить ее за талію, но она такъ быстро увернулась, что кубокъ съ виномъ опрокинулся.

— Ишь ты, какая недотрога,—проворчалъ обиженный:—мало, видно, тебя хозяинъ учитъ!

— Клянусь Пресвятой Дѣвой, я заставлю эту волчицу быть вѣжливѣй!—крикнулъ хозяинъ и поднялся съ мѣста. Вендана быстро отступила къ дверямъ, не поднявъ даже на него глазъ.

Пріатели удержали графа Брауншвейга, они видѣли, что это сцена возмущаетъ ихъ гостя герцога Валуа, а показаться дикими вандалами предъ заѣзжимъ гостемъ рыцаремъ имъ не хотѣлось.

Не сыграть ли намъ въ кости?—предложилъ, чтобы замять инцидентъ, маркграфъ Леопольдъ Эйзенштейнъ.

— Въ кости, въ кости, прекрасно!—заговорили остальные.

— Ставка 15 ефимковъ на два удара!—воскликнулъ первый хозяинъ.

— Держу!—съ улыбкой отвѣчалъ герцогъ.

— И я, и я!—послышались кругомъ восклицанія.

— Отвѣчаю всѣмъ!—вызывающе отозвался графъ Брауншвейгъ, и взявъ двѣ игральныхъ кости, бросилъ ихъ въ одинъ изъ кубковъ и, смѣло встряхнувъ, выкинулъ на столъ; обѣ кости показали по единицѣ.

— Не много!—съ улыбкой проговорилъ герцогъ и въ свою очередь бросилъ кости; вышло восемь очковъ. Онъ передалъ кости и кубокъ хозяину; тотъ бросилъ снова; но счастье было противное, у него вышло только пять очковъ; онъ уже проигралъ герцогу, которому не пришлось даже бросать костей вторично.

Одинъ за другимъ, брали въ руки кубокъ собутыльники, но всѣ цифры, выброшенные ими, были выше, нежели семь, выкинутыя хозяиномъ; онъ проигралъ всѣмъ.

Игра оживилась... Вино снова закипѣло въ кубкахъ и золото зазвенѣло на столѣ.

— Сто ефимковъ на одинъ ударъ!—воскликнулъ снова хозяинъ и положилъ предъ собой кожаный кошель съ деньгами. Товарищи рыцари переглянулись, никто не рѣшался ставить такую сумму.

— Держу!—съ тою же беззаботной улыбкой проговорилъ герцогъ.

Графъ Брауншвейгъ поблѣднѣлъ, онъ нервно схватилъ кубокъ съ костями и бросилъ кости; выпало 11. Улыбка самодовольствія мелькнула на его лицѣ.

Герцогъ бросилъ кости въ свою очередь.

— Двѣнадцать!—въ одинъ голосъ воскликнули гости, слѣдившіе со вниманіемъ и нѣкоторымъ трепетомъ за игрой.

— Три вѣдмы исто дьяволовъ!—крикнулъ хозяинъ, ударивъ кулакомъ по столу:—опять проигралъ! Онъ высыпалъ на столъ все золото изъ кошелька и отсчиталъ сто ефимковъ. Въ кошелькѣ не осталось и пятидесяти.

— Триста ефимковъ на одинъ ударъ!—горячился онъ все больше и больше.

— Держу!—такъ же хладнокровно проговорилъ герцогъ, хотя сумма, по тогдашнему курсу золота, была громадна. Но на этотъ разъ счастье благопріятствовало французу; онъ выигралъ снова.

Другіе товарищи бросились къ графу Брауншвейгу, умоляя его прекратить игру, которая начинала принимать чудовищные размѣры, но это было то же, что подливать масло въ огонь. Хозяинъ взглянулъ на гостя побѣдителя, ему показалось, что въ его взглядѣ свѣтится насмѣшка.

— Вздоръ!—воскликнулъ онъ:—я хочу, я долженъ отыграться! Ставлю тысячу ефимковъ на два удара.

Всѣ молчали вокругъ. Цифра была громадна, и врядъ ли у кого такая сумма могла оказаться въ наличности.

— Я позволю себѣ предложить нашему любезному хозяину одинъ вопросъ,—началъ совершенно серьезно герцогъ, у котораго въ головѣ вдругъ мелькнулъ и созрѣлъ рискованный планъ спасти княжну Вендану, произведшую на него такое сильное впечатлѣніе, изъ рукъ варваровъ рыцарей.

— О, сколько будетъ угодно вашей свѣтлости!—отозвался хозяинъ.

Онъ былъ внутренно смущенъ этимъ приступомъ къ игрѣ, такъ какъ, оставаясь должнымъ по предыдущему удару двѣсти пятьдесятъ ефимковъ, онъ бы не могъ выложить на столъ самимъ же назначенную тысячу золотыхъ.

— Во сколько вы цѣните свободу вашей бѣлокурой плѣнницы?—герцогъ указалъ на княжну, все еще стоявшую у порога. Она, кажется, поняла, что разговоръ идетъ про нее и вздрогнула. Вздрогнулъ тоже и хозяинъ; ему показалось, что герцогъ нарочно хочетъ унижить его.

— Я не торгую свободой моихъ рабовъ и рабынь!..—рѣзко возразилъ онъ.—И такъ, никто не держитъ тысячи ефимковъ?—както назойливо надменно проговорилъ онъ и обвелъ взоромъ играющихъ.

— О, напротивъ, съ прибавкой даже, если вамъ угодно,—отозвался герцогъ.

Но и на этотъ разъ кости рѣшили споръ въ пользу француза. Графъ Брауншвейгъ всталъ съ своего мѣста, онъ былъ блѣденъ, глаза его сверкали, пальцы судорожно сжимались.

— Держу три тысячи ефимковъ!—воскликнулъ онъ неистово, самъ хорошо не помня, что онъ говоритъ и что дѣлаетъ.

Братья рыцари-монахи въ ужасѣ обступили его, умоляя отказаться отъ безразсудной ставки, но графъ былъ упрямъ.

— Три тысячи ефимковъ, слышите, три тысячи ефимковъ!—кричалъ онъ какъ-то звонко и дико.—А, всѣ струсили!.. Струсили!..

— Я буду держать и эту цифру, но только въ такомъ случаѣ, если вы мнѣ укажете, какимъ способомъ вы мнѣ ее уплатите, если проиграете?—твердо и на этотъ разъ вызывающе отвѣтилъ герцогъ.—Вотъ моя ставка: вашъ долгъ тысяча двѣсти пятьдесятъ ефимковъ, здѣсь, въ этомъ кошелькѣ, тысяча, да эти два перстня и цѣпь съ алмазами стоятъ столько же. Гдѣ же ваша ставка? Беру вашихъ товарищей въ свидѣтели, я не гналъ васъ на такую большую игру, но мой девизъ: никогда не отказываться отъ вызова.

Графъ Брауншвейгъ смутился. Онъ хорошо понималъ, что не можетъ выставить наличными громадную ставку въ три тысячи ефимковъ, но сознаться въ этомъ ему мѣшала его рыцарская гордость, онъ, какъ утопающій за соломенку, схватился за предложеніе герцога относительно литовской княжны.

— Чтобы прекратить споръ, — началъ онъ быстро:—я согласенъ подарить свободу этой литовской княжнѣ, какъ залогъ моей ставки.

— Принимаю съ восторгомъ!—воскликнулъ герцогъ.

— Подойдите сюда, молодая дѣвушка,—обратился онъ по нѣмецки къ княжнѣ:—и дайте мнѣ руку на счастье.

— Рабыня не имѣетъ права играть съ нами, благородными рыцарями!—возмутился графъ Брауншвейгъ.

Герцогъ не настаивалъ. Кости были брошены, и страшный ударъ кулакомъ по столу заставилъ вздрогнуть всѣхъ присутствующихъ. Графъ Брауншвейгъ вскочилъ со своего мѣста мертво блѣдный. Онъ опять проигралъ!

Злоба искавила его лицо, но, вѣрный своему рыцарскому слову, онъ схватилъ за руку княжну и подвелъ ее къ герцогу.

— Вотъ мой проигрышъ!.. Ея свобода теперь въ рукахъ вашей свѣтлости... Надѣюсь, что мы теперь можемъ продолжать игру.

— О, съ удовольствіемъ,—отозвался обрадованный Валуа:—но только послѣ исполненія нѣкоторыхъ маленькихъ формальностей... Я слышалъ, что въ рыцарской землѣ... пергаментъ это все!

— Я васъ не понимаю, благородный герцогъ!—воскликнулъ Брауншвейгъ:—если вы боитесь, что я вамъ не отдамъ проигранныхъ раньше 1.250 ефимковъ, то вы можете быть спокойны—завтра я вамъ передамъ закладную на мое помѣстье въ Лотарингіи!

— Вы слишкомъ дурнаго мнѣнія обо мнѣ, благородный графъ,—не безъ усмѣшки въ голосъ сказалъ герцогъ:—я безусловно вѣрю на ваше рыцарское слово, но я не могу заставлять другихъ относиться къ вамъ съ такимъ же довѣріемъ.

— Другихъ?! Я васъ не понимаю. Говорите яснѣе!

— Вы мнѣ сейчасъ проиграли свободу княжны...

— То есть я вамъ проигралъ мою плѣнницу!—поправилъ графъ Брауншвейгъ.

— Пусть будетъ такъ, если вамъ угодно, но... передача плѣнника, раба или рабыни требуетъ извѣстнаго акта переуступки, по магдебургскому или вѣрнѣе „кульмскому“ кодексу...

— А, теперь я васъ понимаю! Вамъ угодно, чтобы я вамъ выдалъ передаточную грамоту на личность княжны. За этимъ дѣло не станетъ;—кусочекъ пергамента, двѣ строки и подпись съ печатью—нотаріуса не надо,—и дополняя слово дѣломъ, онъ пошелъ въ сосѣдній покой и вернувшись съ кускомъ пергамента, написалъ на немъ текстъ передаточной грамоты, подписалъ ее, привѣсилъ сургучную печать и передалъ герцогу.

Тотъ взялъ ее, съ видомъ знатока законовъ прочелъ текстъ, и взявъ то же перо въ руки, надписалъ по латыни: *Liberata*, и широкимъ взмахомъ подписалъ свою фамилію.

— Что вы дѣлаете?!—воскликнулъ графъ Брауншвейгъ и нѣкоторые изъ гостей.

— Исполняю свой долгъ... Я выигралъ не личность княжны, а ея свободу, а потому возвращаю ее ей... Надѣюсь, что я имѣлъ на это право, и что по магдебургскому и прусскому и кульмскому кодексамъ моя подпись законна!

— Конечно, но это...

— Вамъ не нравится!.. Виновать, благородный графъ, въ дѣлахъ чести я всегда держу сторону слабѣйшихъ.

— Вотъ, дитя мое,—обратился онъ къ княжнѣ, смутно понимавшей, что происходило кругомъ:—вотъ твоя свобода—ступай обратно въ твою землю и старайся не попадаться въ плѣнь снова.

Слезы блеснули на глазахъ княжны Венданы, она поняла почти дословно, что сказалъ ей ея освободитель. Въ порывѣ благодарности, она упала передъ нимъ на колѣни и стала цѣловать его руки.

— О, нѣтъ, благородный воинъ,—заговорила она быстро по литовски:—не отдавай мнѣ этой бумаги, у меня ее отнимутъ; довершая благодѣяніе, верни меня къ отцу, когда окончится война.

— Что она говорить, я не пойму ни слова!—воскликнулъ герцогъ. Одинъ изъ рыцарей, понимавшій по литовски, передалъ ему смыслъ словъ красавицы.

— Все это прекрасно,—съ улыбкой отозвался герцогъ, который въ душѣ былъ очень радъ этому обстоятельству:—но что же я буду дѣлать съ ней теперь, въ чужомъ городѣ, наканунѣ похода!

— Васъ ли учить, благородный гость,—усмѣхнулся Эйзенштейнъ:—можете, конечно, пока оставить здѣсь, на пригородѣ, на частной, наемной квартирѣ, гдѣ стоятъ ваши слуги. А кто же вамъ мѣшаетъ захватить ее съ собою и въ походъ. Надѣюсь, что у васъ не будетъ недостатка въ экипажахъ...

— Какъ захватить въ походъ?... Въ какихъ экипажахъ?...

— Да неужели же вы не знаете, благородный герцогъ, что въ слѣдъ за наступающимъ войскомъ рыцарства, обыкновенно движется громадный вагенбургъ, обозъ въ нѣсколько тысячъ фуръ и повозокъ. У cadaго рыцаря и именитаго гостя по край-

ней мѣрѣ подѣ шатромъ, прислугой и необходимой утварью три, четыре фуры, да нѣсколько व्यюковъ!... Мѣсто для такой красавицы всегда найдется.

Слова опытнаго товарища, бывавшаго въ рыцарскихъ походахъ, казалось, вполне успокоили герцога, онъ ласково взглянулъ на свою плѣнницу.

— Ну, хорошо, моя красавица, я позабочусь о твоей участи, а пока мой оруженосецъ проводитъ тебя ко мнѣ, на квартиру... Тамъ ты будешь въ безопасности...

Вендана очень обрадовалась этому предложенію, которое освобождало ее отъ этихъ ненавистныхъ крыжакъ, и тотчасъ направилась къ двери, вслѣдъ за оруженосцемъ герцога.

Она покидала кровь графа Брауншвейга, гдѣ она вынесла столько глумленій и оскорбленій, чтобы идти за новымъ господиномъ, сразу завоевавшимъ всѣ ея симпатіи. Она низко, на прощаніе поклонилась герцогу, и гордо поднявъ голову, не удостоивъ никого изъ присутствующихъ ни словомъ, ни взглядомъ, вышла изъ комнаты.

— Не поздравляю я благороднаго герцога съ новымъ приобрѣтеніемъ,—съ худо скрытой досадой проговорилъ графъ Брауншвейгъ.—Много же крови она ему испортитъ...

— Пусть такъ,—возразилъ герцогъ, смѣясь:—я буду обращаться съ ней не какъ господинъ, а какъ равный, какъ приличествуетъ угодливому кавалеру... Вотъ мнѣ и развлеченіе въ долгіе дни ожиданія похода.

— Смотрите, благородный гость, не поддайтесь ея чарамъ; литовки, и въ особенности изъ подѣ Эйраголлы, всѣ волшебницы, она заколдуетъ васъ—зачаруетъ...

— О, я и этого не боюсь; я боюсь только чаръ любви, но и отъ нихъ у меня есть талисманъ, священнѣйшая реликвія, которая меня никогда не оставляетъ.—Онъ показалъ на золотой медальонъ, висѣвшій на роскошной золотой цѣпи.

— Что это? Что это?—задумѣли кругомъ гости.—Какая реликвія, откуда?

Въ это смутное время фанатизма и невѣрія, уваженіе ко всевозможнымъ реликвіямъ достигло высшаго предѣла. Не было рыцаря, у котораго не было бы нѣсколькихъ талисмановъ, амулетъ, или реликвій со святыми мощами.

— Да, господа, у меня на груди великая реликвія, я и отдамъ ее только вмѣстѣ съ жизнью. Что я, у меня возьмутъ ее только послѣ моей смерти!

— Покажите, покажите,—стали приставать всѣ гости. Но герцогъ былъ неумолимъ. Возбудивъ до чрезвычайности любопытство всѣхъ собутыльниковъ, онъ вдругъ сдѣлался совершенно серьезенъ и даже спряталъ медальонъ за бортъ своего колета, какъ бы давая этимъ знать, что не хочетъ и говорить объ этомъ предметѣ.

Во все время этого оживленнаго спора, графъ Брауншвейгъ,

который теперь, послѣ громаднаго проигрыша и эпизода съ княжной, вдругъ почувствовалъ сильнѣйшую злобу къ счастливому красавчику французу, угрюмо молчалъ и только изрѣдка подносилъ къ губамъ чашу съ венгжиной. Ему во что бы то ни стало захотѣлось позлить и унижить своего счастливаго соперника.

— А я заявляю,—рѣзко перебилъ онъ общій разговоръ,—что благородный герцогъ только смѣется надъ нами. И если онъ не хочетъ показывать намъ своей реликвіи, значить онъ самъ стыдится ея!

Герцогъ вспыхнулъ. Онъ понялъ вызовъ, брошенный надменнымъ рыцаремъ.

— О, въ этомъ легко убѣдиться,—весело воскликнулъ онъ:—говорять, что на дняхъ будетъ большой рыцарскій турниръ...

— Правда! Турниръ назначенъ черезъ три недѣли,—отозвался Эйзенштейнъ:—но что же общаго между турниромъ и священнон реликвіей?

— Очень много. Слушайте же, благородные „господа меча“ (крейцхеры). Я, герцогъ Валуа, маркизь С. Рокъ, графъ Бомонъ-Нанси, пэръ Франціи, грандъ перваго класса Арагоніи, Кастилии, кавалеръ Золотого Руна, объявляю всѣмъ, что я готовъ на этомъ турнирѣ, копьемъ, мечемъ, конный и пѣший, поддерживать и утверждать, противъ всѣхъ и cadaго, что моя реликвія неизмѣримо выше всѣхъ другихъ, кѣмъ бы то ни было носимыхъ.

— Я принимаю вызовъ, благородный герцогъ!—быстро выступая впередъ, воскликнулъ графъ Брауншвейгъ.

— И я, и я!—отозвались Эйзенштейнъ и одинъ изъ присутствующихъ, Ульрихъ Швальбахъ, нѣмецъ громаднаго роста и силы.

— Я долженъ дать реваншъ благородному графу,—съ той же улыбкой отвѣчалъ Валуа:—но объ одномъ прошу васъ, благородные господа,—не счесть моего вызова за обиду, не считать меня врагомъ вашимъ и помнить, что бой на турнирѣ допускается не только между друзьями, но даже и между братьями!

— Такъ, это вѣрно, это вѣрно!—заговорили гости и снова приваялись за кубки... За виномъ снова слѣдовали кости, но игра уже не клеилась. Послѣ громаднаго проигрыша графа Брауншвейга, никто не рѣшался сразиться съ счастливымъ герцогомъ, а самъ Брауншвейгъ задумалъ другой, болѣе вѣрный планъ отыгаться отъ герцога и вернуть проигрышъ. По законамъ рыцарства, онъ имѣлъ право сорвать съ побѣжденнаго самую дорогую вещь. Тайнственный талисманъ—реликвія герцога—теперь не давала ему покоя, завладѣть ею теперь стало его пламенной мечтой. Случай представлялся къ тому незамѣнимый.

Онъ не сомнѣвался въ своей побѣдѣ на турнирѣ надъ молодымъ красавчикомъ французомъ.

Талисманъ, такимъ образомъ, могъ стать его законной добычей.

Нѣмцы—рыцари во всѣхъ дѣлахъ держались формальной законности!

II.

Нѣмецкая измѣна-предательство.

На другой же день весь Марбургъ (Маріенбургъ), или вѣрнѣе, весь орденскій капитулъ зналъ о крупнѣйшей игрѣ, которая шла ночью у графа Брауншвейга, и о громадномъ выигрышѣ герцога Валуа, но монахи-рыцари, собравшись къ обѣднѣ, въ собственный храмъ, дѣлали видъ, что ничего не знаютъ, и съ замѣчательнымъ усердіемъ клали земные поклоны, смиренно перебирая четки.

Великій магистръ отлично зналъ все, что происходило ночью у графа Брауншвейга, но, самъ страстный любитель женщинъ, вина и игры, не сдѣлалъ ни малѣйшаго замѣчанія виновникамъ, благо они произвели оргію не въ стѣнахъ монастырскаго замка, а въ пригородной слободѣ, и самый пиръ не сопровождался публичнымъ скандаломъ.

Герцогъ, счастливый своимъ выигрышемъ и близостью чрезвычайно понравившейся ему полонянки, вернулся къ своему официальному помѣщенію въ конвентѣ только на зарѣ, и чуть не проспалъ обѣденъ. На его красивомъ, симпатичномъ лицѣ не было замѣтно ни малѣйшихъ слѣдовъ бурно проведенной ночи, между тѣмъ какъ англійскій рыцарь, графъ Рочестеръ, съ перепоею чуть держался на ногахъ, а отвратительное лицо его было цвѣта свеклы.

Онъ пришелъ въ церковь подъ руку съ своимъ менторомъ Марквардомъ Зальцбахомъ, лицо котораго тоже носило слѣды вчерашняго веселья. Проходя мимо ихъ, великій магистръ бросилъ укоризненный взглядъ на могучаго комтура. По его понятіямъ, пить не составляло грѣха, но показаться въ неприличномъ видѣ передъ обществомъ— было преступленіемъ.

Марквардъ понялъ этотъ взглядъ; онъ кольнулъ его въ самое сердце. Оглянувшись кругомъ и вида, что и другіе рыцари улыбаются, глядя на него и его полусоннаго товарища, онъ снова подхватилъ англичанина подъ руку и почти насильно увелъ его въ свою келію. Снова зазвучали въ ихъ рукахъ чаши, и черезъ два часа оба друга лежали мертво пьяные, одинъ на досчатой рыцарской кровати, другой прямо на голомъ полу.

Между тѣмъ время, хотя медленно, но все таки подвигалось впередъ, и съ каждымъ днемъ все новые отряды наемныхъ войскъ, крестовыхъ дворянъ, и, главное, гостей рыцарскихъ, жаждущихъ посвященія въ рыцари на непріятельской землѣ, прибывали въ столицу Тевтонскихъ меченосныхъ братій.

Скоро и въ конвентѣ, и въ крѣпостныхъ зданіяхъ стало тѣсно отъ именитыхъ иноземныхъ рыцарей, прибывавшихъ большей частью съ громадными свитами. Всѣ окружающіе замокъ и городъ поля были покрыты сотнями роскошныхъ шатровъ, въ которыхъ помѣстились гости, не нашедшіе себѣ пріюта въ крѣпости или

на форштадтахъ; они образовали изъ себя цѣлый пестрый, переносный городокъ.

Жизнь въ этомъ новомъ городкѣ была гораздо пріятнѣе, чѣмъ въ душныхъ стѣнахъ монастыря, или въ маленькихъ домишкахъ слободы; не мудрено, что многіе изъ рыцарей-гостей побогаче, пользуясь прекрасной погодой, нарочно приказывали разбивать на полѣ свои шатры и щеголяли другъ передъ другомъ роскошью своихъ ставокъ, костюмами своихъ оруженосцевъ, конюховъ, ливреями прислуги и попонами лошадей.

Герцогъ Валуа, собираясь слишкомъ спѣшно въ походъ, не захватилъ съ собой роскошныхъ уборовъ и богатыхъ палатокъ, но благодаря громаднымъ деньгамъ, которыя онъ привезъ съ собою, и выигрышу съ графа Брауншвейга, ему удалось очень скоро, при помощи жидовъ и нѣмецкихъ маклеровъ, устроить себѣ такой лагерь и закупить столько коней и костюмовъ для прислуги, что онъ въ этомъ отношеніи смѣло бы могъ поспорить съ любымъ владѣтельнымъ принцемъ.

Въ его собственномъ распоряженіи были двѣ большихъ палатки, одна изъ шелковой матеріи, другая тканая изъ шерсти въ Багдадѣ. Эта послѣдняя была добыта отъ какого-то турецкаго купца, привозившаго ее для продажи самому великому магистру. Все внутреннее убранство этой палатки, или вѣрнѣе большаго шатра, было тоже изъ турецкихъ шалевыхъ матерій, вышитыхъ серебромъ, золотомъ и бирюзой.

Большая часть прислуги герцога были французы, привезенные имъ съ собою изъ Нормандіи, но среди нихъ виднѣлись лица совсѣмъ иного типа; это были кровные литвины, окрещенные нѣмцами и навсегда поселенные около Марбурга.

Въ душѣ пламенные патріоты, они избѣгали служить у нѣмцевъ, и въ особенности у рыцарей, но узнавъ, какъ герцогъ Валуа выкупилъ ихъ соплеменную княжну, они съ радостью десятками являлись наниматься къ нему на службу, или даже шли безъ содержанія, только бы находиться при княжнѣ.

Дѣло въ томъ, что они хорошо знали, что княжна Вендана приходилась близкой родственницей жмудинскому князю Вингаллѣ и была подругой дѣтства его дочери, княжны Скирмунды. Князь Вингалла и его красавица дочь, съ нѣкоторыхъ поръ, стали какими-то легендарными героями, ихъ судьбу воспѣвали литовскіе буртенники (лирники), тайкомъ бродившіе и въ Пруссахъ, и въ Поморьи, и въ Лутазіи.

Въ этой турецкой палаткѣ герцогъ хранилъ добытую случаемъ красавицу. Онъ, какъ истый вѣжливый кавалеръ, и притомъ расы, всегда отличавшейся уваженіемъ къ женщинамъ, не дозволялъ себѣ въ отношеніи къ ней никакихъ вольностей, и наотрѣзъ отказывалъ своимъ друзьямъ и товарищамъ, умолявшимъ показать имъ красавицу.

Ежедневно онъ заходилъ къ ней по нѣскольку разъ и очень радовался, видя, что она становится съ каждымъ днемъ веселѣе

и довѣрчивѣе къ нему. Велико же было его удивленіе, когда однажды, взойдя къ ней, онъ услышалъ изъ ея устъ краткое привѣтствіе на французскомъ языкѣ.

— *Soyez le bien-venu*,—сказала она ему, лукаво улыбаясь, и онъ не могъ удержаться, чтобы не схватить ее за руку и не поцѣловать.

— Кто научилъ васъ языку моей родины?—быстро спросилъ онъ. Княжна, очевидно, поняла вопросъ, но вмѣсто отвѣта показала на стараго оруженосца и дядьку князя, мессира Франсуа, который, улыбаясь, стоялъ у входа.

— Какъ, Франсуа, это ты выучилъ княжну говорить?—сказалъ герцогъ.

— Никакъ не могъ устоять передъ просьбой такой удивительной красавицы,—отвѣчалъ старикъ:—только и труда же намъ было. Я ни слова по ихнему, она ни слова по нашему, да благо тутъ одинъ изъ ихъ націи маракуеть по латынски, у какого-то прелата учился,—ну, вотъ, княжна скажетъ ему, онъ мнѣ переведетъ по латыни; ну, а я, по милости Создателя, тоже по латыни разбираю—вотъ и сговорились. Да вы только дайте намъ срокъ, мы съ княжной скоро совсѣмъ по французски заговоримъ, ужъ такая-то понятливая, да терпѣливая, что и не видывалъ, а еще говорятъ, что литовцы сарацины. О, благородный господинъ, не вѣрьте нѣмцамъ, сами они сарацины, даже хуже сарациновъ!.. Тьфу!

Герцогъ съ удивленіемъ слушалъ своего стараго слугу и отчасти ментора. Онъ зналъ, что старый Франсуа привязанъ къ нему, какъ родному сыну, и если даже онъ хвалитъ чужеземку, значить она дѣйствительно достойна похвалы.

Нечаянно герцогъ снова взглянулъ на княжну Вендану—она тоже смотрѣла на него, и взглядъ, который встрѣтилъ его взглядъ, заставилъ затрепетать его сердце!.. Дѣйствительно, княжна была волшебницей.

Одинъ этотъ взглядъ рѣшилъ судьбу обоихъ.

Хотя ни тотъ, ни другая ни слова больше не сказали другъ съ другомъ, но съ этого мгновенья какая-то незримая, неуловимая связь установилась между ихъ сердцами, и молодой герцогъ сразу почувствовалъ, что въ сердцѣ его шевельнулось новое, еще не испытанное чувство...

А день, назначенный для турнира, приближался.

Во всѣхъ концахъ лагеря и на громадномъ лугу, примыкавшемъ къ нему, ежедневно производились пробы коней и оружія. Всѣ мѣстные маріенбургскіе оружейники были завалены заказами; тому надо было исправить помявшійся въ дорогѣ шлемъ, тому отполировать щитъ, тому подогнать панцири и наколѣвники.

Коней тренировали безъ усталы, зная, что очень часто, если не всегда, на турнирахъ успѣхъ имѣютъ только бойцы, имѣющіе лучше подготовленныхъ коней.

Герцогу Валуа, уже не разъ бывавшему на рыцарскихъ турнирахъ во Франціи и въ Италіи, были прекрасно извѣстны всѣ

тѣ мелкія уловки, къ которымъ прибѣгаютъ рыцари, не разсчитывающіе на однѣ свои силы. Но онъ мало заботился объ этомъ; его вѣрный нормандскій конь „Пегасъ“ могъ съ успѣхомъ выдержать конкуренцію со всѣми рыцарскими конями орденскихъ рыцарей, а между конями рыцарскихъ гостей, только конь англійскаго графа Рочестера „Султанъ“ могъ съ нимъ соперничать.

Но и графъ Брауншвейгъ, который внутренно порѣшилъ, такъ или эдакъ, отомстить герцогу, не зѣвалъ. Онъ давно уже, почти съ самаго дня своего громаднаго проигрыша, сталъ подыскивать для себя боевого коня, чтобы не осрамиться на турнирѣ, и если будетъ можно, отомстить счастливцу поражениемъ на состязаніи.

Но, увы! у нѣкоторыхъ рыцарей хотя и были боевые кони, вполне пригодные для турнира, и они охотно соглашались ссудить ими своего товарища, тѣмъ болѣе, что они составляли номинально собственность ордена, а не ихъ личную, но все это были тяжело-вѣсныя нѣмецкія лошади, не могшія стать въ параллель дивному „Пегасу“ французскаго герцога.

Наличныхъ денегъ у графа Брауншвейга не осталось больше. Даже земля въ Лотарингіи, на которую онъ всегда ссылался, была въ залогѣ у герцога, а его кредитъ былъ совсѣмъ подорванъ даже у жидовъ, которые, какъ всегда, тѣснились въ одномъ изъ самыхъ грязныхъ форштадтовъ Маріенбурга.

Онъ обѣщалъ громадные проценты съ тѣмъ, чтобы только имѣть возможность добыть хорошаго коня, котораго ему рекомендовалъ одинъ изъ кнехтовъ.

Дѣйствительно, чудный вороной конь, принадлежавшій одному изъ владѣтельныхъ князей поморья Рудольфу Силезскому, смѣло могъ идти на состязаніе съ конемъ герцога, но, во-первыхъ, за нимъ надо было послать за 10 миль, въ замокъ князя, а во-вторыхъ, князь, по случаю преклоннаго возраста, хотя и не собиравшійся въ походъ, не хотѣлъ разстаться съ боевымъ конемъ за дешевую цѣну. Да и то дѣлалъ это въ виду задолженности своихъ земель и невозможности внести иначе свою лепту въ казну ордена, для военныхъ цѣлей.

Многіе рыцари, и между ними самъ великій маршалъ ордена Генрихъ Валенродъ, давно уже точили зубы на это благородное животное и готовы были дать за него большую сумму, зная, что въ предстоящихъ походахъ подобный конь неоцѣнимъ. Но агенты графа Брауншвейга повели дѣло такъ ловко, что успѣли сторговать коня для своего господина за триста ефимковъ, чудовищную сумму для того времени.

Получивъ извѣстіе объ этой покупкѣ, графъ и обрадовался, и испугался, въ одно и тоже время. У него не было этой суммы, и онъ даже не зналъ, откуда можетъ добыть ее. Последняя попытка занять гдѣ бы то ни было триста ефимковъ, была потеряна. Евреи предлагали подъ второй закладъ лотарингской земли всего полтора ефимковъ на одинъ годъ, съ тѣхъ, чтобы или рыцарь

платилъ имъ двѣсти, или земля переходитъ въ ихъ собствен- ность—съ залогомъ герцогу.

Графъ соглашался на все. Добыть остальные 150 ефимковъ теперь стало его единственной мечтой. Онъ послалъ гонца къ графу, своему брату въ Штейнгаузенъ, но тотъ лаконически отвѣ- чалъ ему, что какъ рыцарь-монахъ, онъ не имѣетъ никакой собственности, и совѣтовалъ брату поступить такъ же.

— Лицемеръ!—воскликнулъ графъ, ударивъ кулакомъ по столу.—Знаю я тебя, стараго ханжу! Хорошо, ты думаешь, мнѣ неизвѣстны твои шашни съ волшебницей, которую ты держишь въ башнѣ... хорошо!..

Полный злобы на брата, онъ хотѣлъ идти жаловаться на него капитулу, или вѣрнѣе донести на него, но внезапный приходъ рыцаря Маркварда Зальцбаха прервалъ его злобствованіе.

— Я слышалъ, братъ о Христвѣ,—началъ онъ, послѣ официаль- ныхъ привѣтствій:—что ты ищешь занять денегъ, чтобы купить коня у князя Рудольфа Силезскаго.

— О, да, я бы готовъ отдать полъ-жизни, чтобы приобрести это дивное животное.

— Не говори такъ, братъ, грѣшно! Жизнь cadaго изъ насъ принадлежитъ всецѣло Господу Богу и священному капитулу.

— Прости, благородный братъ,—съ жаромъ возразилъ Браун- швейгъ:—но что же могу сдѣлать я, когда у меня нѣтъ боевого коня... Какой же я рыцарь?!

— Ты увлекаешься, братъ, священный капитулъ дастъ тебѣ для похода двухъ или даже трехъ коней... Онъ знаетъ твою силу, твою храбрость и распорядительность, и повѣръ мнѣ, дастъ тебѣ воз- можность выступить въ походъ не хуже другихъ!

— Да, въ походъ, можетъ быть, но мнѣ нужно теперь, немед- ленно!

— Я понялъ тебя, братъ,—съ чуть замѣтной улыбкой прогово- рилъ Марквардъ:—конь тебѣ пужень не для похода, а для турнира, не правда-ли?

— Ты прочелъ мою мысль!.. Да, для турнира, на которомъ я уже получилъ отъ великаго государя гроссмейстера повелѣніе участвовать.

— Чтобы сразиться съ французскимъ герцогомъ и отомстить за проигрышъ литовской волчицы!

— Ты почему знаешь это? Благородный братъ комтуръ... Это мое дѣло, частное, и я...

— А ты думаешь, благородный братъ о Христвѣ, что я говорю съ тобой, какъ частный человекъ? Ты ошибся... Я не имѣю права мѣшаться лично въ твои личные дѣла, но какъ членъ капитула и уполномоченный имъ, я пришелъ подать тебѣ руку помощи...

— Я не понимаю тебя, благородный братъ!—воскликнулъ Браун- швейгъ.

— А это очень просто... Среди всѣхъ рыцарей гостей, при- бывшихъ сюда къ намъ для священнаго похода противъ невѣр-

ныхъ, только одинъ герцогъ Валуа дозволяетъ себѣ не исполнять священныхъ уставовъ капитула, онъ кошунствуетъ, онъ не посылаетъ святыхъ службъ, онъ дозволяетъ себѣ явно глумиться надъ нашими священными обрядами... Онъ смущаетъ другихъ рыцарей-гостей,—лучше бы было, если бы онъ не прїѣзжалъ вовсе, или немедленно удалился.

— Но это неисполнимо! Герцогъ только и бредитъ войной и походами, онъ затѣмъ и прїѣхалъ.

— Ты перебилъ меня, братъ о Христѣ; я говорю, хорошо бы было, если бы онъ удалился или былъ удаленъ... Силы мы противъ него употребить не можемъ, это бы повліяло на прїѣздъ къ намъ гостей рыцарей... Но...—онъ остановился:—съ нимъ можетъ случиться несчастье... на турниръ... Какъ ты думаешь, благородный братъ во Христѣ, вѣдь можетъ же случиться?..

— О, только будь у меня конь князя Рудольфа, клянусь Пресвятой Дѣвой, этому французискѣ не пришлось бы больше ломать копій ни на войнѣ, ни на турнирахъ!—съ жаромъ воскликнулъ графъ Брауншвейгъ.

— Вотъ и все, что мнѣ надо было услышать отъ тебя, благородный графъ; вотъ тѣ триста ефимковъ, которые необходимы для покупки коня, а если тебѣ нужно какое-либо оружіе, можешь смѣло выбрать изъ оружейной кладовой капитула!

Графъ просіялъ отъ радости, почувствовавъ въ своей рукѣ кошель съ золотомъ.

— Что же я долженъ дѣлать для того, чтобы исполнить желаніе могущественнаго капитула?—воскликнулъ онъ съ жаромъ.

— Только то, что хотѣлъ и сдѣлалъ бы самъ... Святыишій капитулъ не вмѣшивается въ личные счеты и дѣла людскія, онъ является только на помощь своимъ вѣрнымъ слугамъ!

— Но, благородный братъ комтуръ, если со мной случится грѣхъ, если я не разочту удара и герцогъ поплатится жизнью, что тогда?

— Жизнь и смерть человѣка въ рукѣ Божіей,—набожно проговорилъ Марквардъ:—а мы будемъ молиться, чтобы Господь укрѣпилъ десницу твою и сподобилъ тебя Сампсону!

Проговоривъ эту двухмысленную фразу, благородный комтуръ скрылся, а графъ Брауншвейгъ долго не могъ придти въ себя; вся эта сцена, весь этотъ разговоръ казался ему сномъ, и только видъ мѣшка съ деньгами возвратилъ его къ дѣйствительности.

Немедленно послалъ онъ своего оруженосца и двухъ кнехтовъ за конемъ, и черезъ три дня, въ первый разъ, на дворѣ замка, дѣлалъ проѣздку. Дѣйствительно, дивный конь, много разъ бывшій на турнирахъ, блистательно продѣлалъ всѣ самыя трудныишія эволюціи, которыя заставляя его исполнять всадникъ.

— Онъ на талерѣ вольты дѣлаетъ!!—воскликали рыцари, присутствовавшіе при испытаніи. Марквардъ Зальцбахъ былъ тутъ

же и съ довольно равнодушнымъ видомъ дѣлалъ свои критическія замѣчанія.

—і Я не понимаю, какъ можно платить такія бѣшенныя деньги за коня!—воскликнулъ онъ:—на нихъ было бы можно нанять пятьдесятъ наемныхъ солдатъ и содержать ихъ цѣлую войну! Я нахожу, что это излишество, роскошь, ложное самолюбіе, недостойное брата рыцаря-монаха.—Онъ всталъ и съ негодованіемъ ушелъ въ свою келію.

Графъ Брауншвейгъ, разумѣется, ни чуть не сконфузился такимъ строгимъ приговоромъ,—онъ только исполнилъ то, что ему говорилъ раньше грозный комтуръ.

Нѣсколько дней спустя, одинъ изъ конюховъ герцога Валуа занемогъ, и на мѣсто его тотчасъ же былъ нанятъ мессиромъ Франсуа одинъ изъ самыхъ лучшихъ нѣмецкихъ берейторовъ, бывшій нѣсколько лѣтъ на конюшнѣ самого великаго магистра.

Съ момента его поступленія, всѣ порядки на конюшнѣ герцога измѣнились. Никогда еще не было у герцога такого удивительнаго и неутомимаго слуги, лошади лоснились, какъ атласъ, сбруя блестяла, гривы у коней были убраны цвѣтами и лентами, порядокъ водворился образцовый, такъ что мессиръ Франуа сразу, съ легковѣріемъ француза, вполне положился на Георга Мейера, такъ звали новаго берейтора. Черезъ нѣсколько дней онъ поручилъ ему проѣзжать даже самого „Пегаса“.

Онъ, казалось, очень ловко умѣлъ обходиться съ этимъ гордымъ конемъ, но странное дѣло, когда ему случалось ѣздить на немъ въ окрестностяхъ лагеря, то, несмотря на то, что прогулка бывала непродолжительной, конь возвращался домой въ мылѣ и дрожа всѣмъ тѣломъ.

Георгъ Мейеръ утверждалъ, что это происходитъ оттого, что конь очень застоялся, и довѣрчивый мессиръ Франсуа слѣпо вѣрилъ своему нѣмцу.

Наконецъ насталъ и самый день турнира.

Съ раняго утра цѣлыя толпы всякаго званія людей потянулись и отъ города, и отъ сосѣднихъ поселковъ, на громадный ипподромъ, окруженный деревянными крытыми галлереями, на которомъ должно было происходить состязаніе. Весь городъ, крѣпость, форштадтъ, всѣ ставки иноземныхъ гостей, дорога къ ипподрому и самъ ипподромъ были пестро разубраны флагами. Черный и желтый цвѣта преобладали. Только надъ ставками иноземныхъ гостей виднѣлись знамена съ ихъ національными цвѣтами, да надъ обѣими палатками-шатрами герцога Валуа виднѣлись огромныя бѣлыя знамена, каждый съ тремя нашитыми на нихъ лиліями—гербъ Бурбоновъ.

Этотъ флагъ снова очень сильно покоробилъ нѣмецкій гордый капитуль, но они сдержались—гибель храбраго французскаго рыцаря была впередъ подготовлена, стоило-ли горячиться изъ за такой малости.

Когда солнце уже поднялось высоко надъ горизонтомъ, тро-

нулись къ мѣсту турнира и рыцари, и гости рыцарскіе въ полномъ боевомъ вооруженіи, въ сопровожденіи своихъ многочисленныхъ свить.

Пажи, кнехты, конюхи и вся челядь каждаго нзъ нихъ носила на груди гербы своего господина, а численность ихъ указывала его значеніе и богатство.

Наконецъ, изъ своей ставки вышелъ и самъ герцогъ Валуа. Онъ былъ ослѣпительно красивъ въ своей герцогской коронѣ и въ бархатномъ бѣломъ полуплащѣ, съ вышитыми на немъ серебряными лиліями. Всѣ слуги, пажи, даже самъ мессиръ Франсуа были одѣты въ бѣлый цвѣтъ, цвѣтъ ихъ господина. Это въ простой, относительно, нарядъ эффектно выдѣлялся среди пестроты всевозможныхъ цвѣтовъ одеждъ другихъ рыцарскихъ слугъ.

Коня герцогу подвелъ мессиръ Франсуа, а съ другой стороны стремя держалъ Георгъ Мейеръ.

Борзый конь, казалось, былъ на этотъ разъ какъ-то нервнѣе и возбужденнѣе, чѣмъ обыкновенно. Онъ озирался и прыдалъ ушами, словно испуганный чѣмъ-то, и нервно вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ.

Герцогъ смѣло подошелъ къ нему и ловкимъ движеніемъ, несмотря на тяжесть вооруженія, почти безъ посторонней помощи, вскочилъ въ сѣдло и схватилъ поводья. Конь, всегда покойно дававшій садиться на себя, на этотъ разъ какъ-то качнулся въ сторону и сдѣлалъ совсѣмъ неожиданный вольтъ. Самъ герцогъ, увлеченный ожиданіемъ предстоящаго турнира, и не замѣтилъ этого, только старый Франсуа похлопалъ коня по шеѣ и голосомъ старался его успокоить.

— Съ Богомъ!—произнесъ герцогъ, и шествіе тронулось. Впереди шли пажи по парѣ, затѣмъ оруженосцы, несшіе шлемъ господина, его копье и большой овалный щитъ съ изображеніемъ тѣхъ же лилій, что и на плащѣ.

Герцогъ сдержалъ коня, бѣшено порывавшагося впередъ, еще разъ оглянулся на завѣсу второй ставки, гдѣ обитала княжна Вейдана, онъ думалъ еще разъ увидѣть ея чарующіе глаза.

Дѣйствительно, онъ увидалъ ихъ... Но этотъ взглядъ не былъ полонъ ласкою и любовью, какъ нѣсколько минутъ тому назадъ, въ минуту прощанья, напротивъ того, онъ былъ испуганъ и устремленъ на одну точку.

— Остановись!.. Остановись!—вдругъ воскликнула княжна и, забывая свое положеніе, выбѣжала изъ ставки и бросилась къ герцогу...

— Что случилось? Что случилось?—въ недоумѣніи спросилъ онъ. Но княжна не отвѣчала, она подбѣжала къ самому герцогу, и бѣлымъ платкомъ, который былъ въ ея рукахъ, провела по крутымъ ребрамъ коня, какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ колѣно вадника касается лошади. Конь вздрогнулъ и попятился, у княжны на платкѣ заалѣло пятно крови.

Очевидно, конь был раненъ.

Тутъ только герцогъ и старый Франсуа поняли въ чемъ дѣло. Первымъ движеніемъ герцога было слѣзть съ коня и самому осмотрѣть рану. Конюхи и кнехты столпились кругомъ, всѣхъ мучила тяжелая, страшная неизвѣстность.

Герцогъ со старымъ Франсуа кончили осмотръ, рана была пустяшная, не болѣе, какъ чуть замѣтная ссадина, но очевидно поддержанная нѣсколько дней, и потому чрезвычайно болѣзненная. Но что поразило ихъ обоихъ—это то, что какъ разъ противъ этой раны, въ кожѣ сѣдла, или вѣрнѣе сѣдѣльнаго крыла, былъ укрѣпленъ небольшой гвоздикъ, который неминуемо долженъ былъ вонзаться въ ранку, какъ только всадникъ довалъ шенкель коню.

Тутъ уже и сомнѣнія быть не могло... Здѣсь измѣна и предательство были очевидны... Во время турнира, на крутомъ поворотѣ, взбѣшенный болью конь могъ легко сбросить всадника.

— Кто въ послѣдній разъ ѣздилъ на Пегасъ?—довольно спокойно спросилъ герцогъ.

— Новый конюхъ Георгъ Мейеръ,—съ поклономъ отвѣтилъ старый Франсуа. Онъ и всѣ окружающіе чувствовали, что въ воздухѣ собирается гроза, и что молодой герцогъ можетъ вдругъ превратиться въ звѣря.

— Позвать его сюда... да надѣть колодки!—крикнулъ Валуа.

Оруженосцы и конюха бросились исполнять его приказаніе. Но презрѣннаго нѣмца и слѣды простыли. Видя, что подлость его открыта, онъ, словно за дѣломъ, бросился къ конюшнямъ и затѣмъ, сбросивъ костюмъ съ гербомъ Валуа, скрылся въ лагерь.

— Хорошо, разберемъ послѣ! Сто ефимковъ тому, кто его найдетъ и выдастъ!—крикнулъ герцогъ.—А теперь сѣдлайте мнѣ „Бижу“; онъ вѣроятно въ порядкѣ.

— Ваша свѣтлость,—заговорилъ снова Франсуа, осмотрѣвъ и обмывъ рану Пегаса,—посмотрите, какъ Пегасъ теперь спокоенъ, я увѣренъ, что если подложить на мѣсто этого гвоздя кусочекъ войлока, или корпии, Пегасъ сослужитъ вамъ службу, какъ бывало служиваль... Тутъ не рана причиной, а злодѣйскій гвоздь, самая нѣмецкая злодѣйская ухватка.

Герцогъ самъ подошелъ и внимательно осмотрѣлъ рану коня. Когда дѣло шло о его жизни, только тогда этотъ блестящій Валуа снисходилъ до необходимости позаботиться о собственной оборонѣ.

— Ты правъ, расчесть злодѣевъ не удался, благодаря княжнѣ... Я ей обязанъ жизнью. О, я сумѣю быть благодарнымъ... Ну и ты хорошъ, старикъ, довѣрилъ мою жизнь—и кому же—нѣмцу!..

— Прости, свѣтлѣйшій господинъ!—припавъ къ ногамъ герцога, простоналъ старикъ,—обошли, окаянные... Ну какъ же имъ не вѣрить... Служилъ у самаго великаго магистра, уменъ, прилеженъ, аккуратенъ! Кому же вѣрить...

— Кому хочешь, хоть сарацину, только не нѣмцу!—восклик-

нулъ герцогъ.—Однако, спѣши перевязкой... Пора, сейчасъ начало турнира, не хочу я, чтобы сказали, что герцогъ Валуа побоялся сѣсть на своего коня.

— Все готово!—доложилъ черезъ минуту старикъ и снова подвелъ Пегаса своему господину. На этотъ разъ благородное животное было совершенно спокойно и казалось съ благодарностью смотрѣло на тѣхъ, кто избавилъ его отъ невыносимыхъ мученій.

Но садясь еще въ сѣдло, герцогъ снова обернулся къ завѣтной занавѣскѣ,—изъ за нея весело смотрѣли чудные, блестящіе глаза княжны и виднѣлась ея обворожительная улыбка.

— Que Dieu te garde!—крикнула она, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Валуа, сѣвъ на коня, трогался къ мѣсту турнира.

Молодой челоѡкъъ вздрогнулъ, онъ еще разъ обернулся къ красавицѣ и рукой послалъ ей поцѣлуй;—она отвѣтила тѣмъ же и скрылась въ шатерь.

III.

Турниръ.

Весь громадный ипподромъ, назначенный подъ рыцарское ристалище, уже почти былъ полонъ вооруженными рыцарями и ихъ свитой, когда молодой герцогъ Валуа явился къ воротамъ, ведущимъ на арену.

Привратникъ, одинъ изъ старѣйшихъ рыцарей конвента Мариенбурга, въ сопровожденіи двухъ ассистентовъ, подошли къ нему.

— Благородный рыцарь!—произнесъ привратникъ:—по законамъ рыцарства, всякій являющійся на турниръ, для честнаго и открытаго состязанія, обязанъ доказать свои права на то, чтобы вѣхаться въ этотъ кругъ, въ число господъ благородныхъ рыцарей. Требуется представить доказательство, что родъ являющагося уже шесть поколѣній причисленъ къ благородному рыцарству.

— Покажи!—лаконически обратился герцогъ Валуа къ мессиру Франсуа, и тотъ медленно досталъ изъ серебрянаго ящика, висѣвшаго у него на груди, пергаментный свитокъ родословнаго дерева Валуа, подписанный самимъ королемъ и утвержденный его печатью.

Рыцарь-привратникъ тотчасъ съ благоговѣніемъ поцѣловалъ подпись короля и сдѣлалъ знакъ пропустить герцога. Нѣчто вродѣ теперешняго шлахбаума поднялось, и предшествуемый своей свитой, герцогъ выѣхалъ на арену.

Кругомъ всего поля, отгороженнаго для состязанія, были устроены мѣста для зрителей и для судей. Особенно роскошно

была драпирована ложа орденскаго капитула, гдѣ на первомъ мѣстѣ, въ полномъ костюмѣ гротмейстера ордена, сидѣлъ великій магистръ Ульрихъ Юнгингенъ.

Рядомъ съ нимъ, по правую сторону, возсѣдалъ великій маршалъ, а по лѣвую тотъ самый князь Силезскій Рудольфъ, который продалъ своего коня графу Брауншвейгу. Не могли самъ принять участія въ состязаніяхъ, онъ не могъ утерпѣть, чтобы не пріѣхать на турниръ хотя бы простымъ зрителемъ.

Нѣсколько позади этихъ лицъ сидѣли ряды крестовыхъ рыцарей, въ полномъ вооруженіи. Эти ряды бѣлыхъ плащей, съ нашитыми черными крестами, собранные въ одно мѣсто, производили удивительное впечатлѣніе.

Могучія, усатыя фигуры, закованныя въ бранные доспѣхи и укутанныя въ свои плащи, казались на своихъ мѣстахъ, въ глубинѣ разубранныхъ ложъ, живыми портретами какихъ-то древнихъ фантастическихъ воиновъ, сподвижниковъ Готфрида Бульонскаго. Здѣсь, на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ шаговъ была собрана вся сила, все могущество ордена, этого сильнѣйшаго военнаго государства своего времени.

На эстрадѣ возсѣдали только старшіе по годамъ рыцари, по большей части суровые, украшенные многими шрамами отъ ранъ ветераны. Всѣ молодые рыцари были, съ позволенія великаго магистра, на мѣстѣ расталища.

Важно, медленно, по мѣрѣ вступленія на арену, проходили предъ великимъ магистромъ и орденскимъ капитуломъ соискатели отличій въ бою. Пажи и оруженосцы шли предъ своими господами, конюхи вели подъ уздцы рыцарскихъ коней, и рыцари, равняясь съ ложей магистра, низко склоняли мечи.

Вотъ затрубили трубы, и одинъ за другимъ стали сѣзжать съ арены рыцари и ихъ слуги. Остался только церемоніймейстеръ и при немъ два герольда. Они торжественно объѣхали арену, и остановившись противъ ложи магистра, отдали ему низкій поклонъ.

— Благоволи, благородный, высокоименитый господинъ, великій магистръ благородныхъ рыцарей креста, дозволить открыть состязаніе, въ честь и славу каждаго, кто имѣетъ на это право!— произнесъ торжественно церемоніймейстеръ.

— Благословляю и открываю!—важно отвѣчалъ магистръ и махнулъ рукой.

Трубы снова грянули тушъ, и церемоніймейстеръ, повернувшись лицомъ къ рыцарямъ, ждавшимъ за воротами ограды, въ особомъ, нарочно для этого обстоятельства устроенномъ кругу, произнесъ:

— Благородные господа! Поле чести открыто, да ниспошлетъ Господь Богъ крѣпость мышцамъ вашимъ. Аминь!

— Аминь,—повторили за нимъ какъ-то торжественно почти всѣ присутствовавшіе.

По указаніямъ двухъ младшихъ церемоніймейстеровъ, наблю-

давшихъ за порядкомъ турнира, и особыхъ приставовъ (prevosts), нѣсколько рыцарей по-парно выѣхали на арену.

Это были чешскіе дворяне-рыцари, вызвавшіе на бой на копьяхъ такое же количество нѣмецкихъ рыцарей, принадлежавшихъ къ составу подданныхъ римской имперіи.

Какъ извѣстно, съ воцареніемъ Сигизмунда, германскаго императора, рознь между чешскимъ помѣстнымъ дворянствомъ и подавляющимъ ихъ нѣмецкимъ, пришлымъ въ Богемію, снова возгорѣлась съ новой силой и привела въ концѣ концовъ къ возстанію таборитовъ. Теперь же эта антипатія только что начинала высказываться, и чешскіе рыцари, которыхъ было довольно много въ войскѣ рыцарей, за нѣсколько дней до турнира, пользуясь случаемъ отомстить и унижить нѣмцевъ, вызвали ихъ на состязаніе.

Со своей стороны нѣмцы-австрійцы приняли вызовъ, и скоро двѣнадцать бойцевъ ихъ національности выстраивались противъ такого же числа чеховъ, уже стоявшихъ на своихъ мѣстахъ.

Выравнивъ противниковъ и раздѣливъ между ними „свѣтъ и вѣтеръ“, герольды и помощники отѣхали къ сторонѣ, и старшій церемоніймейстеръ махнулъ своимъ жезломъ по воздуху.

Подъ трескъ и гулъ трубъ бросились другъ на друга рыцарскіе ряды! Въ первую минуту трудно было рассмотреть кто побѣдилъ. Люди, кони, поверженные и уцѣлѣвшіе смѣшались въ одну кучу, но черезъ секунду стало яснымъ, что въ первой стычкѣ три нѣмца и два чеха свалились съ лошадей и теперь валялись на землѣ, не имѣя возможности подняться на ноги, благодаря тяжести своего вооруженія.

Пристава и служители бросились къ упавшимъ рыцарямъ и помогли имъ выбраться съ арены. Бой возобновился снова и на новыхъ копьяхъ, такъ какъ при первой стычкѣ большинство ихъ было разбито въ щепы.

Вторая стычка оказалась еще неудачнѣй для нѣмцевъ. Чехи, имѣя превосходство одного бойца, дружно ударили на противниковъ, и снова три нѣмца и только одинъ чехъ свалились на арену. Нѣмцы хотѣли продолжать испытаніе, но церемоніймейстеръ, по приказанію великаго магистра, махнулъ жезломъ, и бой прекратился. Въ сѣдлѣ было 9 чеховъ и только 6 нѣмцевъ.

Совѣщаніе судей продолжалось не долго, побѣда чеховъ была полная и неоспоримая!

Ихъ признали побѣдителями, какъ ни тяжело было это нѣмецкому сердцу!

Снова загремѣли трубы, и на арену вылетѣлъ на новокупленномъ конѣ первый боецъ ордена, графъ Брауншвейгъ.

Онъ былъ въ вызолоченныхъ доспѣхахъ и въ такомъ же шлемѣ. Графская корона изъ золота ясно была видна вокругъ его шлема, надъ которымъ гордо вѣяли три павлиньихъ пера, знакъ высокаго происхожденія.

Сдѣлавъ ловко вольтъ, онъ подскакалъ къ трибунѣ великаго

магистра и опустил предъ нимъ копье, въ знакъ покорности, потомъ снова пришпорилъ коня и понесся на противоположный край арены, поджидая врага соперника.

Онъ не заставилъ себя ждать.

Не успѣлъ трубачъ протрубить три раза вызовъ, какъ на арену однимъ скачкомъ влетѣлъ рыцарь на чудномъ ворономъ конѣ, и осадивъ благородное животное, такъ что оно достало хвостомъ до земли, съ мѣста отдалъ честь копьемъ великому магистру.

Это было не совсѣмъ по этикету, но право гостя и знатность рода заставили простить это легкое неуваженіе. Рыцари капитула были твердо увѣрены, что этотъ надменный французика черезъ нѣсколько минутъ поплатится за свою дерзость.

Они были убѣждены, что или сила графа Брауншвейга, или нѣмецкая ловкость подосланнаго берейтора побѣдитъ храбрость француза.

Не смотря на предостереженіе стараго Франсуа, герцогъ не позаботился даже сбросить съ плечъ своей бѣлой одежды, хотя осторожность требовала избѣгать сверхъ латы всего, обо что бы могло зацѣпиться копье соперника. Герцогская корона, видѣвшаяся вокругъ шлема, опереннаго страусовыми перьями, блистала драгоценными камнями, на груди молодаго красавца сверкала тотъ самый медальонъ, который такъ прельщалъ графа Брауншвейга.

По знаку герольдовъ, соперники бросились другъ на друга, но оба были слишкомъ искусны, чтобы попасться въ расплохъ, копыя ихъ скользнули одно по другому и оба рыцаря, увлеченные стремленіемъ, промчались одинъ мимо другого, не нанеся другъ другу никакого удара.

Этотъ ловкій маневръ возбудилъ энтузіазмъ въ зрителяхъ. Со всѣхъ сторонъ неслись крики одобренія.

Весь вопросъ теперь заключался въ томъ, кому изъ бойцевъ удастся скорѣе удержать и повернуть коня, чтобы получить наибольшій разбѣгъ для удара. На этотъ-то моментъ и рассчитывалъ болѣе всего капитулъ, подсылая измѣнника конюха къ герцогу. Конь, отъ приложеннаго шенкеля, долженъ былъ закинуться, и герцогъ, если не слетѣтъ съ коня, то во всякомъ случаѣ потерять нѣсколько невознаградимыхъ секундъ.

Марквардъ Зальцбахъ и всѣ рыцари совѣта, посвященные въ дьявольскій планъ, смотрѣли въ оба за движеніемъ француза, но, странное дѣло, „Пегасъ“ не только не закинулся, но удивительно быстро сдѣлалъ обратный вольтъ и помчался снова на врага, казалось, съ удвоенной силой.

Графъ Брауншвейгъ, напротивъ, замѣшкался, горячій конь занесъ его слишкомъ далеко и опоздалъ съ вольтомъ, такъ что герцогъ налетѣлъ на него въ то мгновеніе, когда его стремленіе не достигло еще полной быстроты.

На этотъ разъ копыя скрестились, и графу не удалось отпа-

рировать копьём удара, онъ долженъ былъ принять его на щитъ, и хотя копы герцога было разбито силой удара, но зато и щитъ былъ вырванъ изъ рукъ нѣмецкаго рыцаря, и онъ самъ едва усидѣлъ на сѣдлѣ.

По правиламъ турнира, разъ онъ не былъ выброшенъ изъ сѣдла, ему предоставлялось продолжать бой тѣмъ оружіемъ, которое оставалось на немъ, и онъ тотчасъ же воспользовался этимъ правомъ. Пришпоривъ коня, онъ мигомъ вынесся изъ подъ ударовъ герцога и помчался вокругъ арены. Герцогъ бросился его преслѣдовать.

Одновременно и тотъ и другой достали мечи и снова бросились другъ на друга. Но теперь уже всѣ шансы были на сторону французскаго рыцаря, у него на лѣвой рукѣ былъ щитъ, а у графа его уже не было, это обстоятельство дѣлало бой неравнымъ.

Это прекрасно понялъ и великій магистръ. Не желая лишиться такого могучаго воина, какимъ былъ графъ Брауншвейгъ, онъ приказалъ герольдамъ прекратить бой, но графъ Брауншвейгъ первый подскакалъ къ барьеру и сталъ умолять, чтобы ему дозволили довести бой до конца.

— Но, благородный братъ, ты безъ щита, нельзя позволять продолжать бой при такихъ условіяхъ,—замѣтилъ великій магистръ.

— Съ помощью Божіей, я и безъ щита одолѣю соперника!— гордо воскликнулъ нѣмецъ.

— Я равняю шансы боя!—въ свою очередь отозвался герцогъ Валуа и бросилъ на арену свой стальной щитъ. Гдѣ правда, тамъ и сила!..

— Гдѣ Германія, тамъ и побѣда!—въ свою очередь воскликнулъ графъ.

Великій магистръ махнулъ рукой, въ знакъ позволенія, и оба рыцаря, повернувъ своихъ коней, помчались на арену.

На этотъ разъ бой становился гораздо рѣшительнѣй и опаснѣе. Мечи скрестились въ воздухѣ и цѣлый рядъ звонкихъ ударовъ прозвучалъ по шлемамъ и панцырямъ силачей.

Кони, превосходно обученные для турнира, стояли теперь другъ противъ друга какъ вкопанные, только бѣлая пѣна клубилась съ мунштуковъ, да горячее дыханіе обдавало другъ друга.

Приподнявшись на стременахъ, рыцари схватили мечи обѣими руками и молча наносили другъ другу самые ужасные удары. Но все напрасно, сталь встрѣчала или сталь меча, или шлемъ, или панцырь!.. Зрители, затаивъ дыханіе, съ замирающими сердцами слѣдили за перипетіями боя. Рыцари, разумѣется, сочувствовали своему, но гости и большая часть горожанъ держали сторону храбраго француза. Невольные взрывы криковъ вызывались при каждомъ ловкомъ ударѣ. Но бойцы уже выбивались изъ силъ, еще не успѣвъ рѣшить побѣды.

Въ эту секунду Пегась, конь герцога, вѣроятно оскорбленный близостью морды незнакомаго ему коня, пользуясь тѣмъ, что господинъ схватилъ обѣими руками мечъ и тѣмъ самымъ не могъ уже сдерживать его удилами, вдругъ взвизгнувъ и укусилъ коня соперника за шею. Тотъ, не ожидавшій такого нападенія, шарахнулся въ сторону, и въ тоже мгновение мечъ, падающій на шлемъ графа Брауншвейга, по увеличившемуся разстоянію между бойцами, скользнулъ только по шлему графа, пронесся ниже и концомъ своимъ задѣлъ благородное животное по шеѣ.

Почувствовавъ боль, конь графа сдѣлалъ отчаянный прыжокъ и вдругъ взвился на дыбы, какъ свѣчка. Всадникъ не могъ удержаться въ сѣдлѣ и свалился. Теперь никто не могъ болѣе оспаривать побѣды у герцога. Виваты и громкіе крики одобренія толпы смѣшались съ ревомъ трубъ, гремѣвшихъ побѣдный тушъ.

Герольды и пристава бросились поднимать Брауншвейга, но онъ и самъ вскочилъ на ноги и требовалъ продолженія боя. На этотъ разъ великій магистръ рѣшительно отказалъ въ этомъ, и вставъ со своего мѣста, подошелъ къ самому барьеру.

Побѣдитель сошелъ съ коня, и снявъ шлемъ, шелъ по ступенькамъ, ведущимъ отъ арены къ ломамъ.

Подойдя на разстояніе трехъ шаговъ къ магистру, онъ преклонилъ одно колѣно, и великій магистръ собственноручно надѣлъ ему на шею широкую золотую цѣпь, съ бѣлымъ изображеніемъ орла съ распростертыми крыльями.

— Ты можешь гордиться, благородный герцогъ и желанный гость нашъ,—проговорилъ онъ внушительно:—ты сегодня въ примѣрномъ бою побѣдилъ нашего лучшаго и сильнѣйшаго бойца... Да даруетъ тебѣ Господь Вседержитель такую же крѣпость мышцъ въ борьбѣ съ невѣрными.

— Не горжусь побѣдой, она отъ Господа Бога,—отвѣчала французъ:—но горжусь честью быть въ рядахъ такого храбраго и благороднаго воинства, чуждаго всякихъ козней противъ насъ, иностранцевъ!

Если бы великій магистръ могъ знать о той сценѣ, которая разыгралась въ лагерѣ, предъ самымъ отъѣздомъ на турниръ герцога, онъ понялъ бы ядовитый намекъ, сдѣланный французомъ, но до него еще не могли дойти вѣсти о неудавшемся злостномъ покушеніи, и онъ принялъ слова французза за чистую монету.

— Очень радъ, благородный герцогъ, что тебѣ нравится среди насъ; для насъ же всѣ христіанскіе рыцари, идущіе на брань съ невѣрными, братья о Христвѣ.

Подѣловавъ затѣмъ по этикету побѣдителя въ лобъ, великій магистръ снова вернулся на свое мѣсто, указавъ герцогу мѣсто между знатнѣйшими рыцарями.

Начинался новый бой.

На арену, одѣтый поверхъ панцыря въ пеструю, вышитую шелками и серебромъ одежду, явился венгерскій рыцарь Доно-

манъ Дисса, и тотчасъ вслѣдъ за нимъ, словно ураганъ, при-мчался громадный атлетъ, на рыжемъ конѣ.

Нѣсколько минутъ, пока рыцари объѣзжали кругъ, почти никто не могъ признать втораго рыцаря, и лишь только тогда, когда оба они остановились предъ трибуной гросмейстера, и рыцарь поднялъ забрало, всѣ увидали краснобагровое лицо графа Рочестера, знакомаго всѣмъ рыцарямъ по неслыханнымъ кутежамъ, продолжавшимся во все время его пребыванія въ Мариенбургѣ, ежедневно, вѣрнѣе еженочно.

Трудно было отгадать, кто побѣдитъ въ этомъ удивительномъ бою, легкой-ли, какъ вѣтеръ и увертливый, какъ змѣя венгерець, или могучій какъ дубъ, но и какъ медвѣдь неповоротливый англичанинъ.

Ропотъ удовольствія прошелъ по всѣмъ зрителямъ, когда Дономанъ Дисса налетѣвъ, какъ птица, на графа Рочестера, поразилъ его ударомъ сабли по шлему, а тотъ, словно не почувствовавъ удара, взмахнулъ ему въ догонку мечемъ, но, разумѣется, не успѣлъ еще нанести удара, какъ венгерець былъ уже далеко.

— Ну, погоди же ты, рыжій дьяволъ!—воскликнулъ Дономанъ:—я выучу тебя быть проворнѣе.

Второй налетъ тоже не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха. Теперь настала пора дѣйствовать англичанину. Пришпоривъ своего кроваваго коня, громадный богатырь ринулся на своего соперника, и хотя тотъ увернулся отъ перваго удара и снова ударилъ по плечу англичанина, но не могъ избѣжать столкновенія и рукопашнаго боя.

Увлеченный боемъ и разсерженный дерзостью противника, графъ Рочестеръ, притиснувшись въ плотную къ сопернику, вмѣсто того, чтобы биться мечемъ или булавою, вдругъ сдѣлалъ движеніе въ сторону венгерца, обхватилъ его своими мощными руками, сорвалъ съ сѣдла, и какъ маленькаго мальчика промчалъ на рукахъ чрезъ всю арену и сбросилъ на землю предъ самой ложей великаго магистра.

Ни громкій кликъ толпы, ни почестъ, возданная его могуществу самимъ великимъ магистромъ, ни что, казалось, не могло разогнать мрачную флегму англичанина, а на обычную фразу гросмейстера, поздравлявшаго его съ побѣдой, онъ отвѣчалъ:

— А походъ скоро?.. У меня руки чешутся перевѣдаться съ этими сарацинами.

Великій магистръ чуть усмѣхнулся.

Черезъ недѣлю мы выступаемъ, и если въ моемъ войскѣ окажется только десять силачей, какъ ты, благородный графъ и братъ, мы бросимъ такъ же къ подножію алтарей христіанскаго великаго Бага злыхъ язычниковъ, какъ ты бросилъ къ нашимъ ногамъ юнаго венгерскаго удалца, осмѣливавшагося вызвать тебя на бой.

За этимъ боемъ слѣдовало еще нѣсколько другихъ, кончившихся довольно благополучно; затѣмъ наступило состязаніе стрѣльбы въ цѣль, и наконецъ въ бою на шпагахъ, пѣшкомъ.

Всѣ отличившіеся были щедро награждены, и турниръ заключился торжественнымъ шествіемъ всѣхъ участниковъ мимо великаго магистра. На немъ не присутствовали только двое: графъ Брауншвейгъ, сильно потерпѣвшій въ бою, и герцогъ Валуа, уѣхавшій домой до конца турнира.

Это новое отступленіе отъ этикета было замѣчено всѣми членами орденаго капитула, но они затаили месть до поры до времени, рассчитывая рассчитаться съ надменнымъ французикомъ впоследствии.

Рыцари никогда не прощали обиды. Это чувство искони присуще германской расѣ.

Герцогъ уѣхалъ съ турнира по двумъ причинамъ: ему приходилось, во-первыхъ, сидѣть рядомъ съ людьми, въ которыхъ онъ видѣлъ своихъ враговъ, и, во-вторыхъ, онъ чувствовалъ, что недостаточно поблагодарилъ княжну, спасшую, какъ онъ теперь былъ убѣжденъ, ему жизнь.

Не успѣлъ герцогъ со свитой доѣхать до своего лагеря, какъ выѣхавшій ему на встрѣчу молоденькій пажъ порадовалъ его извѣстіемъ. Общанная герцогомъ награда подѣйствовала. Измѣнникъ конюхъ Георгъ Мейеръ былъ пойманъ и теперь, закованный въ колодку, ожидалъ рѣшенія своей участи.

IV.

Допросъ нѣмца.

Соскочивъ съ боеваго коня и наскоро бросивши съ себя боевые доспѣхи, герцогъ приказалъ привести пойманнаго негодая.

Георгъ Мейеръ вышелъ съ самоувѣреннымъ видомъ нѣмца, который знаетъ, что у него есть крѣпкіе защитники.

— По какому праву меня арестовали?— дерзко спросилъ онъ, думая этимъ сконфузить французскаго рыцаря.

— По праву господина, у котораго бѣжалъ слуга предатель!— сдерживая свой гнѣвъ, отвѣчалъ Валуа.

— Я не рабъ, меня можетъ арестовывать только судъ! Я истинный нѣмецъ и не признаю инаго суда, какъ судъ господъ рыцарей. Я буду жаловаться.

— Ну, хорошо, я предамъ тебя суду за покушеніе на мою жизнь, а за порчу коня проучу и здѣсь. Эй, двухъ конюховъ съ бичами!— крикнулъ герцогъ.— Мессиръ Франсуа!— и тотчасъ въ ставкѣ появилось два широкоплечихъ нормандца, безпрекословныхъ исполнителей воли своего господина.

Увидя вошедшихъ, нѣмецъ затрясся всѣмъ тѣломъ. Онъ понималъ, что герцогъ не изъ тѣхъ, кого можно запугать крейцерами. Онъ вдругъ повалился на колѣни предъ герцогомъ.

— О, я клянусь, клянусь Пресвятой Дѣвой, я невиненъ! Я невиненъ!—вопилъ онъ, стараясь охватить колѣни молодого человека.

— Кто же, если не ты, ранилъ въ бокъ «Пегаса», кто же, какъ не ты, воткнулъ гвоздь въ сѣдло? И это—въ день турнира?.. А? Говори, негодяй?!

— Видитъ Богъ, не я! Видитъ Пресвятая Дѣва, не я..

— Такъ кто же, говори, злодѣй!—крикнулъ на него возбужденный герцогъ.

— Не могу, не могу сказать!—продолжалъ Мейеръ, котораго слуги герцога привязали, между тѣмъ, къ колодкѣ.

— Скажешь, негодяй, или умрешь подъ ударами!

— Не могу, великая клятва сковываетъ мои уста... Не могу!

Герцогъ махнулъ рукой, и два удара бича легли по спинѣ нѣмца; онъ извивался какъ змѣя и старался кричать какъ можно громче, думая криками призвать къ себѣ на помощь.

— Кто подучилъ тебя?—снова рѣзко спросилъ герцогъ.

— Не могу, не могу сказать, клятва велика, они не помчуютъ!.. Все равно мнѣ смерть!—со слезами простоналъ Мейеръ.

Герцогъ зналъ теперь то, что ему было нужно. Очевидно, у него были враги, и враги сильные.

— Ступайте пока прочь!—обратился онъ къ прислугѣ:—и оставьте меня, наединѣ съ нимъ,—онъ указалъ на привязаннаго Мейера.

Слуги и даже самъ мессиръ Франсуа почтительно удалились.

— Слушай, мы теперь одни и насъ никто не услышитъ,—проговорилъ онъ, подходя къ нѣмцу.—Я вѣрю, что ты не по собственной винѣ поступилъ со мной предательски. Открой мнѣ, кто мои враги, кто подучилъ тебя, и я не только прощу тебя, но и озолочу?

Глаза Мейера засвѣтились радостью.

— Увы, благородный господинъ, не могу говорить, страшная клятва связала мнѣ уста; если я нарушу ее, мою душу ждетъ адъ кромѣшный!

Герцогъ вынулъ изъ кармана кошелекъ съ деньгами и поднесъ его къ самому лицу Мейера.

— Смотри, здѣсь сто испанскихъ дублоновъ, достаточная сумма, чтобы прожить всю жизнь безбѣдно. Скажи мнѣ имя и она твоя...

— Не могу, видитъ Богъ, не могу!.. Нарушить такую клятву великій, смертельный грѣхъ, нѣтъ, не могу, не могу!—Стонъ жадности звучалъ въ словахъ нѣмца, онъ готовъ былъ хотя зубами вырвать изъ рукъ своего господина этотъ мѣшокъ съ золотомъ.

— Ты говоришь, клятва!.. Хорошо... Но вѣдь нѣтъ того грѣха, который бы не могъ отпустить святѣйшій отецъ (папа)... У меня есть здѣсь, при мнѣ, индульгенція святѣйшаго отца, за его святой подписью и печатью святаго Петра... Она безъимянная—стоитъ только вписать твое имя, и грѣхъ твой будетъ снятъ...

— Какъ, у свѣтлѣйшаго господина есть святая индульгенція и онъ согласится уступить ее мнѣ, червю и смерду... О, въ такомъ случаѣ, спрашивайте, я вамъ открою все... Только прикажите сначала развязать меня, проклятые ремни впились мнѣ въ тѣло.

Герцогъ подошелъ и кияжаломъ разрѣзалъ всѣ узлы плѣнника.

Георгъ Мейеръ вскочилъ на ноги и отряхнулся, словно собака, выскочившая изъ воды. Обѣщаніе богатства и безнаказанности въ этой и той жизни сдѣлало его совсѣмъ веселымъ, онъ даже позабылъ только что полученные удары бича.

— Говори, я слушаю!—произнесъ герцогъ, садясь къ походное кресло.

— А индульгенція, ваша свѣтлость...—нерѣшительно проговорилъ нѣмецъ.

— Ахъ, да, ты мнѣ не вѣришь... Ну и прекрасно, вотъ она,—и герцогъ досталъ съ груди небольшой молитвенникъ, въ которомъ, сложенная въ 8 разъ, лежала папская индульгенція, писанная на пергаментѣ; мѣсто для имени было оставлено, а также мѣсто для числа, мѣсяца и года.

— Видишь,—все въ порядкѣ, говори, и она твоя.

— А не мало ли капитала на первое обзаведеніе?—жадный взглядъ нѣмца перешелъ на мѣшокъ съ золотомъ.—Если я открою вашей свѣтлости роковую тайну, мнѣ придется бѣжать отсюда далеко...

— Я не торгуюсь и обѣщаній обратно не беру,—съ полуулыбкой отозвался герцогъ:—но говори скорѣе...

— Ваша свѣтлость...—вдругъ снова заговорилъ умоляющимъ тономъ Мейеръ,—я самъ могу только читать, и то по складамъ, кто же мнѣ впишетъ въ эту святую индульгенцію мое имя. Могутъ подумать, что я ее укралъ!

— Объ этомъ не безпокойся. Мессиръ Франсуа знаетъ грамоту за насъ обоихъ, я прикажу ему вписать немедленно! Не самому же мнѣ марать руки въ чернило...

— Но, ваша свѣтлость, нельзя ли это сдѣлать теперь же?

— Ахъ, ты глупый, глупый,—расхохотался герцогъ:—или ты забылъ, что святѣйшая индульгенція имѣетъ силу только до того часу, когда она выдана, слѣдовательно, если я тебѣ выдамъ ее сейчасъ, то она не будетъ имѣть силы противъ того грѣха, который тебѣ придется совершить, чтобы получить ее...

Нѣмецъ, очевидно, былъ очень сконфуженъ этимъ софизмомъ, онъ повалился снова къ ногамъ герцога и умолялъ его не выдавать его орденскому капитулу, если за нимъ явятся пристава.

— Ну, кто же, говори, кто приказалъ тебѣ устроить со мною эту подлость? Ужели графъ Брауншвейгъ, мой соперникъ...

— Нѣтъ, благородный господинъ, свѣтлѣйшій герцогъ, какъ можно, графъ Брауншвейгъ рыцарь въ полномъ смыслѣ слова, но у насъ въ орденѣ есть другіе враги, которые не постоятъ за средствами погубить васъ. Бойтесь ихъ, берегитесь!

— Но кто же они, и что я сдѣлалъ, чтобы заслужить такую ненависть?—переспросилъ удивленный герцогъ, думавшій, что назвавъ графа Брауншвейга, онъ назвалъ своего тайнаго врага.

— Ну, будь что будетъ,—набожно крестясь, сказалъ Георгъ Мейеръ:—пусть я буду анафема, если солгу хоть словомъ такому благородному и милостивому господину, какъ ваша свѣтлость... Меня подослалъ къ вамъ, по приказу всего орденскаго капитула, знаменитый комтуръ Марквардъ Зальцбахъ! Но только умоляю, заклинаю, молчите, молчите, или я погибъ, и ваша свѣтлость не минуешь новаго удара.—Предавшій этими словами своихъ подговорщиковъ, нѣмецъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и поминутно оглядывался, боясь, чтобы кто не подслушалъ его исповѣди.

— Марквардъ Зальцбахъ!.. Что я ему сдѣлалъ?—проговорилъ самъ съ собой изумленный герцогъ:—за что? за что? Что я имъ сдѣлалъ!?

— Простите, ваша свѣтлость, мою смѣлость... Марквардъ, посылая меня къ вашей милости, говорилъ мнѣ подъ страшною клятвой, что ваша свѣтлость врагъ святаго ордена, что ваша свѣтлость еретикъ, что тотъ, кто погубитъ вашу свѣтлость, заслужитъ царство небесное... Онъ исповѣдалъ меня и приобщилъ, и надъ святыми дарами взялъ съ меня страшную тайну молчанія, но теперь, со святѣйшей индульгенціей на груди, я не боюсь его проклятій...

Герцогъ задумался.

— Врагъ святаго ордена! Еретикъ! Наемные убійцы!.. Господи, куда я попалъ, что это за люди? Что это за служители Христа Спасителя!

— Такъ, ваша свѣтлость, такъ, это не крейхцеры, это крейццигеры (христораспинатели),—тихо вторилъ ему униженнымъ тономъ Мейеръ:—они не служители алтаря, а жрецы мамоны, орудіе дьявольское!.. Гробы поввафленные, полные праха и зловонія.

— А, ты еще здѣсь! Прочь!—крикнулъ на него герцогъ, совсѣмъ позабывшій про нѣмца—такъ были разстроены его мысли при извѣстии, что весь синклитъ рыцарскій желаетъ его смерти.

— А индульгенція, ваша свѣтлость, безъ нея горѣтъ мнѣ въ огнѣ геенны!—воскликнулъ онъ слезливо и снова упалъ на колѣни. Герцогъ бросилъ ему индульгенцію и мѣшокъ съ золотомъ.

— А теперь вонъ, прочь съ глазъ моихъ! Попадешься, не прогнѣвайся, велю повѣсить на первомъ деревѣ. Прочь!

Но уже нѣмецъ не слышалъ послѣднихъ словъ. Онъ задомъ выскользнулъ изъ палатки герцога, словно змѣя, юркнулъ между палатокъ и скоро исчезъ изъ глазъ герцогской стражи.

Герцогъ нѣсколько секундъ сидѣлъ въ глубокой задумчивости; будущность, мрачная, неизвѣстная, томила его. Вчера еще, облаканный великимъ магистромъ и всѣмъ рыцарствомъ, онъ, радостный и счастливый, считалъ дни и часы, которые ему оставалось провести въ бездѣйствіи до похода, а теперь этотъ походъ въ невѣрныя земли сарациновъ страшилъ его... И не мудрено; тѣ

самые благородные братья меча, которые только и молили цѣлый день о побѣдахъ надъ сарацинами, или рассказывали свои военные подвиги въ бояхъ съ тѣми же невѣрными, оказывались негодяями, подсылающими подкупныхъ убійцъ. Дѣвушка изъ племени этихъ самыхъ сарациновъ спасла ему жизнь и честь, а наемный убійца, подосланный рыцарскимъ капитуломъ, приобщается, готовясь къ преступленію, и бѣжить, какъ пойманный воръ, съ индульгенціей въ рукѣ!

— Господи, вразуми меня!— была единственная молитва, которую могъ прочитать несчастный, въ головѣ котораго мѣшались и сталкивались различныя мысли, предположенія и рѣшенія.

Подъ первымъ впечатлѣніемъ онъ было мечталъ тотчасъ же бросить все, и рыцарей, и собирающійся походъ, и захвативши княжну, уѣхать съ ней обратно во Францію, но другой, внутренній голосъ удержалъ его отъ этого рискованнаго плана. У него не было доказательствъ рыцарской измѣны, и всѣ его соратники и земляки стали бы смѣяться тому, что онъ уѣхалъ съ похода, даже не вступивъ на непріятельскую землю.

Онъ рѣшился остаться, но окружить себя и ту, которую любилъ всей душой, самыми серьезными предосторожностями.

Чуть въ душѣ его мелькнула мысль о милой, онъ весь вспыхнулъ отъ радости; онъ наказалъ злодѣя, ему оставалось только благодарить вѣрность и самоотверженіе.

Черезъ минуту онъ входилъ уже въ палатку-шатерь княжны. Въ рукахъ его была роскошная золотая цѣпь, которую онъ получилъ сегодня на турнирѣ изъ рукъ самаго великаго магистра.

При его приближеніи княжна быстро встала и пошла ему на встрѣчу; взоръ ея горѣлъ, пунцовыя губы трепетали. Она ожидала своего милаго, своего ненагляднаго, кому давно уже отдала свое сердце.

Въ теченіе послѣднихъ дней она сдѣлала большіе успѣхи во французскомъ языкѣ и могла связать нѣсколько фразъ... Да и много-ли нужно знать словъ, чтобы объясниться въ любви.

— *Soyez le bien venu!*— привѣтствовала княжна возвратившагося героя, а когда тотъ въ восторгѣ подаль ей золотую цѣпь и надѣвъ ей на шею объяснилъ, что получилъ ее какъ награду на турнирѣ, она, не умѣя еще отвѣчать сложной фразой, просто проговорила *merci*, и вдругъ пылко поцѣловала его въ самыя губы.

Нужны ли были потомъ какія другія объясненія!..

Они были счастливы, безмѣрно счастливы!..

Пріемъ Витовта у императора.

Въ то время, пока рыцари проводили время въ пирахъ, турнирахъ и кутежахъ, ихъ новый союзникъ венгерскій король, онъ же римскій императоръ или вѣрнѣе регентъ имперіи, Сигизмундъ, не дремалъ.

Пользуясь родствомъ съ Ягайллою—онъ былъ женатъ на сестрѣ его первой жены Ядвиги—Маріи, онъ вздумалъ выступить посредникомъ между нимъ и нѣмецкими рыцарями, разумѣется, держа сторону послѣднихъ. Усиленіе Польши было для него крайне неприятно, тогда какъ нѣмецкіе рыцари всегда являлись его вѣрнѣйшими союзниками въ войнахъ съ сосѣдями, да кромѣ того прислали ему въ даръ 30.000 двойныхъ испанскихъ червонцевъ.

Хвастливый императоръ очень обнадежилъ тевтонскаго магистра обѣщаніемъ, что и старыя захваты, и новыя занятые нѣмецкими войсками провинціи великой и малой Польши останутся за ними, и клялся имъ, что онъ сумѣетъ склонить Ягайллоу къ миру, а съ Витовтомъ и одни рыцари упрявятся легко.

Но Ягайлло не поддался на удочку. Помня завѣтъ мудрой жены Ядвиги, которая заклинала его никогда и ни въ чемъ не вѣрять Сигизмунду—хитрѣйшему и подлѣйшему человѣку на свѣтѣ, онъ не рѣшился самъ ѣхать на съѣздъ, но упросилъ своего друга и брата Витовта съѣздить и за себя, и за него на свиданье съ императоромъ.

Съѣздъ былъ назначенъ въ пограничномъ городкѣ Кезмаркѣ. Витовтъ не замедлил туда явиться, окруженный громадною и блестящею свитой. Кромѣ своихъ обыкновенныхъ приближенныхъ бояръ и князей церкви, вся его свита состояла изъ самыхъ могучихъ витязей его войскъ, и имѣла подѣ роскошными костюмами придворныхъ стальные и желѣзные доспѣхи и тяжелое оружіе. Онъ хотѣлъ хоть нѣсколько гарантировать безопасность своей личности отъ измѣны и предательства, въ которыхъ такъ часто и съ такимъ успѣхомъ практиковались и тевтонцы, и австрійскіе нѣмцы.

Особенно довѣряться Сигизмунду было крайне рискованно.

Онъ гарантировалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ свободный проѣздъ черезъ свои земли королевы Елизаветы венгерской, и она была убита; онъ словомъ и своей подписью гарантировалъ первому законоучителю чеховъ Іоанну Гуссу свободу и неприкосновенность, когда тотъ ѣхалъ на соборъ въ Констанць, и Гуссъ погибъ на кострѣ... Словомъ, императоръ Сигизмундъ былъ извѣстенъ своимъ лживымъ нѣмецкимъ языкомъ и своей продажною.

Встрѣча монарховъ была самая торжественная. Витовтъ, самъ

уже преклонныхъ лѣтъ, видя приближающагося къ нему на встрѣчу императора верхомъ, сошелъ съ коня и встрѣтилъ его поклономъ, но императоръ соскочилъ съ лошади и въ свою очередь дружески привѣтствовалъ литовскаго героя и торжественно обнялся и поцѣловался съ нимъ.

— Поцѣлуемъ-ли Іуды предаешь ты меня?—мелькнуло въ умѣ Витовта, но онъ сдержался и отдалъ поцѣлуй и даже проследилъ. Впрочемъ, слезы были дешевы у Кейстувовича.

— Намъ нужно переговорить и переговорить серьезно,—первый началъ императоръ, когда они остались вдвоемъ въ роскошныхъ шатрахъ, нарочно разбитыхъ для свиданія монарховъ.

— Что же, я готовъ, но думаю, что не мѣшало бы намъ имѣть при себѣ секретарей, чтобы записывать наши рѣчи,—сказалъ Витовтъ.

— Зачѣмъ же?—возразилъ Сигизмундъ.—Не все то, о чемъ мы будемъ говорить, можетъ сдѣлаться достояніемъ третьяго, а тайна, извѣстная тремъ, извѣстна всему міру.

— Да, но, къ сожалѣнію, иначе нельзя удержать въ памяти дословно то, о чемъ мы будемъ толковать, и я не могу сообщить союзнику и брату полностью весь нашъ разговоръ.

— А развѣ нужно, чтобы онъ зналъ его дословно?—удивленно спросилъ императоръ.—Я думаю, будетъ совершенно достаточнымъ, если онъ узаетъ результатъ, къ которому мы можемъ прійти, а не путь, которымъ мы къ нему подбирались. А я даже думаю, что лучше было бы, чтобы мой шурина никогда не узналъ, о чемъ мы будемъ разговаривать.

Витовтъ только улыбнулся вмѣсто отвѣта; онъ понялъ, почему Сигизмундъ не хочетъ имѣть свидѣтелей разговора. Онъ замышлялъ новое предательство.

— Что же, если вашему императорскому величеству угодно, будемъ говорить безъ свидѣтелей, и я постараюсь въ своей старческой памяти сохранить нашъ разговоръ.

— Вотъ и прекрасно...—замѣтилъ императоръ:—я, какъ и мой вѣнценосный шурина, смерть не люблю этихъ клириковъ и крючкотворовъ, писцовъ и нотаріусовъ... И такъ, приступимъ.—Они сѣли другъ противъ друга, лицомъ къ лицу, у стола, заставленнаго фруктами и бутылками съ виномъ.

— Я вижу,—началъ снова Сигизмундъ,—что съ моимъ драгоценнымъ братцемъ, или вѣрнѣе съ панами-рады, или сенаторами, которые держатъ его въ рукахъ, какъ мышку, толку не добьешься и дѣла не сдѣлаешь... Надо дать этимъ гордымъ панамъ хорошій урокъ, тогда они будутъ осмотрительнѣе.

— Позвольте, ваше величество, вы говорите это мнѣ, его союзнику и брату.

— Хоть со мной не хитрите, ваша свѣтлость,—съ улыбкой отозвался императоръ.—Я знаю, насколько вы его союзникъ и насколько любите его... Знаю также, что онъ, предательски захвативъ, погубилъ вашего отца, великаго Кейстута, льва литовскаго,

знаю, что онъ васъ изгонялъ два раза изъ Вильны, что онъ заставлялъ васъ два раза бѣгать къ рыцарямъ и потомъ выдавалъ васъ безжалостно врагамъ!.. Какой же тутъ союзъ, какая же тутъ дружба!

Страшныя воспоминанія, которыя будилъ хитрый императоръ, болѣзненно отозвались въ сердцѣ Витовта. Прошедшая жизнь, словно молнія промелькнула предъ глазами великаго князя. Онъ даже зажмурился, словно отъ ослѣпительнаго блеска солнца.

— Онъ и теперь замышлялъ измѣну противъ вашего величества,—продолжалъ Сигизмундъ:—у меня есть доказательство—вотъ, смотрите письмо, которое получено мною не больше мѣсяца. Онъ, вашъ братъ и другъ, Ягайлло предлагаетъ мнѣ союзъ, чтобы, помиривъ его съ нѣмцами-рыцарями, всѣмъ втроемъ воевать литовскую землю!

Въ доказательство своихъ словъ, Сигизмундъ вынулъ изъ ящика и показалъ Витовту письмо Ягайллы, въ которомъ онъ излагалъ дѣйствительно наступательный и оборонительный союзъ, съ цѣлью покоренія Литвы!

Но императоръ перехитрилъ; это было одно изъ тѣхъ писемъ, которыя были писаны подъ диктовку самого Витовта Збигневемъ, секретаремъ короля Ягайллы, и только подписаны каракулей безграмотнаго Ягайллы.

— Да, я не ожидалъ отъ него такой измѣны!—играя роль удивленнаго и озлобленнаго, воскликнулъ Витовтъ.—Такое вѣроломство не можетъ остаться ненаказаннымъ!.. Какъ хорошо, что я узналъ объ этомъ такъ скоро!

Витовтъ, когда нужно, умѣлъ отлично притворяться. Ему и на этотъ разъ удалось прекрасно сыграть роль, такъ что Сигизмунду и въ голову не могло прійдти, что авторъ этого компрометирующаго Ягайллу письма тутъ же, предъ нимъ!

— О, я долженъ и сумѣю ему отомстить!—воскликнулъ литовскій князь:—и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!—Онъ теперь зналъ, что было на умѣ императора. Интересы рыцарскаго государства были для него выше узъ родства и пріязни. Онъ понималъ, что пріѣзжай вмѣсто него, Витовта, на съѣздъ Ягайлло, разговоръ бы былъ тотъ же и предложенія тѣ же, но заговоръ шелъ бы не противъ Польши, а противъ Литвы.

Императоръ Сигизмундъ такъ съиль увѣренъ, что ему удалось убѣдить Витовта въ измѣнѣ дѣлу Ягайллы, что онъ тотчасъ же перешелъ на практическую почву и сталъ условливаться о другомъ, болѣе прочномъ, по его словамъ, союзѣ Литвы, Ордена и Имперіи.

Витовтъ, превосходно разыгравшій до этихъ поръ свою роль, подаль видѣ, что поддается на доводы, но просилъ подумать до слѣдующаго дня. Императоръ далъ ему свое согласіе, и прощаясь съ нимъ, обнялъ его за пани-брата и промолвилъ не безъ лукавства:

— Не понимаю, не могу понять причины, почему литовскіе

владыки довольствуются титуломъ «великаго князя» и не ищутъ королевской короны?

Витовтъ вздрогнулъ, это была его самая завѣтная мечта.

— Вѣдь земли литовскія гораздо обширнѣй польскихъ,— продолжалъ императоръ:—вѣдь власть великаго владыки Литвы идетъ отъ Полангена на Балтикѣ, чрезъ Смоленскъ, до Кіева и до моря Чернаго... Удивляюсь!—Витовтъ боялся выдать себя. Давно уже эта мысль лелѣялась имъ, давно заставляла болѣзненно сжиматься его самолюбивое сердце. Онъ ничего не отвѣтилъ на сладостную рѣчь Сигизмунда, и сказавшись очень усталымъ, удалился въ приготовленную для него ставку.

Это былъ роскошный теплый шатеръ, раскинутый невдалекѣ отъ шатра самого императора. Въ маленькомъ городишкѣ, разумѣется, не нашлось достаточно роскошнаго дома, чтобы помѣстить двухъ могущественныхъ владыкъ.

Императоръ очень былъ доволенъ свиданьемъ и разговоромъ съ Витовтомъ; онъ не могъ не замѣтить, какое впечатлѣніе произвелъ на литовскаго князя одинъ намекъ на возможность полученія королевской короны. А обрядъ коронованія королевской короной такъ бы мало стоилъ и Сигизмунду, и рыцарямъ, и могъ превратить сильнаго врага въ вѣрнаго союзника.

Въ то время королевскіе короны раздавались императоромъ римскимъ, разумѣется, съ согласія святѣйшихъ отцовъ папъ; но такъ какъ папъ было всегда двое, одинъ въ Римѣ, другой, болѣе знатный, въ Авиньенѣ, а порою ихъ насчитывалось чуть не до десятка, то весь вопросъ сводился къ волѣ императора, а тотъ, или другой папа, за болѣе или менѣе цѣнный подарокъ, готовъ былъ немедленно подписать бумагу хоть на десять королевскихъ коронъ.

Этимъ-то обстоятельствомъ и пользовался императоръ Сигизмундъ, чтобы блескомъ королевскаго титула привлечь на свою сторону литовскаго князя, громадное честолюбіе котораго было ему извѣстно.

Возвратясь въ свою ставку, Витовтъ задумался. То, что предлагалъ ему императоръ, составляло верхъ его желаній. Въ случаѣ согласія съ императоромъ и нѣмцами, побѣда надъ Польшей союзниковъ была рѣшена впередъ. Что могъ выиграть изъ этого Витовтъ и Литва. Вѣдь часть Польши, разумѣется, вознаградила бы его за утерянную жмудь. Местъ за смерть отца, за свое собственное поруганіе, плѣнъ и оковы; въ которыхъ его держалъ слишкомъ 8 лѣтъ Ягайлло, стоили мести за дѣтей; затѣмъ королевская корона, корона, о которой онъ мечталъ съ юныхъ лѣтъ, была наградою... его измѣны!

— Да, измѣны,—вдругъ рѣзкимъ диссонансомъ зазвучало въ его воображеніи.—Онъ, Витовтъ, только что клявшійся Ягайллѣ въ томъ, что старыя раны зажили, что старыя счеты покончены, что у обоихъ одинъ только прирожденный врагъ—нѣмецъ!.. И тутъ же, чрезъ нѣсколько дней, измѣна во имя чего же—во имя

„королевской короны“,—въ чью пользу? Въ пользу самых жестоких враговъ отчизны,—проклятыхъ крыжаковъ!..

— Но вѣдь жребій побѣды еще въ рукѣ Божіей... Но вѣдь побѣда можетъ и должна склониться на сторону праваго, а кто же, какъ не онъ, былъ правъ въ своихъ спорахъ съ нѣмцами. Побѣда, и тогда королевская корона сама украситъ его голову... Нѣтъ, не униженіемъ, не измѣной общему дѣлу, не предательствомъ интересовъ своей родины достигнетъ онъ высшей почести, а воинскою славой, а рядомъ подвиговъ онъ заставитъ императора уже не покровительственно, а униженно предлагать ему корону.

Эти мысли, словно кошмаръ, душили его почти всю ночь. Онъ не могъ спать, ему все казалось, что оставшись еще на день, получивъ еще свиданіе съ императоромъ, онъ не выдержитъ и согласится взять безъ боя то, что инымъ путемъ будетъ стоить потоковъ крови... Борьба этихъ двухъ чувствъ была такъ сильна, что великій князь схватилъ молитвенникъ, то, что онъ дѣлалъ всегда въ тяжелыя минуты раздумья.

Онъ бралъ молитвенникъ не для того, чтобы молиться по немъ, а для того, чтобы гадать. Онъ, не смотря, протянулъ палецъ между листами пергамента, на которыхъ четко были переписаны молитвы и псалмы, и затѣмъ при свѣтѣ ночника прочелъ строки, оказавшіяся подъ пальцемъ.

— „Бѣги отъ зла, и сотвори благо“, проговорилъ онъ вполголоса, и словно какая-то блестящая мысль озарила его смущенный умъ.

Онъ потихоньку вышелъ въ слѣдующій покой, гдѣ находилась его свита и тѣлохранители, и отдалъ приказаніе немедленно, безъ малѣйшаго шума, сѣдлатъ лошадей и собраться въ путь.

Служащіе при немъ знали, что дважды ждать приказанія, или возражать на его распоряженія рисковано, и чрезъ полчаса собственные кони великаго князя и всѣ кони конвоя были осѣдланы, и Витовтъ, не пославъ никакого увѣдомленія императору, не оставивъ даже ему письма, въ глухую ночь, за часъ до разсвѣта, выступилъ по Краковской дорогѣ.

Этотъ отъѣздъ былъ на столько неожиданъ, что въ первую минуту имперскіе чиновники не знали, что подумать, и боялись разбудить императора. Но когда съ городскихъ стѣнъ донесли, что Витовтъ и вся его свита проѣхали ворота и помчались на востокъ, они рѣшились дать знать объ этомъ своему государю.

Сигизмундъ, легшій спать очень поздно, взбѣсился, что его разбудили, и увѣренный, что Витовтъ не могъ уѣхать, не противившись съ нимъ, послѣ столь блистательныхъ предложеній, крикнулъ на своихъ придворныхъ и снова завалился спать и проспалъ бы до полудня, если бы рыцарскій посланецъ, графъ Фрибургъ, не явился къ нему въ ставку и снова потребовалъ, чтобы разбудили императора.

На этотъ разъ Сигизмундъ очнулся вполнѣ, слова Фрибурга

подѣйствовали на него, какъ ушатъ холодной воды, и ашпатія смѣнилась нервной торопливостью.

— Скорѣй, скорѣй! Сѣдлайте коней! Трубите сборъ, я самъ скачу въ погоню за бѣглецомъ.

Дѣйствительно, и часу не прошло, какъ отрядъ имперскихъ войскъ, съ самимъ императоромъ во главѣ, на всѣхъ рысяхъ выступалъ вслѣдъ за бѣжавшимъ Витовтомъ.

Почти цѣлыя сутки длилась погоня; наконецъ, бѣглець былъ настигнуть, но въ такой пересѣченной мѣстности, которая дѣлала всякія непріязненные дѣйствія невозможными.

Витовтъ, дойдя до этого укрѣпленнаго самой природой мѣста, остановился на ночлегъ; онъ зналъ, что за нимъ будетъ погоня и принялъ всѣ предосторожности.

Дѣйствительно, догнавъ бѣглеца, Сигизмундъ понялъ, что силой съ нимъ ничего не подѣлаешь, и понадѣявшись больше на свою хитрость, чѣмъ на рискованный планъ захвата литовскаго князя, одинъ, при двухъ трубачахъ и знаменщикѣ, выѣхалъ на переговоры съ Витовтомъ.

Витовтъ, предупреждаемый объ этомъ, тоже съ небольшой свитой выѣхалъ впередъ, но не наибольшее разстояніе отъ своего лагеря. Онъ зналъ, что цесарцевъ, также какъ и нѣмцевъ, всегда надо остерегаться. Насиліе, ядъ и ножъ были ихъ излюбленными слугами.

Императоръ и Витовтъ сѣхались.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ они находились теперь, на краю большой Краковской дороги, не было ни жилья, ни даже походнаго шатра; свиданіе происходило на открытомъ воздухѣ.

Одинъ изъ оруженосцевъ литовскаго князя накрылъ ковромъ обломокъ скалы, лежавшей у дороги, и два высокіе собесѣдника усѣлись на этомъ импровизированномъ ложѣ. Обоихъ занимали слишкомъ важные вопросы, чтобы заботиться объ удобствѣ сѣдалищъ.

— Прошу прощенья у вашего величества,—первый началъ Витовтъ:—что, нарушивъ правила гостепріимства и придворнаго этикета, уѣхалъ отъ васъ не простившись... Но мы, литвины, мы люди лѣсовъ и степей, я убоюсь слабости своего характера, убоюсь попасть въ сѣти дьявола и убѣжалъ.

— Какъ въ сѣти дьявола?.. Я не понимаю вашу свѣтлость.

— Именно въ сѣти дьявола! Бѣсъ честолюбія ослѣпилъ меня... За блескъ королевской короны я чуть не предалъ родину, брата и друга, который довѣрилъ мнѣ свою честь.

— Но развѣ онъ не такъ же дѣйствовалъ относительно вашей свѣтлости, развѣ вы забыли, развѣ вы могли забыть тѣ дни, когда бѣжали отъ его клеветовъ къ братьямъ ордена, вы клялись имъ въ братскомъ союзѣ и вѣрности... Развѣ эти клятвы расторгнуты!?

Сигизмундъ говорилъ слово въ слово то, что ему подсказалъ раньше рыцарскій посланецъ.

Витовтъ всталъ съ своего мѣста.

— Ваше величество спрашиваетъ, забылъ-ли я, что и въ чемъ я клялся ордену;—я отвѣчу—не забылъ, я слишкомъ хорошо это помню. Ваше величество спрашиваете—расторгнуты-ли эти клятвы? Отвѣчу—да, расторгнуты и навсегда!

— Но къмъ же?! Святѣйшій отецъ папа писалъ мнѣ, что клятву на алтарѣ только онъ одинъ расторгнуть можетъ, и что ни прелаты, ни кардиналы не могутъ освободить отъ нея.

— Ее расторгнули сами рыцари,— убивъ моихъ двухъ сыновей!—чуть не крикнулъ Витовтъ...—Тутъ уже я далъ клятву, и эта клятва никогда мною не забудется: не положить оружія, пока у Христовыхъ распинателей останется хотя бы одинъ рогъ...И я, и я эту страшную, священную клятву чуть не забылъ.. Чуть не забылъ вчера, когда ваше величество посулили мнѣ корону!.. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!.. Другомъ нѣмцевъ я быть не могу, въ союзѣ съ ними быть не желаю, помогать имъ противъ моего кровнаго—считаю преступленіемъ!!

Сигизмундъ понялъ, что ставка съ его стороны была проиграна.

— Но, ваша свѣтлость,—вдругъ заговорилъ онъ:—нашъ разговоръ и мое предложеніе, надѣюсь, останутся тайной для всѣхъ. Я довѣрился вашей свѣтлости и надѣюсь, не буду выданъ головой.

— Въ этомъ даю слово. Ни король мой братъ, ни даже духовникъ мой никогда не узнаютъ, о чемъ шель разговоръ межъ нами.

— Но я попросилъ бы на этомъ присяги вашей свѣтлости.

Витовтъ вспыхнулъ.

— Мы, въ Литвѣ, присяги не знали... ее ввели къ намъ ваши же крыжаки... Я клянусь словомъ литовскаго князя и для меня нѣтъ клятвы выше этой—клянусь не открывать ни слова изъ нашего разговора никому до той поры, пока ваше величество не объявите войны или мнѣ, или моему союзнику и брату...

— И это вѣрно?—воскликнулъ императоръ, схватывая Витовта за руку.

— Я не нѣмецъ, чтобы играть клятвами, какъ мячами.

— Вѣрно и не требую иной клятвы!—Сигизмундъ понялъ, что у него нѣтъ силъ заставить литовскаго князя подчиниться его волѣ, и онъ думалъ хоть этимъ довѣріемъ угодить ему.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ горячаго по виду прощанія, оба монарха скакали къ своимъ лагерямъ, а на зарѣ оба отряда направились въ противоположныя стороны.

Планъ Сигизмунда не удался. Но коварство не могло остаться не наказаннымъ. Слишкомъ понадѣявшись на свое краснорѣчіе, хитрость и честолюбіе литовскаго владыки, императоръ слишкомъ затянулъ время и своимъ вмѣшательствомъ и обѣщаніями устроить миръ обманулъ рыцарей. Они упустили самое дорогое—время, и когда, наконецъ, увѣренные въ неизбѣжности войны, бросились нанимать наемныя войска, которыхъ всю зиму и весну цѣлыя толпы бродили по Чехіи и Валахіи, ихъ уже не было... Девять

десятихъ была нанята на службу коронѣ польской предусмотрительнымъ подканцлеромъ Николаемъ Тромбой, чрезъ его агентовъ... Остались только одни оборыши, забракованные вербовщиками.

Гросмейстеръ и маршалъ волосы себѣ рвали отъ досады, но дѣло было упущено, и снова дружба цесарца оказалась роковою.

Рыцари узнали объ этомъ слишкомъ поздно.

Теперь предотвратить войну можно было только отказавшись отъ всего, что рыцари успѣли захватить въ первые дни войны съ Польшей, до заключенія перемирія, и отказаться отъ всякихъ покушеній на Дрезденикъ, изъ-за котораго, собственно говоря, и возгоралась война съ Польшей.

Отступать теперь было и поздно, и позорно. До окончанія срока перемирія оставалось всего нѣсколько дней, и рыцари послали сказать Ягайлѣ, что они не дадутъ ему больше ни дня срока.

Ягайлу этотъ новый вызовъ не удивилъ; онъ уже зналъ, что отъ переговоровъ съ императоромъ ничего не вышло, и съ энергіей своей нервной природы дѣятельно собиралъ войска и двигалъ ихъ къ Плоцку, какъ было рѣшено при свиданіи въ Брестѣ.

Витовтъ съ своей стороны былъ у Ягайлы при проѣздѣ послѣ свиданія съ императоромъ, но не сказалъ ему о предложеніи Сигизмунда, онъ умѣлъ держать свое слово... Онъ только помнилъ одно: „за недѣлю до Петрова дня, подъ Плоцкомъ“, и это были его послѣднія слова при прощаніи съ королемъ.

Почти въ самый день его отъѣзда изъ Кракова, туда явился герольдъ императора Сигизмунда, и по обычаю того времени, торжественно объявилъ, отъ имени своего повелителя, войну королю Ягайллѣ и князю Витовту!

— Будь за вами хоть вся Европа, не страшусь я ее, за мною правда Господня, она укажетъ виновныхъ!—воскликнулъ Ягайлло.

Но и тутъ императоръ Сигизмундъ поступилъ, какъ поступалъ всегда, т. е. измѣнически: его герольдъ, на тайной аудіенціи, испрошенной у короля, заявилъ Ягайллѣ, что объявленіе ему войны императоромъ только фиктивное, и что императоръ и не думаетъ начинать непріязненныхъ дѣйствій.

VI

Почетный столъ.

Рыцарскія войска вступили въ предѣлы Великой Польши нѣсколькими колоннами. Дороги по большей части были не проѣзжи, и только главный отрядъ, при которомъ находился самъ великій магистръ, великій маршалъ, всѣ высшіе чиновники ордена и большая часть именитныхъ людей иноземныхъ, направлялись по довольно сносной, торговой дорогѣ, по направленію на Золотырю.

Рыцари нѣсколько измѣнили свой маршрутъ идти вдоль границъ собственныхъ владѣній, для того, чтобы на непріятельской землѣ отпраздновать тотъ „почетный пирь“, приглашенія на который, вотъ уже болѣе года, были разосланы орденскимъ капитуломъ ко всѣмъ дворамъ и ко многимъ славнымъ представителямъ западнаго рыцарства.

Весьма и весьма многіе откликнулись на этотъ призывъ и прибыли къ Маріенбургу (Марбургу), столицѣ ордена, и буквально проживались, въ ожиданіи счастливаго дня, который долженъ былъ вознаграждать ихъ за всѣ расходы и лишенія.

Уже съ давнихъ лѣтъ Тевтонскій орденъ вымолилъ у папы, разумѣется, путемъ большихъ денежныхъ жертвъ, привилегію на устройство этихъ почетныхъ, или, какъ тогда говорили, почетныхъ столовъ.

Эти столы стоили рыцарству сотенъ тысячъ на устройство и на подарки, а приносили имъ милліоны!

Нѣмцы рыцари умѣли изъ всего извлекать выгоду!

Какъ каждый рыцарь гордился своимъ посвященіемъ, если ему удавалось получить его на непріятельской землѣ, или ввиду невѣрнаго войска, такъ и почетный столъ былъ, такъ сказать, послѣдней почестью, послѣднимъ торжественнымъ актомъ признанія героизма заслуженнаго рыцаря, вѣнчаніемъ всей его карьеры.

За почетный столъ сажали не больше 10—12 рыцарей, и этого почета удостоивались только тѣ, за кѣмъ первенство было признано совѣтомъ изъ старѣйшихъ и знаменитѣйшихъ рыцарей. Для того, чтобы заслужить такой триумфъ, иногда рыцари пріѣзжали изъ отдаленнѣйшихъ частей Европы, тратили сумасшедшія деньги на сборы и дорогу, закладывали и продавали свои помѣстья, чтобы только въ полномъ блескѣ явиться на состязаніе чести. Нигдѣ, ни въ одной христіанской странѣ не было ничего подобнаго; не мудрено, что едва прослышавъ объ устройствѣ почетнаго стола, рыцари всѣхъ народовъ римско-германской Европы стекались въ Маріенбургъ, чтобы, если возможно, попасть въ число избранныхъ.

Такъ и на этотъ разъ; болѣе 300 рыцарей изъ всѣхъ концовъ Германіи, Италіи, Англіи, даже Франціи и Испаніи прибыли на зовъ меченосцевъ, и все лѣто провели въ нетерпѣливомъ ожиданіи торжества.

Религіозный фанатизмъ многихъ изъ гостей былъ такъ великъ, что многіе давали обѣты не пить вина, не надѣвать другой одежды какъ волосяной, пока не уничтожатъ своимъ мечемъ одного или нѣсколькихъ сарациновъ!!

Сражаясь въ святой землѣ противъ воиновъ Саладина, меченосцы всюду видѣли сарацинъ, и вѣчно называютъ литовцевъ сѣверными сарацинами!

Хотя не только Польша, но и большая часть Литвы, за исключеніемъ Жмуди, давно уже были землями христіанскими, но возбуждая рыцарство къ войнѣ съ ними, рыцари Меча величаютъ ихъ язычниками, сарацинами и зовутъ гостей рыцарей въ новый крестовой походъ противъ сарацинъ!

Цѣлью ихъ теперешняго наступленія былъ плохо укрѣпленный польскій городокъ Золотурня, ветхія стѣны котораго могли съ успѣхомъ сопротивляться только легкимъ налетамъ, но не могли выдержать и недѣли правильной осады.

Едва комендантъ, храбрый шляхтичъ Зензивей, герба Топорикъ, узналъ о томъ, что въ окрестностяхъ появились нѣмецкіе разбѣды, онъ тотчасъ выжегъ форштадты, завалилъ ворота и приготовился къ оборонѣ. Онъ зналъ, что польское войско подступаетъ уже къ Плоцку, а литовскія войска стягиваются къ Ковно.

По всѣмъ приготовленіямъ, которыя производились въ краѣ, ясно было видно, что война предстоитъ не шуточная, и потому панъ Зензивей, насколько могъ, подправилъ крѣпостные верки, заготовилъ достаточно провіанта и оружія, и хотя зналъ, что крѣпость его не выдержитъ продолжительной осады, рѣшился защищаться до послѣдней возможности.

Безконечными лентами тянулось крестоносное войско. По мѣрѣ того, какъ оно выходило изъ за лѣса и строилось въ лагерный порядокъ, разбивая полатки и шатры, храбрый комендантъ, вмѣстѣ съ лучшими людьми города, считали знамена (или отряды), приведенныя рыцарями.

Почти весь день дефилировали рыцари изъ лѣса, и къ вечеру все ихъ воинство охватило весь замокъ и городъ. Это было пестрое, движущееся живое кольцо людей, лошадей, возовъ и выюковъ, сзади которыхъ начиналъ выростать громадный лагерь.

Очевидно, нѣмцы хотѣли не только осадить городъ, но воспрепятствовать даже отступленію и бѣгству гарнизона. Число ихъ войска было такъ велико, что горожане, обьяты паническимъ страхомъ, умоляли коменданта сдаться тотчасъ же.

Панъ Зензивей вспылилъ и прогналъ со стѣны малодушныхъ. Но и это не помогло, въ ту же ночь человекъ двадцать, наиболѣе трусливыхъ, тайно бѣжали изъ города, но нѣмцы не пропустили ихъ сквозь кольцо, они бичами прогнали ихъ обратно къ крѣ-

постнымъ стѣнамъ, отказываясь даже брать ихъ какъ военнопленныхъ.

— Вы намъ нужны для другого!—съ злобой крикнулъ имъ рыцарь Зонненбергъ, который, по порученію гройсместера, завѣдывалъ осадой.

Долго молили несчастные, чтобы Зензивей пустилъ ихъ обратно въ крѣпость; наконецъ, когда онъ сжалился и велѣлъ пріотворить желѣзную калитку, пробитую въ кованыхъ воротахъ, и впустилъ ихъ, то долго допрашивалъ ихъ о томъ, что они видѣли у рыцарей.

Его чрезвычайно удивилъ отказъ рыцарей взять ихъ какъ военнопленныхъ, и фраза, сказанная извѣстнымъ ему своей свирѣпостью рыцаремъ Зонненбергомъ: „вы намъ нужны для другой цѣли“.

— Для какой? Что еще затѣваютъ эти варвары, позорящіе святой крестъ, пришитый на ихъ плащахъ?

Никогда бы не могъ честный полякъ, ни даже дикій жмудинъ, придумать ту утонченную подлость, ту безжалостную участь, которой презрѣнные представители германской культуры обрекли ни въ чемъ неповинный городъ!

Имъ надо было торжественно отпраздновать почетный столъ, угостить рыцарей гостей интереснымъ и занимательнымъ зрѣлищемъ, и они рѣшили доставить имъ это невинное удовольствіе, пожертвовавъ для этого населеніемъ цѣлаго славянскаго города. Нѣмцы никогда не считали ни славянскихъ жертвъ, ни славянской крови! Урокъ Грюнвальда отрезвилъ ихъ, но и то не надолго!

На слѣдующій же день, чуть взошло солнце, осажденные съ ужасомъ стали замѣчать, что въ лагерь осаждающихъ начинается сильнѣйшее движеніе. Какъ разъ насупротивъ главныхъ воротъ города, на чудной полянѣ, между лѣсомъ и рѣкою, слуги и кнехты рыцарские начали строить нѣчто грандіозное.

Съ перваго взгляда трудно было отгадать что это: платформа ли стѣнобитнаго оружія или громаднхъ размѣровъ катафалкъ, но скоро дѣло разъяснилось; строилось временное громадное зданіе, вѣрнѣе крытая веранда, среди которой помѣщалась другая, гораздо меньше.

И наружная галлерей, и внутренній павильонъ были роскошно убраны коврами, турецкими шалами, золотомъ-шитыми матеріями, а средняя, кромѣ того, убрана дорогими парчами, цѣлыми гирляндами шелковыхъ шитыхъ лентъ, и наконецъ, среди ея поставленъ былъ круглый столъ, съ двѣнадцатю золотыми тарелками.

Двѣнадцать треножниковъ, для помѣщенія рыцарскихъ щитовъ, съ гербами владѣльцевъ, были поставлены у подножія второй платформы, и затѣмъ, при громкихъ звукахъ роговъ и другихъ музыкальныхъ инструментовъ, самъ великій скарбникъ рыцарскій (казначей), въ сопровожденіи десяти помощниковъ изъ благороднѣйшихъ господъ крейцхеровъ, поставилъ предъ каждымъ приборомъ по два кубка, одинъ больше, серебряный вызол-

ченый, другой поменьше, золотой. И въ тотъ, и въ другой онъ собственноручно наполнилъ до краевъ первый серебряными деньгами, второй червонцами! Собравшіеся вокругъ толпою рыцаригости, увидавъ такую неслыханную щедрость, подняли радостный крикъ! Эти кубки и деньги были подаркомъ отъ ордена тому, кто заслужить честь сидѣть за почетнымъ столомъ.

Между тѣмъ на другой эстрадѣ, убранной гораздо проще, но серьезнѣе первой, слуги поставили двѣнадцать высокихъ дубовыхъ рѣзныхъ кресель, и предъ ними небольшой квадратный столъ, покрытый пунцовой скатертью.

Двѣнадцать избранныхъ старѣйшихъ рыцарей, по шести отъ ордена, и прїѣзжихъ гостей, заранѣе избранные капитуломъ на должность почетныхъ судей, сѣли на приготовленныя мѣста, и герольдъ ордена, въ расшитомъ костюмѣ, съ жезломъ въ рукахъ, объявилъ, что засѣданіе „судей чести“ открыто.

Трубы три раза протрубили тушъ, и герольдъ снова объявилъ, что тѣ изъ рыцарей-гостей, или рыцарей-ордена, которые имѣютъ объявить о какомъ либо геройскомъ своемъ подвигѣ, могутъ явиться и требовать почетнаго мѣста за столомъ.

Трубы загремѣли снова, но никто изъ присутствующихъ не рѣшался выступить первымъ на состязаніе.

Наконецъ, одинъ изъ предстоящей толпы рыцарей вышелъ впередъ, вынулъ мечъ и ударилъ имъ по большому серебряному колоколу, висѣвшему предъ трибуной судей. Это былъ условный сигналъ, что рыцарь имѣетъ что-то сообщить судьямъ.

— Скажи намъ, благородный рыцарь, кто ты, откуда и какія права имѣешь на мѣсто за столомъ чести?—милостиво, но строго спросилъ предсѣдатель, древній старикъ, выдавшій на своемъ вѣку не одинъ почетный столъ.

— Я графъ Гуго Кольмаркъ, владѣтель замка Бонштернъ въ Лутазіи... Три года тому назадъ, я, въ сопровожденіи одного только оруженосца, направилъ стопы свои къ святой землѣ, но я не плылъ моремъ, а весь путь свершилъ на конѣ, вокругъ Чернаго моря... Я сподобился, послѣ цѣлаго года, проведеннаго въ ежедневныхъ опасностяхъ и лишеніяхъ, прикоснуться недостойными устами своими ко гробу Спасителя міра, и поклонясь всѣмъ святымъ Иерусалимскимъ, вернулся тою же дорогою обратно.

Рыцари судьи молчали, понутивъ головы;—очевидно, этого подвига, по ихъ мнѣнію, было недостаточно, чтобы присудить рыцарю мѣсто за почетнымъ столомъ.

— А сколько же сарадиновъ повергъ въ прахъ твой мечъ, храбрый графъ Гуго Кольмаркъ фонъ-Бонштернъ? — спросилъ предсѣдатель, дѣлая претенденту золотой мостъ.

— Я шелъ на поклоненіе гробу Христа Спасителя, покорившаго міръ любовью, я ни разу не обагривъ меча своего въ крови человѣческой, но за то я выкупилъ въ Яффѣ пятьдесятъ христіанскихъ невольниковъ и возвратилъ имъ свободу... Это мнѣ стоило почти всего моего состоянія, но я не жалѣю о немъ, я исполнилъ мой долгъ рыцаря и христіанина!

Проговоривъ эту фразу, онъ поклонился судьямъ и отошелъ въ сторону. По выраженію лицъ бильшинства судей, видно было, что они не очень увлечены подвигомъ графа. Послѣ короткаго совѣщанія, предсѣдатель сказалъ что-то тихо стоявшему за нимъ писцу, а тотъ поставилъ противъ имени претендента одинъ большой крестъ. Это означало, что онъ можетъ быть зачисленъ, если не найдется достойнѣйшихъ.

Снова затрубили трубы, и на арену вышелъ высокій красивый воинъ, въ роскошномъ испанскомъ костюмѣ.

Предсѣдатель повторилъ и ему тотъ же стереотипный вопросъ о происхожденіи и имени.

— Я маркизъ Донъ Жруанъ Сальваторъ де-Руэнца, грандъ перваго класса, рожденъ въ Испаніи, въ Мадридѣ... Я десять лѣтъ велъ войну съ маврами, десять лѣтъ ни разу, ни на одинъ день не снималъ рыцарскаго вооруженія и не принималъ пищи въ тотъ день, когда или кошьемъ, или мечемъ, или веревкой не отправлялъ въ преисподнюю одного изъ поклонниковъ лже пророка, будь онъ проклятъ! Я привелъ съ собой пять человекъ благородныхъ синьоровъ, которые могутъ подтвердить мои слова своимъ свидѣтельствомъ.

Судьи словно воспрянули. Улыбка была у всѣхъ на устахъ; когда же пять человекъ роскошно одѣтыхъ испанцевъ появились передъ ними, чтобы засвидѣтельствовать подъ присягой слова маркиза, ропотъ одобренія пробѣжалъ по всему ряду, а предсѣдатель шепнулъ своему секретарю магическое слово «три», и тотъ смѣло поставилъ противъ имени маркиза де-Руэнца три креста, высшую отмѣтку.

Первый кандидатъ, достойный занять мѣсто за почетнымъ столомъ, былъ найденъ.

Снова загремѣли трубы, и снова передъ судей предсталъ герой, ищущій награды.

Это былъ совсѣмъ молодой человекъ, чисто германскаго типа, съ небесно-голубыми глазами и длинными вьющимися волосами льняного цвѣта. Выраженіе лица его было крайне доброе и добродушное, а чуть замѣтный пушокъ, пробивающійся надъ верхнею губою и на подбородкѣ, показывалъ, что онъ только что вышелъ изъ отрочества.

— Я маркграфъ Отто фонъ-Вейштейнъ, изъ Пфальца, я гость въ благородномъ войскѣ господъ крещеромъ! Посвятилъ меня въ рыцари, на полѣ битвы съ невѣрными сарацинами, самъ великій магистръ десять дней тому назадъ.

— Что же успѣлъ ты сдѣлать съ тѣхъ поръ?—съ улыбкой переспросилъ предсѣдатель, по выраженію юношески чистаго лица рыцаря, не предполагая даже, что онъ былъ въ какой либо серьезной опасности.

— О, благороднѣйшій рыцарь, я и не смѣю гордиться своимъ подвигомъ, я отношу его всецѣло къ милости всемогущаго Бога, направлявшаго мою руку...

— Говорите, рассказывайте! — слышалось между судьями.

— Три дня тому назадъ, получивъ, по милости благороднаго господина великаго маршала, отрядъ въ пятьдесятъ латниковъ, да человекъ двадцать кнехтовъ, вторгся я ночью въ жмудинскіе предѣлы, и, благодаря безлунной ночи и тишинѣ, которую соблюдалъ отрядъ, успѣлъ пробраться незамѣченнымъ до самой сарацинской деревушки, расположенной здѣсь, неподалеку. Мы нарочно обмотали копыта нашихъ лошадей соломой, чтобы не дѣлать шума, и передъ полночью были всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ деревни, спрятавшись въ кустахъ. Насъ никто не замѣчалъ; треклятые сарадины справляли свою поганую свадьбу. Вокругъ одной избы, со срамными пѣснями на устахъ, ходили толпы дѣвокъ и парней, взявшись за руки и голоса свои непристойныя пѣсни. Старики сидѣли кругомъ, кто на землѣ, кто на лавкахъ, и имъ подтягивали. Они и вообразить не могли, что мы такъ близко. Молодая, вся въ цвѣтахъ, подъ руку со своимъ мужемъ, плясала въ омерзительной пляскѣ, а всѣ присутствовавшіе хлопали въ ладоши и цѣловались... Я не могъ дольше выносить зрѣлища такой мерзости, я отдалъ приказаніе окружить всю деревню и сразу со всѣхъ сторонъ напасть на негодныхъ сарацинъ... Мои молодцы выполнили блистательно мое приказаніе; по данному мною сигналу, они съ гикомъ бросились на эту презрѣнную толпу и перебили и перетоптали конями большую половину, остальные забились въ большой хлѣбный сарай, и стали молить прощеніе, но я не такой, я не далъ пощады сарацинамъ, я собственноручно поджегъ сарай, и когда они отъ дыма и огня бросились къ выходу, то я пріотворилъ ворота и, пропуская ихъ по одиночкѣ, самъ каждому тутъ же ссѣкалъ голову. Клянусь, что вотъ этимъ самымъ мечемъ, я не больше какъ въ полчаса срубилъ пятьдесятъ пять головъ... Смотрите, онъ весь испугился, но этотъ мечъ — добрый мечъ, я его наслѣдовалъ отъ моего дѣда маркграфа Куно, онъ имъ тоже срубилъ тридцать сарацинскихъ головъ.

Рассказъ молодого красавца произвелъ самое пріятное впечатлѣніе на судей; они одобрительно качали головой, и по приказу предсѣдателя, фамилія героя украсилась тремя крестами.

Нѣмецкій герой ни на минуту даже не счелъ себя палачемъ... Напротивъ, рассказывая подробно, какъ его конь топталъ женщинъ, дѣтей и стариковъ, онъ весело улыбался и показывалъ въ обворожительной улыбкѣ два ряда ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ.

Это былъ идеаль нѣмецкаго покроя!

Вслѣдъ за этимъ претендентомъ на почетное мѣсто стали выходить другіе конкуренты. Одинъ рассказывалъ, какъ захвативъ на полѣ два десятка вооруженныхъ жмудинъ, онъ сначала заганалъ ихъ въ прудъ и окрестилъ, а потомъ перевѣшалъ во славу Божію!

Другой повѣствовалъ, какъ онъ, поймавъ младенца изъ жму-

динь, повѣсилъ его на деревѣ близъ деревни, и когда на его крики прибѣжала мать, отецъ, и затѣмъ чуть ли не вся деревня, онъ перестрѣлялъ первыхъ стрѣлами, а остальныхъ забралъ въ плѣнъ живыми и повѣсилъ тутъ же, рядомъ съ ребенкомъ.

Словомъ, что ни герой являлся передъ судьями, то былъ палачъ, изувѣръ, безмысленный, безстыдный кровопійца. Одни только французы дѣлали исключеніе; ихъ герои были дѣйствительно людьми чести и добра, подвиги дѣлали храбрости и благородства, но изъ нихъ ни одинъ не попалъ въ число достойныхъ! Нѣмецкимъ судьямъ нужны были люди, погрязшіе по локоть въ кровь, закалившіе свою душу въ убійствахъ безоруженныхъ. Иныхъ подвиговъ для нихъ не существовало!

Когда наконецъ собраніе достойныхъ было кончено и двѣнадцать достойнѣйшихъ заняли, при громѣ трубъ, свои мѣста вокругъ знаменитаго круглаго стола, то смѣло можно было сказать, что болѣе ужасной дюжины убійць и злодѣевъ никогда не сидѣло за однимъ столомъ. И все это были убійцы по убѣжденію, по врожденной страсти убивать то, что не принадлежитъ къ ихъ расѣ, къ ихъ культурѣ. Нѣмцы всегда были нѣмцами!

Теперь насталъ новый фазисъ невиданнаго пира. Оруженосцы cadaго изъ сидѣвшихъ за почетнымъ столомъ избранныхъ тотчасъ же спѣшили прикрѣпить щитъ съ гербомъ своего господина, на приготовленныхъ треножникахъ, за его спиною, и положить рядомъ съ нимъ большой, шерстяной вьючный мѣшокъ.

Онъ назначался для приѣма орденскихъ подарковъ.

Самъ великій магистръ, маршалъ и великій скарбникъ, вмѣстѣ съ девятью важнѣйшими чиновниками ордена, прислуживали за трапезой избранныхъ.

Едва начался обѣдъ, какъ великій маршалъ предложилъ тостъ за cadaго изъ почетныхъ гостей; но такъ какъ кубки были полны монетъ, то гости спрятали и монеты, и кубки, и тарелки въ свои мѣшки, а скарбникъ поставилъ передъ каждымъ гостемъ по новому сосуду и по новой тарелкѣ.

На этотъ разъ кубки были пустые, и братъ великій интендантъ налилъ ихъ виномъ. Выпивъ вино, гость могъ и этотъ кубокъ спрятать къ прочимъ подаркамъ.

Музыка гремяла неустанно, тосты смѣнялись тостами. Было около полудня, когда великій магистръ нѣсколько разъ хлопнулъ въ ладоши, и тотчасъ, словно по волшебству, пиръ превратился въ балъ. Цѣлая толпа разряженныхъ женщинъ появилась на платформѣ, вокругъ обѣдающихъ, и подъ звуки веселой музыки начались самые веселые танцы.

Эти женщины были специально для этого пира-бала привезены изъ Горна, насильно, или доброй волею, объ этомъ исторія умалчиваетъ, но какъ бы тамъ ни было, балъ шель съ большимъ оживленіемъ, и подпившіе порядочно «достойнѣйшіе» могли, съ высоты своей платформы, любоваться на красоту и грацію дамъ и ловкость танцоровъ...

Вдругъ, совершенно неожиданно для большинства, грянуль залпъ нѣсколькихъ пушекъ, и вся стѣна Золотырни, прекрасно видимая огъ мѣста пиршества, покрылась воинами осажденныхъ, а со стороны лагеря осаждающихъ къ крѣпости шли безчисленные полки наемныхъ войскъ, съ горами фашинь и сотнями штурмовыхъ лѣстницъ. Приступъ начинался!

Онъ былъ достойнымъ финаломъ почестнаго стола!

Крики начальствующихъ, ревъ трубъ, лязгъ оружія и тяжелый грохотъ нѣсколькихъ десятковъ мортиръ, осыпавшихъ каменьями, заглушили музыку бала.

Но и самые участники этого невиданнаго пиршества, и „избранные“, и танцоры, казалось, больше занялись созерцаніемъ отчаяннаго боя, чѣмъ баломъ. Танцы прекратились, но самъ великій магистръ явился въ кругъ, оставленный для танцевъ.

— Прощу благородныхъ кавалеровъ и любезныхъ дамъ не прерывать вашихъ удовольствій, уничтоженіе одного изъ безчисленныхъ сарацнскихъ гнѣздъ входитъ въ программу нашего праздника. Эй, музыканты! Гряньте сарабанду!

Музыканты снова заиграли плясовой мотивъ, и самъ великій магистръ, не смотря на монашескій санъ, ловко сдѣлалъ туръ съ одной изъ привезенныхъ красавицъ; его примѣру послѣдовали братья-рыцари, стѣснявшіеся до того времени, и торжественный праздникъ превратился въ оргію.

Вино, меды, пиво, любимое нѣмцами искони, текли рѣкой. Самъ великій магистръ подаль примѣръ невоздержности, великій маршалъ, великій госпитальверъ и большая часть старѣйшихъ братій ордена ему подражали, а удивленные гости-рыцари могли только достойно поддерживать веселую компанію крейцхеровъ.

А между тѣмъ, менѣе чѣмъ въ полуверстѣ, кипѣлъ отчаянный смертный бой. Горсть храбрыхъ славянъ, со своимъ героемъ камендантомъ, отчаянно сащищалась отъ насѣдающей нѣмецкой орды. Сотни штурмовыхъ лѣстницъ были приставлены со всѣхъ сторонъ къ крѣпости, и вооруженные нѣмцы, прикрываясь щитами, медленно дѣвали по нимъ, словно морская волна затопляетъ, во время прилива, низменные берега!

Громъ пушекъ смолкъ. Теперь камни могли побивать уже своихъ, и только крики команды да вопли боли и отчаянія мѣшались съ лязгомъ оружія.

Бой на стѣнахъ превращался въ страшную, ожесточенную рѣзню,—одного противъ десяти!

Жестоко, безпощадно разили польскіе мечи, но безмѣрно-громкая разница численности все превозмогла. Отбитые пять разъ, нѣмцы снова строились изъ подъ палки своихъ начальниковъ, и увѣренные, что въ случаѣ отступленія ихъ тоже ждетъ смерть, съ какимъ-то дикимъ отчаяніемъ, словно осатапѣлые, лѣзли снова по лѣстницамъ, ломались въ ворота и старались по бревнамъ вскарабкаться на стѣну.

Въ боѣ, ни рыцари, ни гости рыцарскіе, не принимали уча-

стія, дрались только одни земскія, хельминскія войска, да наемныя дружины, которыхъ все таки много было въ войскѣ рыцарскомъ.

Хотя вслѣдствіе двуличной политики императора, они нѣсколько опоздали наемомъ, и Ягайлло успѣлъ предупредить ихъ относительно чешскихъ и валахскихъ наемныхъ ратниковъ, но зато въ Германіи было достаточно бродячей сволочи, чисто нѣмецкаго происхожденія, готовой продать свой мечъ тѣмъ, кто больше заплатитъ и позволить больше грабить.

Денегъ у нѣмецкихъ рыцарей были цѣлые подвалы, а грабежъ искони былъ введенъ у нѣмцевъ въ воинскій культъ... Воевать и не грабить! Это было свыше понятія каждаго нѣмца-рыцаря или простого воина!

Шесть разъ отбитые, шесть разъ отброшенные отъ стѣнъ, нѣмцы выстроились въ седьмой разъ и снова бросились на крѣпость... Силы защитниковъ изнемогли. И герои могутъ чувствовать утомленіе. Руки отказывались владѣть мечами... Латники сгибались отъ тяжести вооруженія. Некому было защищать стѣну отъ новаго напора тевтонскихъ ордъ... Роковой часъ ударилъ, съ громкимъ крикомъ побѣды нѣмцы сломали послѣднее сопротивленіе героевъ и ворвались въ крѣпость.

Бой превратился въ убійство!..

Увидавъ рыцарское—прусское знамя надъ стѣнами Золотурни, великій магистръ высоко поднялъ чашу съ виномъ и крикнулъ „гохъ“! въ честь побѣдителей.

— Гохъ! гохъ!—дружно кричали кругомъ хозяева и гости.

Ликованіе сдѣлалось общимъ. Было одно мгновеніе, что самъ великій магистръ сомнѣвался въ успѣхѣ приступа.

— Однако, сарацины дерутся геройски!—замѣтилъ слегка подвыпившій французскій рыцарь герцогъ Валуа. Что ни говорите, brave ребята!

— Они знаютъ свою участь и защищаются, какъ дикіе вепри!—мрачно отвѣтилъ его сосѣдъ, рыцарь Зонненбергъ.—Они знаютъ, что плѣннымъ не будетъ пощады!

— Какъ такъ!?—французъ даже весь вспыхнулъ.—Развѣ вы не берете плѣнныхъ?!

— Въ началѣ войны—никогда; куда же возиться съ ними!—съ усмѣшкой проговорилъ Зонненбергъ:—нашъ начальникъ не любитъ шутить съ этой сволочью!

Французъ отошелъ въ сторону. Ему, привыкшему весь свой вѣкъ биться въ странахъ относительно цивилизованныхъ, какъ-то странно стало слушать про подобное отношеніе къ врагамъ. Убить въ бою, искалѣчить, взять въ плѣнъ и потребовать выкупъ, даже продать плѣннаго—онъ понималъ, но убить безоружнаго врага считалъ преступленіемъ.

Между тѣмъ, прерванный было извѣстіемъ о взятіи города пиръ продолжался съ новой энергіей. Теперь всѣ безъ исключенія присутствующіе пустились въ плясъ, забывая лицо и санъ! Такъ

пляшутъ дикіе канибалы, кругомъ костра, на которомъ жарятся ихъ жертвы.

Отъ города, взятаго приступомъ, потянулася процессія. Вели нѣсколько десятковъ плѣнныхъ защитниковъ, связанныхъ по рукамъ и ногамъ, и гнали цѣлую толпу женщинъ и дѣтей, случайно захваченныхъ осадой въ крѣпости и теперь попавшихся въ плѣнъ побѣдителямъ.

Видъ ихъ былъ ужасенъ. Ограбленныя, израненныя, трепещущія за свою жизнь, несчастныя женщины и дѣти истерически рыдали, жались другъ къ другу и оглашали воздухъ душу раздражающимъ стономъ. Мужчины войны упорно молчали. Ихъ потупленные въ землю взоры были мрачны. Большинство ихъ хотя было ранено, но ни одного стона не было слышно изъ ихъ рядовъ.

Всю эту толпу подогнали къ эстрадѣ, на которой пьянствовали и безчинствовали теперь рыцари и ихъ гости.

Великій магистръ, съ кубкомъ вина въ рукахъ, подошелъ къ самому краю платформы. Онъ сильно покачивался на ногахъ, его свирѣпое, изрытое оспой и шрамами лицо было омерзительно, животное чувство злобы и ненависти искривило его и безъ того дьявольскія черты. Онъ долго смотрѣлъ на плѣнныхъ, словно наслаждаясь ихъ положеніемъ и страданіемъ. Стоны женщинъ и дѣтей казались ему самой возвышенной небесной мелодіей. Онъ наслаждался... но потомъ вдругъ глаза его сверкнули какой-то радостью.

— Этихъ въ петлю!—крикнулъ онъ рѣзко, показывая на плѣнныхъ мужчинъ.—Этихъ въ воду, до послѣдняго!—рука обратилась въ сторону дѣтей и женщинъ:—а гнѣздо сарацинъ—сжечь къ утру до основанія! А теперь, братья во Христѣ,—крикнулъ онъ весело, обращаясь къ рыцарямъ и гостямъ:—воспоемъ нашъ побѣдный гимнъ, который всегда ведетъ насъ къ побѣдамъ!

— Воскресъ Христось! Воскресъ Христось! Онъ сломилъ рога дьявола!..—запѣлъ онъ пьянымъ голосомъ старинную рыцарскую пѣснь, и всѣ нѣмцы рыцари, сколько ихъ ни была, дружно ее подхватили... Трубы загремѣли, забили громадные литавры и своимъ гуломъ заглушили отчаянные вопли и пронзительные крики несчастныхъ, которыхъ уводили на казнь!

Возмущенные французскіе рыцари наотрѣвъ отказались примкнуть къ хору и пѣть во славу подобной побѣды. Испанцы, хотя тоже возмутились этимъ варварствомъ, но заставивъ поклясться одного изъ рыцарей креста, что плѣнные сарацины язычники, примкнули къ общему веселью.

Силезскіе князья, вмѣстѣ со своимъ предводителемъ княземъ Казиміромъ, сидѣли молча, какъ бы въ воду опущенные. Они ненавидѣли Витовта и Ягайлу, но не могли не сознать, что на этомъ нѣмецковъ, постыдномъ пиру они, славяне, какъ союзники этихъ нѣмцевъ, играютъ роль Іуды!

Рыцарь Зонненбергъ, замѣтивъ, что никто изъ нихъ не осушаетъ чаши и не поетъ побѣднаго гимна, съ чисто нѣмецкимъ

нахальствомъ подошелъ къ князю Казиміру и спросилъ его: что это значитъ?

— Пей самъ, я больше не могу!—рѣзко отвѣчалъ Казиміръ.

— Смотри, увидитъ великій магистръ, опъ велитъ тебѣ вино влить насильно!—дерзко замѣтилъ Зонненбергъ:—съ нѣмцами въ союзѣ—пей, когда они пьютъ,—не то заставятъ...

— Какъ ты Витовтовичей!—въ свою очередь дерзко отвѣтилъ Казиміръ, дѣлая намекъ на то, что Зонненбергъ отравилъ кубки вина обоимъ сыновей Витовта, бывшихъ заложниками ордена.

— Долга же у тебя память, свѣтлѣйшій герцогъ!—съ злобной усмѣшкой отозвался Зонненбергъ:—даже самъ измѣнникъ Кей-стутычъ литовскій забылъ про эту клевету.

— Ну, а я никогда не забуду и тебя не сдѣлаю своимъ виночерпіемъ!—отвѣчалъ герцогъ.

Зонненбергъ отошелъ. Онъ не смѣлъ больше раздражать союзнаго владѣтельнаго князя, помня приказъ великаго магистра, до поры до времени щадить самолюбіе союзныхъ славянскихъ князей.

Весь вечеръ, всю ночь до самаго утра длилась бозконечная оргія, подъ звуки музыки нѣсколько разъ смѣнявшихся музыкантовъ,—и въ это самое время приказъ великаго магистра, съ методической точностью, исполняли палачи нѣмецкіе и послушные нанятые легіонеры.

Воины гибли на висѣлицахъ, женщинъ и дѣтей десятками топили въ рѣчкѣ, а стѣны Золотырни валились подъ ударами тысячь ломовъ и мотыгъ.

Къ восходу солнечному ни одного изъ жителей и защитниковъ несчастнаго города не было въ живыхъ, стѣны его представляли горы обломковъ кирпича, камней, мусору, а среди ихъ догорали послѣдніе остатки деревянныхъ строеній, зарево которыхъ всю ночь освѣщало работу разрушенія!

Почетный пиръ былъ конченъ, и финалъ его долженъ былъ въ сердцахъ друзей и враговъ рыцарства оставить неизгладимыя воспоминанія! И нѣмцы не ошиблись: память о ихъ звѣрствахъ до нашихъ дней живетъ въ душѣ каждаго славянина, всасывается съ молокомъ матери и не забывается всю жизнь—до смертнаго часа!

VII.

Мостъ на Вислѣ.

Невѣроятное, неслыханное, невиданное дѣло свершилось на Вислѣ противъ Плоцка. Съ самой зимы пришли сюда, по приказу Витовта, какіе-то страннаго вида люди. Сзади нихъ везли на огромныхъ фурахъ какіе-то невиданные инструменты, и шли

цѣлыя тысячи работниковъ, въ такихъ же странныхъ костюмахъ, какъ и передовые. Ихъ сѣрые кафтаны застегивались безъ шнуровъ, на одни крючки. Пояса ихъ были узкіе, бѣлые, словно изъ полотенецъ, а за поясами, на спинѣ, были закинута широкіе острые топоры на короткихъ ручкахъ. Эти люди говорили на языкъ хотя и не польскомъ, но довольно понятномъ, хотя ихъ говоръ сильно отличался отъ языка русскихъ, жившихъ и въ ханской Руси, и во владѣніяхъ Витовта. То были новгородскіе и псковскіе плотники мосторубы, которые выдали Витовту заложниковъ, обязавшись навести мостъ черезъ непокорную и капризную Вислу.

Мысль эта казалась до того несбыточной не только мѣстнымъ жителямъ, но даже и самимъ короннымъ совѣтникамъ короля Ягайлы, что они считали обѣщаніе великаго князя литовскаго переправить къ Плоцку всю польскую армію хвастовствомъ... Только двое вѣрили въ осуществленіе этого удивительнаго плана. Самъ Ягайло да Витовтъ. Послѣдній выдалъ псковскихъ плотниковъ за дѣломъ, и понялъ, что при матеріальной помощи деньгами, людьми и матеріаломъ, для нихъ нѣтъ ничего невозможнаго.

Ягайло, со своей стороны, понимая, что отъ успѣшнаго выполнения этого плана зависитъ успѣхъ соединенія союзныхъ армій, отдалъ приказаніе подвислянскимъ старостамъ сгонять на помощь строителямъ все не идущее на войну населеніе страны. Тысячи, десятки тысячъ женщинъ, стариковъ и подростковъ были согнаны на берега Вислы къ Плоцку.

Прихожіе люди прежде всего стали устраивать кузни. Запылали горы, зашумѣли мѣха и на сотняхъ наковаленъ застучали молоты кузнецовъ-молотобойцевъ.

Готовили желѣзные полосы, болты, скрѣпленія и, о, чудо изъ чудесъ, не прошло десяти недѣль послѣ начатія работъ, какъ съ обоихъ береговъ, сажень на двадцать отъ берега въ рѣку врѣзались широкіе, огороженные перилами устои, съ толстой бревенчатой настилкой, укрѣпленные на цѣломъ тройномъ ряду громаднхъ свай. Мѣсто было выбрано по возможности самое узкое, но все-таки между двумя плотами или вѣрнѣе громадными помостами, помѣщенными на обоихъ берегахъ, оставался пролетъ саженей больше ста. Преодолѣть это роковое пространство, казалось, не было ни малѣйшей возможности, и глубина рѣки, и быстрота теченія не давали возможности забивать сваи.

Поляки и многіе иноземные ратные люди, прибывавшіе къ войскамъ Ягайлы, съ усмѣшкой глядѣли на эту работу и доказывали другъ другу, что изъ всей затѣи ничего не выйдетъ... Пространство между двумя устоями наполнить было мечѣмъ.

Между тѣмъ войска Ягайлы шли быстрыми переходами къ Плоцку, и Витовтъ подходилъ къ Ковно, направляясь къ тому пункту, а мостъ все еще былъ не готовъ. Всѣхъ мучило уже не сомнѣніе, а увѣренность, что перебросить всю польскую армію съ ея обозомъ и тяжестями черезъ Вислу будетъ невозможно, за недостаткомъ перевозочныхъ средствъ.

Польскіе старосты привислянскихъ округоръ начали готовить лодки и паромы, но что могли сдѣлать они въ такое короткое время, которое оставалось до предстоящаго соединенія арміи.

Прусскіе рыцарскіе шпіоны, которыми тогда кишмя кишѣла не только Литва, но особенно великая Польша, съ радостью докладывали ордену, что дикая затѣя Витовта, перебросить мостъ черезъ Вислу, оказалась несбыточной химерой, и что всѣ труды и усилія пропали даромъ.

Въ виду этого, рыцари, за три недѣли до окончанія срока перемирія, заключеннаго съ Ягайллою, почти тотчасъ по взятіи Золотурни, быстро повернувъ вдоль границъ, двинулись прямо навстрѣчу войскъ Витовта, рассчитывая, что имъ удастся встрѣтиться съ ними раньше, чѣмъ Ягайлло можетъ съ ними соединиться, бывъ задержанъ переправой.

Войска Витовта находились только въ двухъ дняхъ пути отъ Плоцка, а къ нему еще не являлись псковичи съ извѣстіемъ объ окончаніи постройки. Онъ начиналъ не на шутку тревожиться, когда ему доложили, что тысячникъ отъ псковичей и новгородцевъ бьетъ челомъ и проситъ предстать предъ его свѣтлыя очи.

— Впустить!—приказалъ великій князь, и старикъ, почтеннаго вида, въ нарядномъ кафтанѣ новгородскаго покроя, предсталъ передъ нимъ и ударилъ челомъ.

— Ну, что, старче, какъ мостъ? Кончили?

— Кончили-ста, вашей великой княжеской милости,—отвѣчалъ съ новымъ поклономъ старикъ.—Когда прикажешь, государь, настилочку стелить.

— Какъ настилку? Я тебя не понимаю... Послѣ завтра со всѣмъ войскомъ король подойдетъ къ рѣкѣ, какая настилка?

— А такъ, господине, по приказу твоему, строились мы съ опаской, да таясь, чтобы вороги не прознали, да какого лиха не сотворили, долго ли до грѣха.

— Ну, такъ что же вы сдѣлали?—нетерпѣливо перебилъ великій князь.

— Ну, такъ мы барки-то, почитай, подъ самой Варшавой рубили, только вчера они вплавъ пошли, въ ночь будутъ на мѣстѣ, воегамъ-то и въ недоумѣкъ, въ завтра настилочку положимъ, посылай, государь, сказать великому королю Ягайллѣ Ольгердовичу, пусть идетъ обновить мостикъ, а прикажешь, какъ онъ-то съ войскомъ пройдетъ, такъ мы въ полъ дня весь мостикъ-то на барки, да и вплавъ по рѣкѣ... И былъ мостъ, и нѣтъ его.

Хитрый планъ старика понравился Витовту. Онъ радикально измѣнялъ все дѣло. Становилось яснымъ, что нѣмцы, видя неуспѣхъ постройки, могли попасть въ обманъ и двинуться противъ литовцевъ, рассчитывая на задержку польскихъ войскъ переправой, и должны были ошибиться въ расчетѣ.

Онъ милостиво поблагодарилъ и одобрилъ стараго начальника работъ, приказавъ настлатъ мостъ какъ можно скорѣе, и самъ сталъ торопить свои войска походомъ.

Къ ночи слѣдующаго дня онъ самъ съ отборной дружиной подскакалъ къ берегамъ Вислы противъ Плоцка, и первое, что представилось его взорамъ, былъ безконечной длины мостъ, вѣрнѣе родъ связанныхъ между собой дубовыми брусьями и желѣзными скрѣпленіями барокъ, поставленныхъ на якоряхъ, съ насланнымъ по нимъ массивнымъ дубовымъ же накатникомъ.

Псковичи и Новгородцы сдержали слово; неслыханное, не виданное дѣло было свершено: Витовтъ переѣхалъ Вислу, не въ бродъ, не въ лодкахъ, а по первому мосту, построенному черезъ эту капризную рѣчку энергіей и знаніемъ его союзниковъ псковичей и новгородцевъ.

Когда шиши донесли ордену о томъ, что мостъ внезапно выросъ на Вислѣ, было уже поздно: Ягайлло со всей арміей и со всѣми обозами былъ уже на противоположной сторонѣ и шелъ на соединеніе съ Витовтомъ.

Великій магистръ страшно озлился на собственныхъ шпионовъ за то, что они дозволили провести и обмануть себя литовцамъ... Въ порывѣ гнѣва онъ велѣлъ повѣсить больше десятка этихъ шпионовъ, большей части мѣстныхъ жителей, прельстившихся на нѣмецкія деньги...

— За это нельзя не поблагодарить его, онъ избавилъ свѣтъ отъ десятка мерзавцевъ!—воскликнулъ Витовтъ, когда ему донесли объ этомъ новомъ варварствѣ нѣмцевъ... И онъ былъ совершенно правъ... Измѣна родинѣ, изъ за денегъ, достойна одной награды—петли.

Но эта крутая мѣра подѣйствовала радикально совсѣмъ не въ ту сторону, какъ думалъ великій магистръ; съ того же дня, мѣстные шпионы перестали являться съ донесеніями въ рыцарскій лагерь,—больше даже, стали сами ловить и вѣшать нѣмцевъ, посланныхъ на развѣдки, и господа крейцхеры, лишившись мѣстныхъ проводниковъ, должны были идти впередъ только ощупью!..

Между тѣмъ Ягайлло не дремалъ, и понимая, что гораздо выгоднѣе воевать въ землѣ непріятельской, быстро шелъ къ Червленску, какъ къ сборному пункту, указанному еще при брестскомъ свиданіи.

Хотя гонцы постоянно доносили ему, что постройка невиданнаго моста идетъ безъ задержки, онъ все еще не вѣрилъ, и только собственноручное письмо Витовта, что мостъ готовъ, оживило его, и онъ еще больше сталъ торопиться походомъ.

Ежедневно, къ его войскамъ, уже на походѣ, присоединялись отдѣльные отряды, присылаемые то тѣмъ, то другимъ паномъ, городомъ или духовными лицами. Ежедневно новые и новые отряды наемныхъ солдатъ, изъ Валахіи, изъ Венгріи, но больше всего изъ Чехіи и Силезіи, подходили, подъ начальствомъ польскихъ офицеровъ, а порою наемныхъ же начальниковъ. Збигневъ изъ Бресшіи сдержалъ слово, наемныхъ солдатъ было столько и такого качества, что еслибы ихъ нанять всѣхъ, то не хватило бы скарба королевскаго.

Впрочемъ, онъ самъ и его вербовщики выбирали лучшихъ, безусловно бракуя солдатъ германской національности. Хотя нѣмцы за деньги съ удовольствіемъ нанимались въ солдаты, но довѣрять имъ въ такомъ дѣлѣ, какъ война съ нѣмцами, было крайне рисковано. Брались только чехи, моравы, валахи и отчасти венгерцы, т. е. не мадьяры, а тѣ словаки, которые составляли и до сего дня составляютъ чуть ли не $\frac{1}{3}$ населенія Венгріи.

Литовскія войска тоже ежечасно усиливались. Давническіе и союзные князья присылали свои дружины; много людей ратныхъ прислалъ своему тестю и Московскій великій князь, но особенно обрадовался Витовтъ приходу трехъ полковъ смолянъ, приведенныхъ своими князьями Святославичами, и отборной дружинѣ князя Давида.

Отъ султана Саладина, слѣдовавшаго за войскомъ въ извѣстномъ разстояніи и со своей ордою, вмѣстѣ съ особыми, болѣе регулярными отрядами татаръ-поселенцевъ въ Литвѣ, постоянно являлись беки и батыры, долженствовавшіе приносить султану Саладину приказанія Витовта касательно направленія его силъ.

Идти вмѣстѣ съ войскомъ Витовта онъ не хотѣлъ и не могъ, во-первыхъ изъ за племенной розни, которая могла крайне обостриться, а затѣмъ потому, что такая огромная масса конницы требовала громадныхъ запасовъ фуража, котораго у Витовта не было, да и быть не могло; слѣдовательно орда должна была фуражировать и идти на подножныхъ кормахъ.

Когда наконецъ, подходя къ Червленску, Витовтъ сдѣлалъ послѣдній смотръ своему войству на походѣ, и приблизительно подсчиталъ свои силы, онъ самъ удивился. У него было свыше 50 тысячъ воиновъ, не считая татарскаго вспомогательнаго войска, котораго тоже насчитывали до 30 тысячъ.

И какихъ племенъ и нарѣчій не было подъ знаменами этого могучаго патріота и владыки. Тутъ были полки Виленскій, Троцкскій, Гродненскій, Ковенскій, Лидскій, Мѣдницкій, Полоцкій, Витебскій, Кіевскій, Пинскій, Новогрудскій, Брестскій, Волоковскій, Драгичанскій, Мельникскій, Кременецкій, Стародубскій и Смоленскій, затѣмъ вспомогательныя дружины Пскова и Новгорода, присланныя литовскимъ княземъ намѣстникомъ Лингвиномъ, жмудинскія войска возставшихъ уѣздовъ и, наконецъ, татары! Нѣкоторые города и мѣстности прислали по нѣсколько знаменъ, и у Витовта составила армія въ 40 знаменъ или отрядовъ. Съ такимъ войскомъ ему было не совѣстно идти на соединеніе со своимъ братомъ и другомъ Ягайллою, который поднялъ для рѣшительнаго, роковаго похода все, что только могла дать Великопольская шляхта, Малопольскіе паны и нанять скарбъ королевскій.

Узнавъ о приближеніи Витовта, Ягайлло, только за день бывшій къ Червенску, окруженный блестящей свитой, изъ самыхъ славныхъ польскихъ воиновъ и героевъ, направился на встрѣчу Витовту.

Онъ думалъ поразить своего брата блескомъ своего войска, его численностью и боевою подготовкою, но самъ долженъ былъ убѣдиться, что войско, приведенное Витовтомъ, если и уступало нѣкоторымъ польскимъ, отборнымъ знаменамъ въ блескѣ и богатствѣ вооруженій, то въ стройности и однородности, а главное въ численности, превосходило ихъ.

Встрѣча была по истинѣ умилительная. Оба монарха, завидя другъ друга, сошли съ коней, молча подошли другъ къ другу и бросились въ объятія. Витовтъ плакалъ тихо, Ягайлло рыдалъ и нервно вздрагивалъ... Они долго стояли такъ обнявшись, на виду всего войска, и каждый понялъ, что теперь, хотя на время, личные счеты между этими двумя героями покончены, что въ виду надвигающихся великаихъ событій, у каждаго была одна и та же цѣль—честь и слава отечества, и былъ одинъ общій, неутомимый врагъ—нѣмецъ!!

— Вотъ все, что могла дать Литва и Русь!—воскликнулъ первый Витовтъ, показывая на необозримую массу войскъ, которая по легкой возвышенности тянулась громаднымъ, сверкающимъ своею чешуею змѣемъ,—они пришли побѣдить или умереть!..

— И мои всѣ въ сборѣ, отсталыхъ нѣтъ,—отозвался Ягайлло;—кто самъ не могъ идти, тотъ прислалъ денегъ въ скарбъ... Всѣ знаменитые рыцари польскіе, служившіе при иноземныхъ короляхъ, всѣ вернулись на мой зовъ, и даже князь Земовить Мазовецкій прислалъ свои знамена! Вотъ и сынъ его Александръ.

Ягайлло подвелъ къ Витовту молодого, красиваго человѣка, скорѣе юношу, въ роскошномъ костюмѣ. Витовтъ обнялъ его отъ души.

— Радуюсь,—воскликнулъ онъ:—что общая опасность отчизны заставляетъ забыть домашніе счеты... Хвала вамъ, Пястовичи! Ну, что отецъ, что славный князь Земовить, что князь Янушъ?..

— Отецъ и дядя на походѣ, немного запоздали за сборами, но сегодня же въ ночь ко дню битвы оба будутъ въ рядахъ противъ треклятыхъ крыжаконъ!

— Исполать!.. Вотъ это любо!.. Вотъ это по геройски!—воскликнулъ Витовтъ.

— Я его сдѣлалъ начальникомъ моей личной стражи, моего собственнаго конвоя!—сказалъ Ягайлло.—Кому же болѣе храброму, болѣе благородному я могу поручить свою жизнь!.. За нимъ, съ его дружиной, я какъ за каменной стѣной.

Онъ тоже, въ свою очередь, обнялъ Земовитовича и затѣмъ представилъ Витовту всѣхъ своихъ лучшихъ и еще незнакомыхъ великому князю литовскому воиновъ. Большая часть ихъ до призыва или сидѣла въ своихъ родовыхъ помѣстьяхъ, или служила при дворахъ иностранныхъ государей.

Тутъ были, среди прочихъ столь же доблестныхъ воиновъ, слѣдующіе герои-богатыри, слава которыхъ перешла изъ устъ въ уста и стала давно уже достояніемъ народнаго эпоса: Завиша

Черный, изъ Грабова, его родной братъ Янъ Фарурей, Ома Кальскій, Войцѣхъ Мальскій герба Наленчъ, Добеславъ Перхала, герба Венявита, Скабрекъ изъ Горь, герба Гобданкъ, и много другихъ...

Это былъ цвѣтъ польскаго гербоваго дворянства, прославленные герои, явившіеся по первому призыву на защиту отечества!

По окончаніи представленія вождей и главныхъ героевъ витязей, оба союзника вновь сѣли на коней и направились къ польскому лагерю подъ Червенскомъ. Тамъ уже ждало ихъ все великое множество польскаго войска, размѣщенное по знаменамъ и отрядамъ со своими значками и начальниками впереди.

Не теряя времени, король и Витовтъ объѣхали войска и громкіе крики энтузіазма привѣтствовали двухъ прославленныхъ героевъ—государей.

Тутъ были знамена (значки) всѣхъ народностей и чуть-ли не всѣхъ большихъ городовъ, входившихъ въ составъ королевства Польскаго. Были тутъ знамена: земскія, шляхтенскія и, наконецъ, заграничныя, венгерскія, валахскія и чешскія.

На первомъ мѣстѣ стояло, передъ двумя большими отрядами, надворное знамя Краковской „земли“, съ изображеніемъ „бѣлаго орла въ коронѣ“; знаменосцемъ былъ богатырскаго вида витязь, извѣстный силачъ Марцишекъ изъ Ворцимовичъ, герба Пункоза, а въ предзнаменный рядъ тотчасъ же стали: Завиша Черный (Сулимчикъ), Флоріанъ изъ Корытницы (Елитчикъ), Домаратъ изъ Кобыланъ (Гржималитъ), Скарбекъ изъ Горь (Габданкъ), Павель Злодзи изъ Вискупичъ (Несбой), Янъ Варшавскій (Наленчъ), Станиславъ изъ Харбимовичъ (Суслимчикъ) и Яско изъ Тарговиска (Лисъ).

Подъ вторымъ и третьимъ знаменемъ стояло два отряда. Одинъ изъ придворныхъ и близкихъ людей Ягайллѣ, подъ литовскимъ гербомъ „Погоня“, второе подъ литовскимъ же двойнымъ крестомъ, на синемъ полѣ. Четвертое съ изображеніемъ святаго Георгія Побѣдоносца, поражающаго змѣя, было сборнымъ пунктомъ всѣхъ гостей-рыцарей въ польскомъ войскѣ. Ихъ не надо смѣшивать съ наемными воинами, которые составляли совершенно особыя отряды и не входили въ счетъ польско-русскихъ знаменъ.

Мы говоримъ польско-русскихъ, такъ какъ въ Польшѣ въ это время были цѣлыя мѣстности, вродѣ Холмской земли, населенныя русскими.

Затѣмъ шли шестнадцать знаменъ съ земскими гербами отрядовъ, состоявшихъ изъ ополченій шляхты разныхъ земель, и между ними можно было замѣтить шесть отрядовъ съ четырьмя русскими знаменами: Перемышльская земля выставила одно знамя и отрядъ, Львовская и Галицкая земли тоже, Подолія была представлена цѣлыми тремя отрядами, подъ однимъ знаменемъ.

Затѣмъ три знамени, 21, 22 и 23, привели на свой счетъ

братья Янушъ и Земовитъ Мазовецкіе. Они присоединились къ польскому войску почти одновременно съ приходомъ Витовта.

Слѣдующія знамена были архіепископа Николая изъ Курова и познанскаго епископа Войцѣха (Ястржембець). Только эти одни, изъ числа князей церкви, откликнулись на призывъ Ягайлы. Одинъ изъ самыхъ богатыхъ прелатовъ, знаменитый Явъ Кропидло, вмѣсто войскъ и денегъ прислалъ королю толкованіе изъ Апокалипсиса, въ которомъ доказывалъ, что нѣмцы будутъ побѣждены.

Прочіе князья церкви не только не присылали ни денегъ, ни солдатъ, но униженно обращались, разумѣется тайно, къ гротмейстеру, умоляя его приказать щадить ихъ „епископскія помѣстья“. Такъ были увѣрены эти служители алтаря въ пораженіи союзниковъ!

Затѣмъ, щеголяя одно предъ другимъ числомъ людей, блескомъ вооруженія и количествомъ панцырниковъ, стояли рядомъ, одно за другимъ, 22 знамени или отряда, присланныхъ 22-мя коронными магнатами малой Польши. Въ то время, какъ поголовное вооруженіе всей велико-польской лапотной шляхты дало только 17 знаменъ, 22 магната малопольскихъ привели 22 отборныхъ знамени, подъ личнымъ предводительствомъ или приславъ своихъ дѣтей и внуковъ.

Самой большой роскошью костюмовъ и оружія, а главное численностью хорошо вооруженныхъ бойцовъ, считались знамена новыхъ военныхъ сановниковъ короны „польской: „краковскаго пана“ Кристина, воеводы познанскаго Сендзивоя (Остророга), сандомирскаго воеводы Николая изъ Михалова, Маршалка Збигнева изъ Бржезіи, того самаго, который настоялъ на необходимости нанять воиновъ въ Чехіи и Валахіи и, наконецъ, Добеслава, князя на Олесницѣ.

Было нѣсколько знаменъ, приведенныхъ лицами, никогда, ни прежде, ни послѣ не фигурировавшими на страницахъ исторіи, и только въ этотъ роковой часъ откликнувшихся на призывъ короля. Нѣсколько впереди знаменъ, выставленныхъ магнатами малой Польши, стройно выдѣлялись многочисленныя отряды двухъ знаменитыхъ „дѣдовъ“, благороднѣйшихъ польскихъ гербовъ, подъ № 46, братья „Грифицы“, представители этого знаменитаго въ исторіи Польши герба, подъ № 48 братья герба Козлерги. Затѣмъ, нѣсколько всторонѣ отъ знаменъ польскихъ магнатовъ, крайнимъ на лѣвомъ крылѣ стояло знамя, высланное краковскимъ подстолиемъ Гнѣвошемъ изъ Далевицъ.

Это знамя, словно зачумленное, стояло какъ-то отдѣльно отъ прочихъ, и хотя состояло изъ большаго числа хорошо вооруженныхъ воиновъ, но даже въ предзнаменномъ ряду не виднѣлось ни одного уважающаго себя и свой гербъ шляхтича.

Тамъ были болѣе все худородные, обезземельные отбросы изъ лапотной шляхты, да всевозможные проходимцы и кабацкіе завсегдатаи, нанятые дорогою цѣною въ ратники этого знамени.

Въ то время, какъ земства и шляхта съ охотой становились подъ знамена земель и богатыхъ магнатовъ, становились не только безвозмездно, но даже на собственномъ коштѣ, даже за деньги нельзя было собрать гербовыхъ шляхтичей подъ знамя Гнѣвоша.

Въ чемъ же была причина остракизма, которому подвергали такого знатнаго вельможу, какъ Гнѣвошъ, подстолий краковскій?

Много лѣтъ тому назадъ Гнѣвошъ былъ первымъ человѣкомъ при дворѣ Ягайллы и Ядвиги. Онъ пользовался величайшей довѣренностью обоихъ, но воспользовался ею въ дурную сторону. Онъ задумалъ, для своихъ личныхъ цѣлей, поссорить на смерть короля и королеву, и взялся за это дѣло съ дьявольской хитростью.

Ежедневно онъ сообщалъ Ядвигѣ всѣ сплетни, всѣ слухи по поведенію Ягайллы, и ежедневно же, на интимномъ приѣмѣ у короля, повторялъ тотъ же маневръ противъ королевы. Не болѣе, какъ въ полгода, онъ до того обострилъ отношенія между супругами, что Ядвига стала считать себя несчастнѣйшею изъ женщинъ и прервала всякое сношеніе съ королемъ. Ягайлло, чрезъ того же Гнѣвоша, постоянно дѣлалъ попытки къ примиренію; понятно, въ какомъ духѣ исполнялъ его порученіе Гнѣвошъ. Кромѣ того, оставаясь теперь при королѣ единственнымъ совѣтникомъ, онъ сумѣлъ такъ очернить въ его глазахъ королеву, выдумывалъ про нее такія небылицы, что король сначала окончательно прекратилъ всѣ мечты о примиреніи, а потомъ возненавидѣлъ даже ни въ чемъ невиновную Ядвигу. Этого только и нужно было негодяю. Слово разводъ уже было произнесено обоими... Но тутъ случилось обстоятельство, котораго никакъ не могъ предусмотрѣть злодѣй. Прежде чѣмъ рѣшиться разстаться окончательно, король и королева рѣшились повидаться еще разъ, болѣе для формальности, и тутъ-то Ягайлло, у котораго блеснула мысль, что оба они жертвы низкой интриги, смѣло подошелъ къ женѣ и заклиналъ ее сказать ему имя того, кто очернилъ его въ ея глазахъ.

Ядвига съ своей стороны сдѣлала тотъ же вопросъ. Оба долго колебалась, но наконецъ то же роковое имя Гнѣвоша было произнесено обоими.

Понятно, что послѣ такого обвиненія миръ былъ заключенъ немедленно, и отношенія королевской четы стали еще лучше, чѣмъ до ссоры, но Ядвига не могла не наказать клеветника... Но она наказала не какъ королева, а какъ женщина, какъ простая шляхтянка. Она подала на Гнѣвоша жалобу въ судъ, за оклеветаніе ея женской чести, и потребовала съ него за безчестіе 60 грошей—такса кодекса за подобныя преступленія.

Съѣхались всѣ юристы королевства, но королева отклонила всѣ предложенія о союзѣ „чрезвычайнаго“ суда и требовала суда обыкновеннаго, какъ между простой шляхтянкой и обыденнымъ клеветникомъ.

Судъ рѣшилъ въ ея пользу. Обвиненный Гнѣвошъ, кромѣ уплаты пени, долженъ былъ влѣзть подъ судейскую скамейку и пролзать тамъ публично, по сабачьи, три раза, и трижды произнести слѣдующую традиционную фразу:

— Я солгалъ, какъ песъ!

Это было единственное наказаніе, которое понесъ негодай. Королева, удовлетворенная въ своемъ чувствѣ оскорбленной, честной жены, не стала ему мстить далѣе, и Гнѣвошъ не потерялъ ни одной изъ своихъ должностей, только былъ выдворенъ изъ королевскаго замка. Скоро послѣ смерти Ядвиги, онъ былъ назначенъ на почетную должность подстоля краковскаго. Но народное мнѣніе на такъ забывчиво, какъ сердце женщины. Память о его подломъ поступкѣ, относительно святой королевы, сопровождала его всю жизнь до могилы, и когда онъ, чтобы подняться въ глазахъ шляхты и пановъ, одинъ, на свой счетъ выставлялъ цѣлое знамя, не нашлось никого изъ гербовыхъ шляхтичей, которые бы стали въ его ряды.

Польское войско считало его знамя не только хуже всѣхъ, но даже ниже наемныхъ войскъ, а ужъ на что презрительно относились земскіе поляки къ „дешевымъ людямъ“; такъ называли они наемниковъ.

Ихъ сторонились и ни за что не хотѣли биться съ ними рядомъ.

По самому скромному счету, въ польско-русскомъ войскѣ было 60.000 человекъ, кромѣ возчиковъ и нестроевыхъ.

Король Ягайлло могъ смѣло гордиться такой силой. Еще никогда корона польская не выставляла такой многочисленной армады! Король и Витовтъ обвѣхали фронтъ всѣхъ знаменъ и, указавъ мѣсто, гдѣ должны были расположиться лагеремъ подходящія литовскія и русскія войска, направились вмѣстѣ въ походную каплицу, гдѣ въ торжественномъ благодарственномъ молебнѣ оба преклонили колѣна за успѣшное соединеніе войскъ, а затѣмъ прямо въ ставку королевскую, гдѣ уже дожидались вожди обоихъ войскъ, созданные на военный совѣтъ.

Ихъ было не много, всего 8 человекъ, но это былъ цвѣтъ мудрости военнаго искусства обвѣхъ армій. Тутъ были: „Краковскій панъ“ Кристинъ изъ Острова, Ясько Тарновскій, Сензивой воевода Познанскій и Николай воевода Сендомирскаго; знакомый уже намъ капеланъ и подканцлеръ королевства Николай Тромба, Збигневъ изъ Бржези, маршалъ королевства, Петръ Шафранецъ краковскій подкоморій и наконецъ молодой Мазовецкій князь Александръ Земовитовичъ. Во главѣ ихъ, разумѣется, стоялъ главнокомандующій польскимъ войскомъ, краковскій мечникъ Зындрамъ Мошковичъ.

Совѣтъ продолжался не долго, всѣ члены безъ возраженій приняли предложеніе Витовта, не медля ни днемъ, двинуть всѣ силы къ Маріенбургу, но идти сначала, до истеченія срока перемирія, которое истекало 9 іюля, своими землями, а затѣмъ

вторгнуться въ непріятельскія, и идти фросированнымъ маршемъ прямо къ столицѣ ненавистныхъ крыжаковъ.

Это предложеніе было встрѣчено общими восклицаніями согласія и радости... Только одинъ Ягайлло все еще думалъ, что ему удастся теперь, уже наканунѣ рокового столкновенія, за нѣсколько дней до окончанія перемирія, уже занеся мечъ, добиться отъ своихъ вѣчныхъ враговъ признанія своей правоты и честнаго міра!

Эту увѣренность поддерживали въ немъ два посла—посредника, присланные въ его лагерь императоромъ Сигизмундомъ: венгерскій паладинъ Николай Гара, и воевода Семиградскій Сциборъ, фаворитъ Сигизмунда, полякъ герба Острога.

Они, получивъ послѣднія уступки Ягайллы, поѣхали къ рыцарямъ, и за свѣдѣніями о ходѣ переговоровъ былъ отправленъ Ягайллою вмѣстѣ съ ними витязь, по прозванію Корцбогъ, который все еще не подавалъ никакихъ вѣстей.

Такъ тянулись дѣла до 9 іюля, дня, когда кончалось перемиріе, заключенное съ рыцарями еще въ началѣ зимы.

Въ этотъ же день Ягайлло, по совѣту Витовта, перешелъ нѣмецкую границу, а часть войскъ и татарскіе отряды Саладина сдѣлали страшный набѣгъ на рыцарскія земли. Весь горизонтъ, въ первую же ночь, озарился заревомъ пожаровъ. Татары и литва не теряли времени.

Гордымъ рыцарямъ такое понужденіе со стороны Ягайллы показалось дерзкимъ оскорбленіемъ, и они прервали переговоры.

Корцбогъ вернулся ни съ чѣмъ. Когда онъ впервые появился на военномъ совѣтѣ и сталъ говорить о силѣ рыцарскаго войска, Витовтъ рѣзко перервалъ его... Жребій войны былъ уже брошенъ! Думать о мирѣ было поздно.

Наступленіе поляковъ и литовцевъ продолжалось. Главнымъ пунктомъ наступленія, какъ извѣстно, былъ выбранъ Мариенбургъ, и путь къ нему лежалъ чрезъ истоки Древенцы.

Рыцари, уже давно изучившіе этотъ планъ наступленія, чрезвычайно сильно укрѣпили берега этой рѣчки кольями, волчьими ямами и артиллеріей, стянутой сюда изъ Мариенбурга.

Когда первые отряды поляковъ наткнулись на эти укрѣпленія и не могли форсировать ихъ безъ громадныхъ потерь, то Витовтъ предпочелъ смѣлый планъ: бросить первоначальное направленіе, и минуя затѣмъ истоки Древенцы, повернуть на востокъ къ Дзялдову и оттуда направиться снова на сѣверъ.

Это обходное движеніе показалось нѣмецкимъ рыцарямъ настоящимъ отступленіемъ. Они торжествовали этотъ день, словно извѣстіе о большой побѣдѣ, служили молебны, кутили, пьянствовали, словомъ, совсѣмъ позабыли, что врагъ еще не разбитъ и продолжаетъ наступленіе.

Они рѣшили, что теперь насталъ самый благоприятный моментъ двинуться впередъ и разбить отступающія союзныя войска.

Рѣшившись отступить отъ Древенцы, ни Ягайлло, ни Витовтъ

не пожалѣли нѣсколько десятковъ подводъ, завязшихъ въ болотахъ, и стремительно пошли впередъ, изъ Дзялдово на сѣверъ, къ мѣстечку Гильгенбургъ (Домбровно).

Утромъ 14 іюля, захвативъ его однимъ крыломъ наступающей арміи, поляки, къ удивленію увидали на мѣстѣ этого перваго нѣмецкаго городка одни дымящіеся развалины. На разсвѣтѣ онъ же былъ взятъ приступомъ, однимъ изъ иррегулярныхъ отрядовъ, разграбленъ и сожженъ.

Не засиживаясь здѣсь ни дня, Витовтъ и Ягайлло предпочли наступленіе, все въ томъ же направленіи, и такъ какъ рыцари быстрымъ движеніемъ изъ подъ Лобавы и Фрегенова шли имъ на перерѣзъ, то обѣ арміи неизбежно должны были встрѣтиться близъ деревушекъ Танненберга и Грюнвальда, лежащихъ какъ разъ на точкѣ пересѣченія этихъ линій.

Наступила мрачная, безлунная ночь съ 14 на 15 іюля. Почти никто не спалъ въ польскомъ лагерѣ. Страшный вѣтеръ вылъ по дупламъ деревь, то поднималъ адскій вой и гулъ въ лѣсныхъ чащахъ.

Во всей природѣ носилось что-то неопредѣленное, неопишемое, роковое. Каждый чувствовалъ, что наступаетъ страшная минута чего-то безысходно-неотразимаго, рокового! Чудилось, что сотни тысячъ смертей носятся надъ замолкшимъ лагеремъ. Въ это время луна выглянула изъ за разорванныхъ вѣтромъ черныхъ тучъ и освѣтила своимъ бѣлымъ свѣтомъ громадное поле, на которомъ въ повалку, безъ шатровъ и палатокъ, лежало безчисленное воинство.

Но страненъ былъ видъ этого мѣсяца. Облачко причудливой формы, очень похожее на мечъ съ рукояткой, долго, очень долго неподвижно стояло на его сверкающемъ дискѣ, и многіе войны падали ницъ въ суевѣрномъ страхѣ и со слезами молились.

Они видѣли въ этомъ явленіи предсказаніе своей грядущей судьбы.

Но нашлись также толкователи необычнаго явленія, поднявшіе снова надежду въ польскомъ войскѣ. По ихъ мнѣнію, побѣда была обезпечена за союзниками, такъ какъ мечъ, видимый на дискѣ луны, былъ обернуть острымъ концомъ по направленію къ «крыжакамъ».

Это послѣднее толкованіе успокоило мистически настроенныхъ поляковъ и суевѣрныхъ русскихъ; весь лагерь высыпалъ смотрѣть на необычайное явленіе, но наконецъ порывъ вѣтра снова нагналъ тучи и снова наступила хотя теплая, но непроницаемая тьма ночи.

Вѣтеръ не утихалъ и порывами гналъ въ сторону пруссаковъ и пыль, и листья, сорванныя съ деревьевъ, и мелкіе сучья.

Чуть стало свѣтать, Ягайлло приказалъ поставить палатку, чтобы помолиться предъ выступленіемъ Богу, во вѣтеръ былъ такъ силенъ, что всѣ усидія прислуги укрѣпить палатку церковную оказались тщетны, и пришлось, по просьбѣ Витовта, выступать, не помолившись Богу...

Солнце еще не успѣло показать своего диска надъ землею, какъ союзныя войска были уже на пути и спѣшили взойти въ сѣнь вѣковыхъ лѣсовъ, громадными „островами“, въ перемежку съ большими полянами, тянущимися отъ Домбровно вплоть до Грюнвальдской долины.

Къ одиннадцати часамъ утра, сдѣлавъ двѣ нѣмецкія мили пути, войска подошли къ самой опушкѣ лѣса, выходящей на огромную болотистую равнину, теперь, по случаю сильныхъ іюльскихъ жаровъ, совершенно просохшую.

Это было заранѣе найденное и облюбованное Витовтомъ мѣсто, гдѣ онъ рѣшилъ дожидаться нападенія рыцарей. Позиція для выжиданія и для боя была превосходная, а громадный лѣсъ безъ мелкой поросли, не стѣсняя передвиженія войскъ, могъ служить превосходнымъ прикрытіемъ и отъ любопытныхъ взоровъ непріятели, и отъ палящихъ лучей іюльскаго солнца.

По приказу Витовта и Зындрама, наступленіе войскъ прекратилось и знамена начали становиться на указанныя имъ мѣста, вдоль опушки лѣса, подъ защитой его тѣнистыхъ дубовъ и осинъ. Литовцы, шедшіе впереди, такъ и остались на правомъ флангѣ союзниковъ. Нѣмцы должны были показаться слѣва, прямо со стороны широкой долины, разстилавшейся предъ лѣсомъ.

Тотчасъ же Витовтъ и Зындрамъ выслали впередъ, далеко на равнину, легкіе конные отряды и отрядили нѣсколько верховыхъ къ Саладину, съ приказаніемъ быть на готовѣ и идти нѣсколько правѣ лѣса, къ небольшому озеру, виднѣвшемуся на правомъ флангѣ.

Непріятели еще видно не было, но какъ-то смутно чувствовалась близость громадной массы надвигающихся враговъ.

VIII.

Послы императора.

За двѣ недѣли до окончанія перемирія, заключеннаго королемъ Ягайлой и рыцарями, почти тотчасъ послѣ взятія Золотурни, со всѣхъ сторонъ громадное рыцарское ополченіе стягивалось къ лагерю подъ Куржентикомъ у Древенцы, гдѣ былъ назначенъ сборный пунктъ рыцарскихъ и союзныхъ съ ними войскъ.

Князья поморскіе, прусскіе, съ ихъ земскими ополченіями, набранными силой съ городовъ и мѣстечекъ, хельминскіе и инфлянцкіе, епископскіе отряды, полки наемныхъ солдатъ, рыцарскіе гости, рыцари, въ сопровожденіи громадной массы своихъ слугъ, вассаловъ, оруженосцовъ и кнехтовъ, окончателью переполняли всѣ рыцарскія „знамена“, такъ что во многихъ считалось больше, чѣмъ двойной комплектъ вооруженныхъ людей.

Обыкновенный комплектъ „знамени“ считался въ 200—250

латниковъ и 800—1000 человекъ остальныхъ всадниковъ, гораздо легче вооруженныхъ. Во многихъ же рыцарскихъ знаменахъ число воиновъ доходило до тысячи латниковъ и свыше 2000 простыхъ воиновъ; немудрено, что когда вся эта масса прекрасно вооруженнаго войска собралась къ сборному пункту, то братья рыцари—меченосцы увидали себя во главѣ такой воинской силы, какой никогда еще не собиралась на прусской землѣ.

Это былъ отборный цвѣтъ германскаго воинственнаго дворянства—рыцарства, гордаго своимъ происхожденіемъ и своимъ превосходствомъ надъ другими низшими расами. Прежде всего надо замѣтить, что нѣмцы „презирали“ своихъ соперниковъ и всѣ свои неудачи въ борьбѣ съ ними, которыхъ можно было насчитать больше чѣмъ побѣдъ, приписывали климату, разнымъ роковымъ случайностямъ, массѣ враговъ, но ни въ какомъ случаѣ не ихъ храбрости или званію военнаго дѣла.

По ихъ понятіямъ только нѣмцы,—одни нѣмцы,—были настоящими прирожденными вояками... Все же остальное человечество было создано исключительно для того, чтобы быть подъ ихъ властію.

Этого образа мышленія держатся нѣмцы и до нашего времени!

5-го іюля, на закатѣ солнечномъ, весь рыцарскій лагерь подъ Куртентикомъ пришелъ въ движеніе.

Вдали, у подошвы горы, на которой былъ расположенъ рыцарскій лагерь, показалась масса вооруженныхъ людей въ блестящихъ одеждахъ. Солнце косыми лучами играло на ихъ блестящихъ шлемахъ и копьяхъ. Нѣсколько человекъ съ бѣлымъ знаменемъ отдѣлилось отъ толпы и, подѣхавъ на выстрѣлъ стрѣлы къ рыцарской стражѣ, затрубили въ трубы и стали махать бѣлымъ знаменемъ.

Не было никакого сомнѣнія, что прибыли вѣстники мира или перемирія.

Гросмейстеръ, окруженный всѣмъ своимъ капитуломъ, сидѣлъ въ своей роскошной ставкѣ, и серебряныя чаши съ виномъ поминутно осушались и снова наполнялись во славу будущихъ побѣдъ ордена.

Услыхавъ звукъ трубъ, онъ послалъ одного изъ пажей узнать въ чемъ дѣло.

Когда пажъ возвратился съ донесеніемъ, что изъ литовско-польскаго войска явились послы съ бѣлымъ знаменемъ, онъ вспыхнулъ отъ гнѣва, и характерная ему рѣзкая складка легла между черныхъ нависшихъ бровей.

— Чего имъ еще нужно?—воскликнулъ онъ:—я не отступлюсь отъ своихъ правъ ни на Дрезденикъ, ни на новую Мархію, ни на земли, что мы захватили осенью... Я не хочу больше слышать глупыхъ разговоровъ объ условіяхъ... Перемирія я имъ больше не дамъ—мы готовы, они нѣтъ, тѣмъ хуже для нихъ!

— Я думаю,—обратился онъ къ капитулу,—что лучше всего

будетъ отправить ихъ обратно, даже не допустивъ въ лагерь?.. Все это соглядатаи, шпионы...

— Напротивъ,—съ улыбкою возразилъ великій маршалъ Валленродъ,—пусть именно они побываютъ у насъ въ лагерьъ, пусть подивятся и ужаснутся нашей силѣ, и наведутъ большую панику на своихъ соломенныхъ и лапотныхъ владыкъ.

Почти весь капитулъ поддержалъ великаго маршала. Въ рыцарскомъ войскѣ все было такъ грандіозно, все такъ устроено, что посторонній наблюдатель могъ только удивляться и ужасаться.

— Принять ихъ!—рѣшилъ гроемейстеръ:—я выйду къ нимъ на встрѣчу.

Распоряженіе было тотчасъ передано въ передовую цѣпь, и скоро все посольство, предшествуемое и сопровождаемое рыцарскими воинами, приблизилось къ ставкѣ гроемейстера.

Великій магистръ, окруженный всѣмъ своимъ капитуломъ и многими изъ знатнѣйшихъ гостей рыцарскихъ, ждалъ прибытія пословъ подъ огромнымъ балдахиномъ, который прикрывалъ входъ въ его ставку. Послы, увидя орденскій капитулъ, остановили коней, и по этикету приблизились пѣше.

Когда они были уже въ пятнадцать шагахъ, то самъ гроемейстеръ, узнавая въ лицо обоихъ посланцевъ, убѣдился въ своей ошибкѣ. Это были не послы короля Ягайлы, а нарочные римскаго императора Сигизмунда, венгерскіе вельможи Николай Гара и Сциборъ, воевода Семиградскій, присланные имъ вмѣсто себя, чтобы силою убѣжденій склонить къ миру обѣ враждующія стороны.

Свита состояла исключительно изъ венгерскихъ дворянъ и двухъ прелатовъ, избранныхъ лично королемъ венгерскимъ—императоромъ германскимъ. Только одинъ изъ свиты выдѣлялся изъ толпы своимъ роскошнымъ польскимъ костюмомъ и вооруженіемъ; это былъ уполномоченный короля Ягайлы, польскій рыцарь Янъ Корцбогъ, за старостью лѣтъ не годившійся уже въ бой, но старикъ разумный и привыкшій къ дѣламъ посольскимъ.

Прибытіе пословъ короля венгерскаго, бывшаго одновременно и германскимъ императоромъ, мѣняло обстоятельства. Сигизмундъ былъ явный сторонникъ нѣмцевъ рыцарей, и потому его посольство, являющееся изъ лагеря враговъ, могло имѣть серьезное значеніе.

Официальный приемъ состоялся тотчасъ же. Всѣ послы, не исключая и польскаго, были чрезвычайно обласканы гроемейстеромъ и капитуломъ, и тутъ же безъ проволочки изъяснили тѣ условія, на которыхъ союзники, т. е. Ягайлло и Витовтъ, соглашаются приостановить военныя дѣйствія.

Воевода Семиградскій, какъ старшій по годамъ и званію, взялъ изъ рукъ пажа пергаментный свитокъ, на которомъ висѣла сургучная печать на снуркѣ, и обратился къ великому магистру.

— Вотъ, благороднѣйшій, именитѣйшій, достославный пове-

литель благородныхъ господъ креста, на которыхъ противники ваши, великій король великой и малой Польши на Краковѣ и на Гнѣздо Владиславъ II и его союзникъ и братъ, свѣтлѣйшій Витовтъ, великій князь литовскій и русскій, изъявляютъ свое желаніе помириться... Я и товарищъ мой, благородный князь Николай Гара, по порученію его императорскаго и королевскаго величества, императора римскаго и короля венгерскаго Сигизмунда, являющагося въ качествѣ вольнаго посредника двухъ вооруженныхъ благородныхъ противниковъ, передаю ихъ вамъ, въ собственныя руки, для всесторонняго обсужденія. Именемъ моего великаго государя императора и короля, требую, чтобы отвѣтъ, какой бы онъ ни былъ, былъ сообщенъ намъ, его представителямъ и замѣстителямъ, для передачи противной сторонѣ.

Императорскій посоль, очевидно, вызубрилъ эту формальную рѣчь, произнесъ ее безъ запинки и съ поклономъ подалъ пергаментъ grosмейстеру.

— Хорошо, мы обсудимъ!—коротко отвѣчалъ grosмейстеръ и передалъ свитокъ одному изъ рыцарей капитула.

— Когда я могу явиться за отвѣтомъ?—съ новымъ поклономъ проговорилъ Семиградскій воевода.

— А развѣ время не ждешь?—съ полуулыбкой спросилъ великій магистръ.

— Девятаго сего іюля, т. е. чрезъ четыре дня, истекаетъ срокъ перемирія...—еще съ низайшимъ поклономъ отвѣчалъ Сциборъ.

— Будемъ имѣть въ виду!..—уклончиво проговорилъ великій магистръ и, отдавъ по этикету честь императору, закрылъ пріемъ.

Поздно вечеромъ того же дня въ собственной ставкѣ магистра было тайное совѣщаніе капитула, на которое также былъ приглашенъ и Семиградскій воевода, разумѣется, тайно. Сциборъ былъ извѣстенъ grosмейстеру за приверженца нѣмцевъ, и потому его не стѣснялись.

Когда grosмейстеръ, Сциборъ и всѣ члены капитула усѣлись вокругъ большаго стола, grosмейстеръ началъ говорить первымъ.

— Владиславъ польскій и Вигандъ литовскій предлагаютъ намъ такія условія, на которыя мы согласиться не можемъ. Они требуютъ, во-первыхъ, возврата Добржанской земли, Дрезденика и главное Жмуди... Мы вполне формально, съ соблюденіемъ всѣхъ условій кульмскаго статута, купили Добржанскую землю и Дрезденикъ, слѣдовательно, мы ими владѣемъ по праву. Что же касается возврата Жмуди, то, благородные рыцари, столько благородной рыцарской крови пролилось по ея полямъ, при обращеніи въ христіанство этихъ злыхъ язычниковъ, что мнѣ кажется несовмѣстно съ рыцарскимъ достоинствомъ даже говорить о возможности такого возврата... Я сказалъ...

Одинъ за другимъ говорили рыцари—члены капитула, ихъ мнѣнія были вполне согласны съ мнѣніемъ ихъ начальника, одинъ только Сциборъ не проронилъ ни слова, ожидая, что его спросятъ...

— Что же ты молчишь, нашъ дорогой, неоцѣнимый гость... Твоя мудрость известна всей вселенной.. Не даромъ императоръ римскій считаетъ тебя своимъ ближайшимъ совѣтникомъ!—Такъ заговорилъ гросмейстеръ, открыто льстя гостю... Лстить или заискивать у равныхъ или сильнѣйшихъ было въ обычаяхъ г. крейцхеровъ.

— Что могу сказать я, чужеземецъ, видя, какъ все благородное рыцарство исполнено воинственного жара? Я могу только сказать, какъ вашъ другъ, и какъ человекъ, только что возвратившійся изъ польскаго лагеря, что никогда я на своемъ вѣку не видалъ такого многочисленнаго войска, какое удалось теперь собрать королю Владиславу и Витовту... У нихъ больше 90 знаменъ, не считая татаръ и валаховъ!

— У нихъ больше ложекъ, чѣмъ мечей!—хвастливо воскликнулъ гросмейстеръ. Всѣ рыцари захохотали.—Мои кнехты расправятся съ ними одними бичами!

— Дай-то Богъ и святая Марія Дѣва!—покачавъ головой, отозвался Сциборъ:—но только я долженъ вамъ сказать, по дружбѣ, что какъ бы ни было плохо, сравнительно съ вашимъ, польско-литовское войско, но оно задавить васъ численностию.

— О, на этотъ счетъ я не беспокоюсь,—перебилъ Сцибора гройсмейстеръ:—никогда еще крестоносное войско не являлось на поле чести въ такомъ числѣ... У меня теперь, когда еще не всѣ союзники и земскія ополченія подошли, свыше ста тысячъ отборнаго войска, семьсотъ рыцарей креста и свыше 500 рыцарей гостей...

— А у Витольда, какъ говорятъ, больше 30.000 татаръ, хотя я ихъ не видалъ, они стоятъ миляхъ въ двухъ отъ польско-литовскаго лагеря,—осмѣлился замѣтить Сциборъ.

— Которые разбѣгутся при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ,—хвастливо замѣтилъ туховскій комтуръ, баронъ Генрихъ.—Они разбѣгутся и будутъ грабить своихъ же!

— Не говори такъ о проклятыхъ сарацинахъ,—съ усмѣшкой сказалъ Марквардъ Зальцбахъ:—я видѣлъ, какъ они лѣзли на пушки подъ Ворсклой...

— Да, но то были литовскіе пушкари, а наши магдебурцы и на триста шаговъ ихъ къ своимъ мортирамъ не подпустятъ!

— Да будетъ такъ, по слову твоему,—сказалъ Зальцбахъ.—А много ли, благородный воевода, въ войскѣ польско-литовскомъ русскихъ, этихъ неповоротливыхъ «москововъ»?—обратился онъ къ послу императора.

— Или ты ихъ боишься, этихъ злыхъ схизматиковъ?—снова перебилъ его туховскій комтуръ.

— Боятся—не боюсь, но я видѣлъ, какъ они умираютъ въ бою,— строго замѣтилъ Марквардъ.—Ихъ сначала надо убить, а потомъ еще повалить...

— Да, это странный народъ,—въ свою очередь проговорилъ Сциборъ:—я ихъ тоже видалъ въ бою; по одиночкѣ не стоютъ

ни поляка, ни нѣмца, я уже не говорю о благородныхъ рыцаряхъ, не въ кучкѣ, съ топорами въ рукахъ, они неодолимы!..

— Интересно бы видѣть этихъ московскихъ медвѣдей!.. Надѣюсь, мой мечъ сумѣетъ пробить и ихъ щкуру,—воскликнулъ туховскій комтуръ, самый юный и самый запальчивый членъ орденскаго капитула.

Утромъ этого дня, онъ, при стеченіи всего рыцарства, поклялся на крестѣ и евангеліи, въ теченіи всей войны носить предъ собою два меча, до тѣхъ поръ, пока не окунетъ ихъ по рукоятку въ человѣческой крови!.. Многіе рыцари давали подобныя же клятвы; одинъ клялся не брать въ ротъ пищи въ тотъ день, когда не убьетъ литвина, поляка или руссина, другой не мыть лица и рукъ, пока не поразитъ двѣнадцати сарациновъ, и т. д. Словомъ, возбужденіе противъ упорныхъ враговъ было всеобщее въ рыцарскомъ лагерѣ.

Не смотря на знаменательныя слова Сцибора, и довольно двухсмысленныя слова Маркварда Зальцбаха, въ принципѣ всѣ предложенія великаго князя литовскаго и короля Владислава были отвергнуты, но рѣшено было, не давая тотчасъ рѣшительнаго отвѣта посламъ Сигизмунда, стараться навести подробныя справки о количествѣ войскъ у союзниковъ, и главное, пользуясь временемъ, стянуть къ истокамъ Древенцы возможно больше артиллеріи изъ Мариенбурга.

Всю зиму и все лѣто всѣ литейныя, по всѣмъ землямъ ордена спѣшно отливали мортиры и ядра, пороховые заводы неустанно готвили порохъ, и искусные мастера изготовляли „огненные стрѣлы“, специально назначавшіяся для поджога городовъ и селеній.

На слѣдующее утро великій магистръ, въ присутствіи пословъ императора и даже посланца короля Владислава Корцбога, дѣлалъ смотръ своимъ войскамъ.

Стройно, съ музыкой проходили мимо гросмейстера одно за другимъ рыцарскія „знамена“ или отряды, онъ самъ насчиталъ ихъ 51, превосходно вооруженныхъ и безъ исключенія конныхъ. Пѣшіе воины были только при обозѣ, да при артиллеріи, которой Корцбогъ начелъ болѣе 50 мортиръ.

Самое многочисленное знамя было князя Поморскаго, Свантебора изъ Штетина, который прислалъ его подъ начальствомъ своего сына князя Казимира. Этотъ молодой, онѣмѣченный князь, совсѣмъ забывая свое славянское происхожденіе, чуть ли не болѣе самихъ рыцарей рвался на войну со славянами!.. Его знамя имѣло свыше 1000 копій и 3000 мечниковъ.

Многочисленные отряды наемныхъ нѣмецкихъ солдатъ поражали стараго Корцбога своей выправкой и воинственнымъ видомъ. Въ Польшѣ на наемныхъ воиновъ глядѣли какъ на людей дешевыхъ, а рыцари обращались съ ними хотя высокомерно, но не унижали, и главное весьма щедро и акуратно платили жалованье.

Никогда раньше не видѣвший такой громадной и благоустро-

енной арміи, старый Корцбогъ совсѣмъ растерялся и съ ужасомъ подумывалъ, что вся эта громада обрушится на его любимое отечество...

Онъ уже не настаивалъ на скоромъ отвѣтѣ, онъ молилъ Бога только объ одномъ, чтобы горькая чаша миновала его Польшу. Онъ, даже онъ, старый ветеранъ въ войнахъ съ Литвой и крестоносцами, отчаявался въ успѣхѣ польско-литовскаго дѣла. Онъ забывалъ, что есть Великій небесный Судья, который даетъ побѣду не силѣ, а правдѣ!!

Время шло, а рыцари, отправивъ на развѣдки болѣе сотни шпионовъ изъ прусскихъ нищенствующихъ крестьянъ, не торопились съ отвѣтомъ, зная, что нерѣшительный король Польскій никогда самъ не рѣшится на наступленіе.

Но они ошиблись.

Девятаго іюля истекалъ срокъ заключенному, послѣ взятія Золотурни, перемирію, и къ вечеру этого же дня въ рыцарскій лагерь изъ всѣхъ наемныхъ лазутчиковъ только явились двое. Остальные или передались полякамъ, или были схвачены и перебиты. Они принесли весьма тревожныя вѣсти, что всѣ войска Витовта соединились съ войсками Владислава и что поляки наступаютъ.

Великій магистръ страшно разгнѣвался на лазутчиковъ, онъ былъ увѣренъ, что они подкуплены поляками и лгутъ, чтобы поддержать мирныя требованія польскаго короля. Онъ приказалъ ихъ легонько попытать огнемъ и водой, но и этотъ безпристрастный допросъ не привелъ ни къ чему: несчастные извивались, какъ змѣи, когда стали поджаривать на жаровняхъ ихъ пятки, но твердили одно—поляки наступаютъ!

— Повѣсить ихъ завтра на разсвѣтѣ!—приказалъ неумолимый гросмейстеръ и снова отправился въ свою ставку бражничать съ друзьями.

Пиръ продолжался далеко за полночь. И магистръ, и члены капитула, проглотивъ изрядное количество вина, услаждали свой скухъ музыкой и пѣньемъ мейстерзингеровъ, когда вдругъ, стоявшій на дворѣ гросмейстерскаго шатра рыцарь вошелъ въ ставку и взволнованнымъ голосомъ доложилъ магистру, что на сѣверо-востокѣ видно страшное зарево въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Гросмейстеръ и его собутельники высыпали изъ ставки и съ ужасомъ увидѣли, что весь горизонтъ къ сѣверо-востоку залитъ багрово-краснымъ заревомъ пожара. Мѣстами это зарево было гораздо ярче и даже казалось, что можно было рассмотреть языки пламени.

Весь лагерь, рыцари-гости и простые воины высыпали изъ своихъ палатокъ, по всему лагерю стонъ стоялъ отъ криковъ и восклицаній... Очевидно, что зарево было произведено одновременно вспыхнувшими безчисленными пожарами, но никто не зналъ, чему приписать это... Ни у кого и въ мысли не было, что это означаетъ роковое наступленіе союзниковъ.

А пламя, между тѣмъ, разгоралось все больше и больше... Мало того, еще во многихъ мѣстахъ вспыхивали новые пожары, и огненные языки словно лизали небесный сводъ... Пожаръ, казалось, былъ чрезвычайно близко, тотчасъ за рѣкой Древенцей.

— Я говорилъ, что король Ягайлло на этотъ разъ медлитъ не будетъ,—тихо проговорилъ Сциборъ, обращаясь къ grosмейстеру.

— Я еще не увѣренъ въ томъ, что эта польская работа!—воскликнулъ grosмейстеръ:—если это такъ, о, я сумѣю отомстить... Клянусь, что отъ Гнѣзно и отъ Кракова не останется и кучи камней!.. Но я все-таки не вѣрю... Поляки не дерзнутъ наступить.

— Ваша свѣтлость забываете про Витовта!—замѣтилъ Семиградскій воевода:—онъ весь въ своего отца Кейстута...

— И такъ же, какъ и тотъ, заслужилъ петлю на шею... О, я уже не пощажу этого перекреста и измѣнника!..

— Поднявшій мечъ, отъ меча и погибнетъ,—глухо проговорилъ братъ госпитальеръ.

— Ты про кого это говоришь, братъ о Христѣ?—дрогнувшимъ голосомъ спросилъ grosмейстеръ, которому почудилось, что въ тонѣ стараго госпитальера послышалось какое-то мрачное пророчество.

— Они начали бой огнемъ и погибнуть отъ огня!—тѣмъ же тономъ произнесъ старикъ.

— И попадутъ изъ земнаго огня въ огонь, уготованный диаволу и всѣмъ аггеламъ его!—докончилъ рѣчь госпитальера кругленькій капеланъ, духовникъ всего орденскаго капитула.

Grosмейстеръ взглянулъ очень презрительно на капелана. Онъ ненавидѣлъ духовенство вообще, а льстиваго капелана, къ тому же торговавшаго индульгенціями, въ особенности.

— Эхъ, отецъ святой, земной огонь вѣрнѣе, а отъ огня геенны и откупиться можно... а отъ здѣшняго... клянусь святой Дѣвой, не откупиться всѣмъ золотомъ міра!

Въ это время, на томъ берегу рѣки, раздались страшные крики о помощи. Это былъ визгъ и вой человѣческой толпы, очевидно, находящейся въ смертельномъ страхѣ... Множество кнехтовъ и служителей кинулось къ лодкамъ, и чрезъ нѣсколько минутъ цѣлая толпа до смерти перепуганныхъ поселянъ и поселянокъ была перевезена на эту сторону. Они плакали и голосили, умоляя о защитѣ.

Это были первыя жертвы войны. Король Ягайлло сдержалъ свое обѣщаніе; въ день окончанія перемирія, онъ двинулъ свои войска чрезъ границы рыцарскихъ владѣній. Налетъ былъ быстръ и неожиданъ. Пожары освѣтили всю окрестность, а жители, въ паническомъ страхѣ, искали спасенія въ поспѣшномъ бѣгствѣ.

Колебаться больше было невозможно.

Едва лишь точная причина пожаровъ стала извѣстна grosмейстеру, онъ тотчасъ приказалъ ударить въ литавры, стоявшіе у входа въ ставку, и три раза затрубить въ громадную боевую трубу.

Это былъ сигналъ, по которому всё братья рыцари обязаны бывали, во всякій часъ дня и ночи, спѣшить къ ставкѣ гроемейстера.

Черезъ полчаса, всё семьсотъ братьевъ ордена, рыцарскіе гости, предводители отрядовъ и необозримая масса воиновъ окружали шатеръ великаго магистра. Онъ вышелъ къ толпѣ въ форменной одеждѣ, въ плащѣ и съ жезломъ въ рукахъ.

— Благородное рыцарство,—началь онъ громко:—вы сами видите,—онъ указалъ рукой на зловѣщее зарево, которое, казалось, становилось все ярче и ближе:—вы видите, до чего доходятъ ярость и дерзость нашихъ коварныхъ враговъ... Они присылаютъ пословъ просить мира, а сами жгутъ села нашихъ подданныхъ, врываются въ наши границы... Между нами не можетъ больше быть никакихъ переговоровъ... на начинающаго Богъ!..

— Война!—воскликнулъ стоявшій рядомъ съ гроемейстеромъ великій маршалъ Валенродъ.

— Война! война!—оглушительно загремѣли кругомъ голоса рыцарей и гостей.

— Война! Смерть сарацинамъ!—кричали громче всѣхъ иноземные рыцари, воодушевленные перспективой участвовать въ крестовомъ походѣ.

— Война! война!—громовымъ раскатомъ прокатилось по всему рыцарскому войску, и сотни тысячъ голосовъ подхватили этотъ дикій кличъ.

Между тѣмъ одинъ изъ пажей призвалъ въ ставку къ гроемейстеру посланца польскаго короля, старика Корцбога.

— Слушай, старикъ,—сказалъ ему рѣзко комтуръ:—возвратись къ пославшему тебя и скажи, что съ этого дня только одинъ мечъ можетъ рѣшить споръ межъ нами... Что на начинающаго Богъ, и что я не вложу меча въ ножны, пока не заставлю его ползкомъ, на колѣняхъ, съ веревкой на шеѣ, молить прощеніе у священнаго капитула... Ступай и торопись; если ты промедлишь, я не ручаюсь за твою жизнь!..

Корцбогъ поклонился и спѣшилъ выбраться изъ ставки гроемейстера. Черезъ полчаса онъ скакалъ по дорогѣ къ лагерю Ягайлы; двое его слугъ едва поспѣвали за нимъ...

На радостныя вѣсти везъ онъ Ягайллъ!

Между тѣмъ, ежеминутно, въ теченіе всей ночи, то тамъ, то сямъ, вспыхивали пожары, и лодочки не успѣвали перевозить всѣхъ бѣглецовъ, спѣшившихъ укрыться отъ непріятели.

Раннимъ утромъ, передовые отряды донесли магистру, что на противоположномъ берегу Древенцы появились польскіе отряды и хотятъ форсировать переправу.

Тотчасъ большая часть артиллеріи была направлена гроемейстеромъ къ угрожаемому мѣсту; слѣдомъ за нею двигалась почти вся меченосная армія, и къ вечеру мѣстность, единственно доступная для переправы, была сильно укрѣплена нѣм-

цами, Ягайлло хорошо понялъ, что форсировать переправку, при такихъ обстоятельствахъ, немислимо, и послѣ короткаго совѣщанія съ Витовтомъ, бывшимъ душою всего похода, рѣшилъ круто измѣнить планъ войны.

Бросивъ на берегу Древенцы нѣсколько десятковъ фуръ, онъ повернулъ всю армію прямо на сѣверъ и двинулся къ границамъ рыцарскихъ владѣній, минуя источники Древенцы.

Когда рыцарскіе развѣдчики донесли, что союзники, бросивъ часть обоза, быстро отступаютъ, то несказанная радость охватила всѣхъ рыцарей.

Они вообразили, что, испугавшись ихъ силы, союзники бѣгутъ во свояси, и это отступление, словно величайшую побѣду, они праздновали весь слѣдующій день торжественными молебствіями и обильнымъ возліаніемъ. Но ихъ торжество продолжалось недолго. Уже въ ночи явились гонцы въ рыцарскій лагерь съ донесеніемъ, что польско-литовская армія и не думаетъ отступать, но только, обогнувъ истоки Древенцы, окольнымъ путемъ идетъ прямо на Маріенбургъ.

Созванный наскоро военный совѣтъ рѣшилъ идти возможно спѣшнѣе на перерѣзъ пути арміи союзниковъ, и встрѣтившись съ нею, дать рѣшительный бой...

Всю ночь, одинъ за другимъ, прибывали вѣстники, съ болѣе точнымъ указаніемъ пути, который принимали союзники. Раннимъ утромъ рыцарская армія снялась съ лагеря и быстрымъ переходомъ двинулась на перерѣзъ колоннамъ къ мѣстечкамъ Лобову и Фрегенову, а Ягайлло, утромъ слѣдующаго дня взявъ и разоривъ Домбровно, продолжалъ свой путь на Маріенбургъ.

Такимъ образомъ обѣ арміи, медленно сближаясь, неизбежно должны были столкнуться между деревнями Грюнвальдомъ и Танненбергомъ. Это прекрасно понялъ и самъ великій магистръ, и весь рыцарскій капитулъ. Всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ отрядовъ отданъ былъ приказъ спѣшить, во что бы то ни стало, къ полудню 15 іюля къ общему пункту ея соединенія, у деревни Грюнвальда.

Рыцари съ математической точностью исполнили распоряженіе начальства, и за полчаса до полудня, головы ихъ колоннъ показались на плоской возвышенности, которая окаймляетъ громадную болотистую Грюнвальдскую долину.

По другую сторону долины, на милю лишь въ обѣ стороны, тянулись громадные вѣковѣчные лѣса. Вдоль опушки, то тамъ, то сямъ виднѣлись всадники и одиночные люди, скрывающіеся подъ тѣнью лѣса. Только на самомъ лѣвомъ флангѣ, между лѣсомъ и небольшимъ озеромъ, чернѣлась масса войскъ, разставленная правильными «клинами» въ два ряда, а гораздо дальше, въ полумилѣ за озеромъ, чернѣло что-то, но что такое, трудно было бы сказать, былъ ли то лагерь, или просто громадный табуль лошадей...

Крикъ дикой радости огласилъ ряды рыцарскихъ войскъ,

когда они убѣдились, что тутъ, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ предъ ними, стоитъ наконецъ все сарацинское войско и наступаетъ великій часъ суда Божьяго...

Нѣмцы не сомнѣвались, что приговоръ Небеснаго Судьи будетъ въ ихъ пользу.

IX.

Бой. Вызовъ мечами.

Буря немного поутихла. Королевскіе прислужники начали быстро разбивать большую палатку-церковь, которую не могли разбить утромъ. Король очень обрадовался, что ему, наконецъ, возможно будетъ исполнить обѣтъ, прослушать обѣдню. Онъ сошелъ съ лошади и присѣлъ на большомъ пнѣ срубленнаго дуба, который прислужники покрыли бархатнымъ ковромъ. Подканцлеръ коронный Николай Тромба стоялъ рядомъ съ нимъ, и тоже, какъ лицо имѣвшее духовный санъ, готовился служить обѣдню.

По временамъ все еще налетали порывы вѣтра, но температура замѣтно повышалась, солнце, показавшееся изъ-за разогнанныхъ вѣтромъ тучъ, жгло невыносимо, и латники, бывшіе на полянкахъ, внѣ тѣни дубравы, спѣшили укрыться въ чащѣ лѣса, гдѣ царствовала прохлада.

Иадали доносился звукъ роговъ, это Витовтъ объѣзжалъ войска, расположенныя вдоль опушки лѣса, и разставлялъ подходящія полки.

Далеко впереди лѣса разстилалась обширная равнина, а на разстояніи пяти полетовъ стрѣлы, по всей линіи начиналось возвышеніе, освѣщенное теперь лучами полуденнаго солнца.

Правѣ лѣса виднѣлось небольшое озеро, а еще дальше убогая деревушка съ ветхою, полуразрушенною церковью, это и было селеніе Танненбергъ, о которомъ, на послѣднемъ военномъ совѣтѣ, говорилъ Зындрамъ Мошковичъ.

Гораздо лѣвѣе, посреди роскошнаго зеленого луга, бѣлѣлись избушки другой деревушки — Грюнвальда, или, какъ его называли, Грюнфельда, т. е. зеленого луга. Расположеніе между ними было не больше полумили, но дорога шла по болотистому лугу, почти непроходимому весной и осенью.

Нѣсколько дубовъ одиноко возвышались среди равнины, словно сторожевые великаны, на равномъ разстояніи, какъ отъ лѣса, такъ и отъ начинающагося возвышенія. Нѣсколько всадниковъ поскакало къ нимъ, но смѣльчаки тотчасъ же были отозваны предусмотрительнымъ Витовтомъ. Онъ не хотѣлъ, чтобы рыцари раньше времени знали, что лѣсъ занятъ соединенными арміями.

Разставивъ войско и убѣдившись, что отсталыя знамена стягиваются къ лѣсу, Витовтъ направилъ коня къ ставкѣ королевской. Онъ хотѣлъ еще разъ переговорить съ королемъ о предстоящемъ сраженіи, но Ягайлло, утомленный вчерашнимъ военнымъ совѣтомъ и затаившій какую-то тайную мысль, едва увидѣвъ его издали, опустилъ глаза въ землю, смиренно перекрестился, всталъ и торопливой походкой направился въ только что поставленный шатеръ-церковь.

Николай Тромба, Сбигневъ, Олесницкій, ему сопутствовали. По этикету, строго наблюдавшемуся при дворѣ короля, никто, даже сама королева, не имѣла права беспокоить короля, когда онъ стоялъ на молитвѣ.

Это прекрасно зналъ и Витовтъ. Узнавъ, что король молится, онъ махнулъ съ досадою рукой и хотѣлъ было снова ѣхать къ своимъ полкамъ, какъ вдругъ изъ опушки лѣса на поляну выскакалъ молодой воинъ, на взмыленномъ конѣ. Очевидно, онъ гналъ во весь опоръ. Узнавъ Витовта, онъ мигомъ соскочилъ съ коня и преклонилъ колѣно.

— Кто ты и что скажешь? — спросилъ великій князь, зная, что гонецъ не смѣетъ говорить безъ вопроса.

— Великія вѣсти, государь. Крыжаки наступаютъ, я видѣлъ ихъ знамя четверть мили отъ Грюнвальда, они идутъ сюда.

— Ладно, встрѣтимъ, а ты самъ-то, молодецъ?

— Ганко Остойчикъ, шляхтичъ изъ Хельма... рабъ и слуга вашей королевской мости.

Почти въ ту же секунду, съ другой стороны, отъ Танненберга, прискакалъ другой гонецъ; это былъ одинъ изъ псковскихъ лучниковъ, присланный Видимундомъ Хрущомъ съ донесеніемъ, что вблизи Танненберга показались силы рыцарей.

Одинъ за другимъ прибывали гонцы съ передовыхъ постовъ съ извѣстіями о томъ же. Витовтъ захотѣлъ лично убѣдиться въ этомъ и быстро поскакалъ просѣкой на опушку лѣса.

Видъ противоположащей возвышенности измѣнился словно по волшебству. Тамъ, гдѣ нѣсколько минутъ передъ тѣмъ чернѣлись пашни или желтѣлись убранныя нивы, теперь блестяли и сверкали копыя, латы, шлемы и мечи безчисленнаго войска. Вся армія меченосцевъ, повинувая строгому приказу великаго магистра, назначившаго долину между Грюнвальдомъ и Танненбергомъ мѣстомъ соединенія всѣхъ рыцарскихъ знаменъ, на полдень 15 іюля, стянулась сюда, заняла возвышенность, господствующую надъ долиной и отчасти долину. Передовыя линіи были не больше, какъ на два полета стрѣлы отъ опушки лѣса.

Рыцари, видя, что только правая, исходящая часть опушки занята войсками непріятеля, не помѣстившимися въ лѣсу, не имѣла никакого понятія о дѣйствительной численности приведеннаго Ягайллою и Витовтомъ войска и, видя только незначительную часть его, вообразили, что видятъ предъ собой все ополченіе, и заранѣе радовались легкой побѣдѣ.

Зато все нѣмецкое войско виднѣлось Витовту, какъ на ладони. Онъ могъ не только счесть всѣ знамена, но даже узнавалъ въ лицо многихъ рыцарей, съ которыми судьба приводила его сталкиваться.

Почти въ центрѣ, подъ большимъ квадратнымъ знаменемъ съ большимъ чернымъ крестомъ на одной сторонѣ и распостертымъ чернымъ коронованнымъ орломъ на другой, онъ узнавалъ колоссальную фигуру отнынѣ своего злѣйшаго врага Маркварда Зальцбаха. Рядомъ съ нимъ стоялъ человекъ громаднаго роста, тоже съ рыжей бородой, почти огненнаго цвѣта. При первомъ взглядѣ на этого рыцаря, Витовтъ вздрогнулъ.

— Слушайте, — обратился онъ къ нѣсколькимъ молодымъ воинамъ-тѣлохранителямъ, ѣхавшимъ за нимъ слѣдомъ, — вонъ видите этого рыжаго рыцаря, что стоитъ рядомъ съ Марквардомъ? Тотъ, кто возьметъ его живаго или мертваго, заслужитъ себѣ вѣчную славу... а мнѣ сдѣлаетъ дорогой подарокъ.

— Тотъ, государь, что съ павлиньими перьями на шеломѣ? — спросилъ одинъ изъ любимцевъ Витовта, его стремянной, молодой бояринъ литовскій Кормульгъ.

— Онъ самый... добудь его и проси чего знаешь...

Глаза молодого литвина засверкали.

— Или лягу головой, или голова его будетъ у твоихъ ногъ, государь! — воскликнулъ онъ съ жаромъ.

— Аминь! — проговорилъ Витовтъ и перекрестился. Рыцарь, про котораго шла рѣчь, былъ безсердечный рыцарь Шомбергъ, по другому произшенію Зоненбергъ, отравившій двухъ сыновей Витовта, заложниковъ у ордена.

Топотъ сзади по просьбѣ заставилъ Витовта обернуться въ эту сторону. Къ нему во весь опоръ скакалъ молодой Туганъ-мирза съ небольшой свитой татарскихъ наѣздниковъ. На молодомъ татарскомъ витязѣ, поверхъ бархатнаго алаго кафтана съ позументами, была надѣта кольчуга съ чудной золотой насѣчкой, а на головѣ блестяла полированная стальная шапка ерихонка, украшенная пучкомъ степного ковыля. У пояса висѣла кривая сабля, за плечами виднѣлся лукъ и полный оперенныхъ стрѣлъ колчанъ. Большой широкій ножъ былъ заткнутъ за поясъ, а на передней лукъ сѣдла виднѣлся, скрученный изъ конскаго волоса, арканъ.

Подскакавъ къ великому князю, Туганъ-мирза низко поклонился, прижавъ руки ко лбу и груди, и вдругъ словно замеръ въ недоумѣніи. Онъ увидалъ позадѣ великаго князя всю безконечную массу рыцарскаго войска.

— Ну, что, поспѣлъ ли султанъ Салладинъ на соединеніе съ моими литовцами? — быстро спросилъ великій князь.

— Самъ султанъ пришелъ, четыре часа меня гайда посылай напередъ, нукеръ приводи, джигитъ приводи, много уланъ джигитъ приводи...

— Сколько привелъ?

— Много привель, десята тысяча привель... Самый хорошь джигить привель.

— Гдѣ же вы, гдѣ остановились? — переспросилъ Витовтъ, который начиналъ уже сомнѣваться, что татары Салладина успѣютъ во время явиться къ Грюнвальду и принять участіе въ битвѣ, которая казалась неизбежной.

— Тутъ за лѣсъ стоитъ... Всѣ таборомъ стоимъ.

Татарченкокъ указалъ на правый флангъ позиціи, гдѣ уже были расположены литовскія передовыя дружины.

— Хвалю, это мѣсто я вамъ и назначалъ. Тамъ поляна и оврагъ, вы можете заскакать и въ бокъ и тылъ врагамъ... Только ни съ мѣста, пока я не подамъ знака къ битвѣ...

— Воля господина, святая заповѣдь для его рабовъ! — съ поклономъ отозвался Туганъ-мирза; очевидно, вертясь больше года среди царедворцевъ литовскаго великаго князя, онъ и самъ понемногу начиналъ превращаться въ придворнаго.

— Пошли изъ своихъ нукеровъ посмышленѣе на встрѣчу султану Салладину и скажи ему, чтобы онъ шелъ прямо къ вашимъ дружинамъ и подкрѣпилъ васъ. Дѣло будетъ жаркое и безъ подкрѣпленій вамъ не устоять.

Мирза ничего не отвѣчалъ, онъ только пристально взглянулъ на великаго князя и, повернувъ коня, вихремъ помчался къ своимъ, расположившимся позади лѣса на громадной, поросшей сочною травою, полянѣ.

— Намъ не удержаться! — повторялъ онъ мысленно слова великаго князя, — не удержаться, да и зачѣмъ держаться... У него конь, у меня конь, у него конь несетъ 15 окъ, у меня и пяти нѣтъ, онъ поскачетъ за мной, я уйду отъ него, какъ въ теръ пустыни; онъ поскачетъ за мной, его лошадь тяжелая, она устанетъ, а мой скакунъ будетъ свѣжъ, тогда и мнѣ можно будетъ возвратиться, — гайда арканъ!.. А тамъ, что Аллахъ разсудитъ.

Такъ разсуждалъ Туганъ-мирза самъ съ собою, подѣзжая къ оставленному имъ лагерю. Старшины, приближенные думцы и знаменитѣйшіе богатыри татарскіе, окружили юношу, и онъ съ жаромъ разсказалъ имъ свою встрѣчу съ Витовтомъ и буквально передалъ его распоряженіе.

— Аллахъ-Биллахъ! на все предопредѣленіе Аллаха, — заговорили въ одинъ голосъ татары, — великій князь, великій богатырь, подъ стать великому Зорабу, онъ знаетъ откуда бить врага, съ хвоста или головы! Да будетъ его воля исполнена!

Узнавъ, что непріятель уже въ виду и что битвы можно ожидать съ часу на часъ, военачальники татарскіе тотчасъ же отдали приказаніе сняться съ лагеря и придвинуться возможно ближе къ литовскимъ полкамъ, занявшимъ все пространство отъ опушки лѣса до небольшого озера, прилегающаго къ селенію Танненбергъ.

Нѣсколько лѣвъѣе, поближе къ лѣсу, во второй линіи за лп-

товскими полками, уже построившимися въ боевой порядокъ «клиномъ впередъ», виднѣлись дружины совѣмъ въ другой одеждѣ и главное съ совершенно инымъ, своеобразнымъ и страшнымъ, вооруженіемъ. Только очень небольшая часть людей была одѣта въ доспѣхи, т. е. латы и шлемы; нѣкоторые имѣли только кованныя желѣзныя шапочки, да напешечники, а большинство носило поверхъ бѣлыхъ суконныхъ кафтановъ какія-то не то куртки, не то фуфайки, изъ плотно скрученныхъ и перевитыхъ между собою пеньковыхъ веревокъ. Это и были такъ называемыя бахтерцы, особой видъ домодѣльной брони, употребляемой только въ Московскомъ государствѣ. Тяжелыя, неуклюжія, они не предохраняли носителей не только отъ копій, но даже отъ стрѣлъ; но довольно хорошо сопротивлялись удару меча, а подчасъ и рыцарской сѣкирѣ.

Оружіемъ этой части войскъ Витовта были обыкновенныя лѣсосѣчные топоры, насаженные на топорича нѣсколько длиннѣе обыкновенныхъ. Это были три смоленскія дружины, присланныя смоленскимъ данническимъ княземъ Глѣбомъ, подъ начальствомъ сына своего Давида, уже знакомаго читателямъ.

Князь Давидъ, получивъ чрезъ пѣвца Молгаса первое извѣстіе о плѣнѣ своей невѣсты и о томъ, что она еще жива, въ ту же минуту хотѣлъ собраться отбивать ее у нѣмцевъ, но, когда первая горячка прошла, обсудилъ это дѣло съ людьми ратными. Отбить княжну вооруженной силой, изъ-за стѣнъ укрѣпленнаго рыцарскаго замка, было тщетной и несбыточной мечтой. Надо было придумать что-либо другое. Въ это время отецъ князя Давида получилъ письмо отъ великаго князя литовскаго, въ которомъ тотъ требовалъ выставить, согласно уговору, три знамени войскъ. Старый князь сначала было заупрямился, но Давидъ Глѣбовичъ поддержалъ требованье Витовта и князь не прекословилъ. Три знамени были собраны молодымъ княземъ въ самое короткое время. Смоляне, узнавъ, что дружинѣ поведетъ самъ молодой князь Давидъ, котораго обожили и старъ и младъ, толпами стекались подъ его знамена, и онъ безъ особаго труда, не притѣсяняя даже строптивыхъ бояръ смоленскихъ, медлившихъ снаряжаться въ походъ, успѣлъ къ началу іюня собрать рать изъ отборныхъ людей.

Одно смущало молодого героя: живя долго въ Литвѣ, видя постоянно предъ собою цвѣтъ литовскаго, польскаго и рыцарскаго войска, въ блестящихъ, изящныхъ и дорогихъ уборахъ и вооруженіи, онъ не могъ помириться съ мыслью, что ему придется вести на общій сборъ толпу сермяжниковъ, одѣтыхъ кто въ лапоть, кто на босу ногу, и непризнающихъ другого оружія кромѣ дубины—мочуги, да дровосѣчнаго топора.

Онъ ожидалъ, что его встрѣтятъ насмѣшками въ польско-литовскомъ лагерѣ, и не ошибся. Съ перваго же дня прибытія его къ союзному лагерю, его смоляне были окрещены именемъ «дегтярниковъ», а онъ прозваніемъ «горе богатыря».

Затаивъ глубоко на душѣ оскорбленіе, князь ждалъ только случая доказать, что дегтярники стоятъ раздушенныхъ и расфранченныхъ шляхтичей и что онъ одинъ стоитъ трехъ любимыхъ витязей.

Князь Витовтъ, за два дня, на походѣ, смотрѣлъ пришедшія дружины смолянъ. Ему, какъ старому и опытному воину, сразу бросилось въ глаза ихъ странное оборонительное и наступательное оружіе. Онъ понялъ, что такіе силачи, какими выглядѣли смоляне, при тяжести и неуклюжести веревочныхъ бахтерцевъ, рѣшительно не годятся для наступленія, но тамъ, гдѣ нужна непоколебимая твердыня живыхъ тѣлъ, эти «дегтярники», составятъ неодолимый, незамѣнимый оплотъ. Онъ тотчасъ позволилъ къ себѣ князя Давида, по благодарилъ за поспѣшность, съ которою онъ догналъ наступающую армію, и указалъ смолянамъ мѣсто сзади конныхъ литовскихъ дружинъ.

Придя къ Танненбергу и еще разъ повидавшись съ Витовтомъ, который, объѣзжая позицію, самъ лично указалъ мѣсто дружинъ во-время боя, князь Давидъ приказалъ людямъ отдохнуть, зная, что день будетъ жаркій и работы много.

— Княже милостивый,—обратился вдругъ къ нему одинъ изъ старѣйшихъ ратниковъ первой дружины, предзнаменный витязь боярскій сынъ Максимъ Отрада,—коли треклятые нѣмчины оттуда налетятъ,—онъ указалъ на позицію меченосцевъ,—не обособиться бы жердочками, да слезками...

— Какъ жердочками?—переспросилъ князь Давидъ, не понимая вопроса.

— Да такъ, съ поля-то нѣмцу вольготно копьемъ орудовать, коли его поймашь топоромъ-то, а коли жердочки поставить, съ конемъ ему ихъ не переѣхать, а пѣшихъ-то мы и сами уберемъ!..

Теперь князь понялъ, что смоляне хотятъ оградиться со стороны поля слемами, чтобы уравновѣсить шансы боя.

Получивъ разрѣшеніе, смоляне быстро принялись за работу, и къ полудню весь правый флангъ былъ обнесенъ двойнымъ заборомъ изъ еловыхъ жердей, перевязанныхъ и привязанныхъ лыками къ вбитымъ колямъ. Сквозь подобную преграду, безусловно недоступную конямъ и всадникамъ, очень легко проходили пѣшие воины. При вторичномъ объѣздѣ Витовтъ очень одобрилъ затѣю, и хотя въ душѣ смѣялся и называлъ смолянъ „плотниками“, но принялъ этотъ методъ защиты къ свѣдѣнію, рассчитывая примѣнить въ будущемъ и въ своихъ войскахъ.

Въ лагерьѣ истыхъ литовцевъ и язычниковъ-жмудиныхъ царствовало особое возбужденіе. Дикія орды лѣсныхъ обитателей центральной, неизслѣдованной Литвы и Жмуди, приведенныя своимъ княземъ Одомаромъ, сбились въ одну громадную толпу, и подъ мѣрные удары мечей о щиты, и бубны о бубны, пѣли, вѣрнѣе, завывали какія-то неслыханныя дикія пѣсни, скорѣе похожія на вой волковъ.

Одомарь, одѣтый въ полное вооруженіе, подаренное ему Вингаллою изъ стараго военнаго убора, оставилъ при себѣ только громадную дубину, сдѣланную изъ молодого дуба, вырваннаго съ корнемъ. Не смотря на всѣ доводы Вингаллы, онъ никакъ не хотѣлъ смѣнить ее на мечъ, находя, что онъ слишкомъ легкою и ему не по рукѣ. Старый князь больше не настаивалъ и Одомарь продолжалъ щеголять предъ войсками со своей дубиной на плечахъ.

Криве-кривейто и многіе изъ криве сопутствовали жмудинскимъ знаменамъ; они знали, что ихъ присутствіе способно воодушевить на страшный бой съ врагами отчизны самыя невозмутимыя литовскія сердца, и дружно откликнулись на призывъ Витовта, итти отмстить за разоренную землю отцовъ и дѣдовъ.

Немного лѣвѣе, ближе къ смолянамъ, стояли эйрагольскія знамена, приведенныя княземъ Вингаллою; они были уже построены къ бою и въ предзнаменныхъ рядахъ перваго знамени, словно дубы среди мелколѣся, выдѣлялись колоссальныя фигуры всѣхъ четырехъ братьевъ Стрѣкосычей. Они были пѣши, но съ головы до ногъ закованы въ тяжелыя брони, что другимъ и поднять бы не подъ силу. Они какъ-то туго смотрѣли на все окружающее, изрѣдка перебрасываясь другъ съ другомъ словами, разобрать которыя другіе не были въ состояніи.

Самъ князь Вингалла, въ полномъ боевомъ вооруженіи, окруженный своими боярами, богатырями и нѣсколькими оруженосцами, объѣзжалъ ряды своихъ дружинъ и отдавалъ послѣднія распоряженія. Воодушевлять своихъ жмудинъ словами ему не приходилось, каждый изъ нихъ глубоко на сердцѣ затаилъ страшное чувство мести къ нѣмцамъ... Не было ни одного человѣка во всемъ жмудскомъ войскѣ, у котораго не было бы старыхъ счетовъ съ крестonosцами... Они дышали жаждой мщенія и ихъ надо было скорѣе сдерживать, чѣмъ поощрять.

Увидавъ своего повелителя и брата, Вингалла подскакалъ къ нему.

— Прикажешь начинать?!—спросилъ онъ, сверкая глазами, — у меня скоро не хватитъ силъ сдерживать моихъ людей...

— Ждать!—повелительно крикнулъ Витовтъ. — Ждать, пока я самъ не дамъ приказанія итти въ бой.

Тонъ голоса великаго князя не допускалъ возраженія. Вингалла нарочно возвратился къ своимъ дружинамъ. Къ нему подѣхалъ Бѣльскій.

— Скоро начинать, государь?—спросилъ онъ въ свою очередь.

— Ждать!—нервно крикнулъ ему въ свою очередь Вингалла. Его самага бѣсило это промедленіе. Враги, безжалостные, неумолимые, были тутъ, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ—и ждать, ждать часа расплаты!

Между тѣмъ, великій князь снова вѣхалъ въ лѣсъ и мчался вдоль расположившихся по немъ группами знаменъ польскихъ войскъ. Они даже не были поставлены въ боевой порядокъ и от-

дыхали подъ тѣнью деревьевъ. Во многихъ мѣстахъ горѣли костры и варилась пища... Близость непріятеля, казалось, ничуть не смущала предводителей. Они были увѣрены, что здѣсь, въ лѣсу, рыцари на нихъ напасть не посмѣютъ, такъ какъ рыцарское вооруженіе не было приспособлено къ лѣсному бою, и мирно предавались покою.

Жара въ полѣ, на солнечномъ припекѣ, была ужасная, невыносимая, и лошади и люди изнемогали отъ зноя, а здѣсь, въ лѣсу, царствовала прохлада; два ручейка, прорѣзавшіе лѣсную чащу, давали возможность утолить жажду.

Витовтъ снова выѣхалъ на опушку лѣса. Теперь вся противоположная возвышенная поляна, насколько можно было окинуть взглядомъ, была покрыта вооруженными людьми, стоявшими правильными квадратами съ широкими интервалами. Большія черныя знамена, квадратной формы, съ бѣлыми рыцарскими крестами на нихъ, придавали всей арміи нѣмцевъ, дѣйствительно, видъ крестоноснаго войска. На многихъ знаменахъ на обратной сторонѣ было изображеніе одноглаваго чернаго орла, герба Пруссіи.

Предводителей, собравшихся впереди войска, легко можно было узнать по цѣлымъ пучкамъ страусовыхъ и павлиньихъ перьевъ на шлемахъ. Среди нихъ царствовало необычайное движеніе. Они о чемъ-то совѣщались и спорили.

Дѣйствительно, это былъ военный совѣтъ, созванный наскоро великимъ магистромъ, въ виду страннаго положенія, принятаго врагами.

Часть польско-литовско-русскаго войска была лишь видна изъ-за лѣса, бой былъ неминуемъ, но очевидно враги и не думали нападать на нихъ. Они стояли, и въ лѣсу, и по опушкѣ лѣса, и отчасти вдоль озера, въ полномъ бездѣйствіи и тѣмъ приводили въ несказанное смущеніе рыцарей.

Атаковать ихъ въ лѣсу было немислимо. А между тѣмъ время уходило, солнце жгло нестерпимо, и рыцарскимъ войскамъ, прошедшимъ съ утра болѣе 3-хъ миль (21 версту), отдыхъ былъ необходимъ... Они изнемогали отъ жгучихъ лучей солнца, накаливающаго ихъ панцыри, а объ отдыхѣ нелья было и думать, врагъ стоялъ близко и ежеминутно могъ начать нападеніе.

Десятки людей падали отъ изнуренія и великій магистръ собралъ военный совѣтъ, чтобы рѣшить, что предпринять.

Рыцарскіе союзники, герцогъ штеттинскій Казиміръ и герцогъ силезскій Конрадъ, горячились больше всѣхъ и требовали чтобы, не взирая ни на что, рыцарскія войска атаковали.

Герцогъ штеттинскій подскакалъ къ великому магистру, умоляя его дозволить ему, на свой страхъ, со своими рыцарями, атаковать видѣвшихся около лѣса враговъ.

— Вы недостаточно знакомы, ваша свѣтлость, со способами войны, которыхъ придерживаются эти проклятые язычники, — возразилъ магистръ, — лѣсъ ихъ стихія, а мы не можемъ дѣйствовать нашимъ излюбленнымъ, благороднымъ оружіемъ — копьями.

— Что же дѣлать въ такомъ случаѣ?—пылко спросилъ герцогъ.
— Ждать, пока сами соблаговолятъ пожаловать на поляну,— съ насмѣшкой въ голосъ, вмѣшался въ разговоръ герцогъ Конрадъ силезскій.

— Пока настанетъ ночь и принять ночную битву.

— Если до той поры мы не испечемся въ латахъ, какъ раки въ печи...

— Все это прекрасно,—отозвался великій магистръ,—но дѣло въ томъ, что итти въ лѣсъ мы не можемъ.

— А выходить они не хотятъ,—докончилъ Конрадъ.—Что же дѣлать въ такомъ случаѣ?

— Ваша свѣтлость извинить меня, если я не самъ отвѣчу на этотъ вопросъ, а предоставлю его на обсужденіе рыцарскаго совѣта старѣйшинъ нашего стана, который мною уже созванъ.

Дѣйствительно, въ нѣсколькихъ шагахъ стояло нѣсколько рыцарей въ бѣлыхъ плащахъ, накинутыхъ поверхъ желѣзныхъ доспѣховъ. Это все были старые, посѣдѣлые на войнѣ рыцари, люди опытные, и въ мирѣ, и въ войнѣ, душа и умъ рыцарства. Ихъ увѣренность въ разгромѣ союзниковъ была такъ велика, что никто изъ нихъ не пожелалъ оставаться въ Мариенбургѣ, но спѣшилъ подъ знамена, чтобы участвовать въ славномъ бою и, разумеется, въ дѣлежѣ добычи.

Они окружили великаго магистра и со вниманіемъ его выслушали.

— Тутъ остается только одно средство,—послѣ долгой паузы отвѣчалъ одинъ изъ стариковъ, переговорившій съ стоящими рядомъ,—послать невѣрнымъ герольдовъ съ мечами... Отъ такого вызова на бой они не уклонятся!

— Правда, правда,—заговорили всѣ рыцари, собранные на совѣтъ,—послѣ такого вызова ни одинъ трусъ не откажется отъ битвы!..

— Итакъ, господа крейцхеры,—провозгласилъ великій магистръ,—вашъ совѣтъ послать пословъ... Я его принимаю, но укажите мнѣ теперь, кого же послать выполнить это важное порученіе... Нужны мужья искусные въ дѣлѣ герольдовъ.

— На что же лучше,—отвѣчалъ Марквардъ Зальцбахъ, бывший въ числѣ членовъ совѣта,—среди насъ находится теперь герольдъ короля Сигизмунда Рамрикъ и герольдъ ихъ свѣтлости,—онъ указалъ на герцога Казимира штеттинскаго,—они не принадлежать къ нашему священному ордену, упрекнуть ихъ въ пристрастіи нельзя—они только будутъ посредниками въ дѣлѣ чести...

Остальные рыцари только подтвердили выборъ Зальцбаха и великій магистръ отдалъ распоряженіе, чтобы названные герольды были приведены предъ него немедленно. Герцогъ Казимиръ торжествовалъ, всѣ его завѣтныя мечты сбывались, онъ не только былъ посвященъ въ рыцари на непріятельской землѣ, но даже и его герольдъ удостоился чести нести вызовъ христіанскаго рыцарскаго войска невѣрнымъ! Воспитанный въ рыцарскихъ понятіяхъ своего

вѣка, онъ сердечно вѣрилъ, что литва и жмудь, и даже русскіе—язычники!

— Братъ, великій маршалъ!—обратился великій магистръ къ высокому чернородому рыцарю, Генриху Валенроду, брату бывшаго великаго магистра,—вручи герольдамъ два нагихъ меча,—и научи ихъ тому, что они должны будутъ сказать королю Владиславу и князю литовскому... Пусть идутъ во имя Божіе.

Генрихъ Валенродъ только и ждалъ этого приказанія. Онъ тотчасъ же вызвалъ обоихъ названныхъ герольдовъ, находившихся при обозѣ и, вручивъ имъ два нагихъ меча, безъ ноженъ, долго объяснялъ то, что они должны были сказать, являсь къ королю.

— Благородный господинъ,—смѣло и самоувѣренно отозвался герольдъ короля Сигизмунда,—я служу герольдомъ его величеству, королю, вотъ ужъ двадцать пятый годъ, и сумѣю вызвать изъ лѣсныхъ тущобъ и не такихъ вепрей!..

Другой герольдъ сказалъ почти тоже самое и чрезъ нѣсколько минутъ, предшествуемые трубачомъ и знаменщикомъ, который везъ бѣлое знамя, они выѣхали въ узкое пространство, которое отдѣляло опушку лѣса отъ линіи рыцарскихъ знаменъ

Х.

Король молится.

Быль третій часъ пополудни, а Ягайлло все еще не выходилъ изъ своей каплицы; онъ молился предъ походнымъ алтаремъ и только изрѣдка вставалъ съ колѣнъ, подходилъ къ шелковому пологу палатки, взглядывалъ испытующимъ окомъ на окрестности, затѣмъ снова распростирался ницъ и цѣлыми минутами лежалъ неподвижно.

И духовникъ королевскій, и панъ Николай Тромба, въ качествѣ капеляна, тоже присутствовавшій на церковной службѣ, только удивлялись подобной несвоевременной молитвѣ; подканцлеръ хотѣлъ даже напомнить королю о времени, но уже одинъ взглядъ короля сковалъ ему уста... Онъ молча опустилсѣ на колѣни рядомъ съ королемъ...

Во всей церковной палаткѣ царствовала полутьма, среди которой ярко выдѣлялись огни свѣчей, горѣвшихъ предъ божественными реликвіями короля, расположенными теперь на престолѣ. Вдругъ лучъ дневнаго свѣта ворвался въ палатку. Вошелъ Витовтъ.

Король тотчасъ обернулся. Онъ узналъ своего брата и друга, но не подалъ вида, что замѣчаетъ его, и продолжалъ шептать слова молитвы.

— Король и братъ,—тихо, но энергично проговорилъ великій князь литовскій, подходя къ самому Ягайллѣ,—время не ждать...

Враги предъ нами. Войска наши рвутся въ битву, дозвожь начать бой!

Ягайлло даже не шелохнулся. Губы его продолжали шевелиться, а рука на груди дѣлала движеніе креста. Онъ очевидно слышалъ, но не хотѣлъ отвѣчать.

— Заклинаю тебя всѣмъ святымъ, кровью нашихъ близкихъ, пролитой злодѣями, дозвожь начать битву. Враги истомлены походомъ. Они слабѣе насъ, Господь даруетъ намъ побѣду... Дозволь, государь и братъ, ужь солнце склоняется къ вечеру!

— Къ вечеру, говоришь ты, къ вечеру!—вдругъ заговорилъ Ягайлло и снова бросился къ пологу.—Нѣтъ, ты ошибся, еще часа два до вечеренъ!

— Чего же ты медлишь, братъ мой, другъ мой!—воскликнулъ Витовтъ.—Враги предъ нами. Вели строить ряды и итти на враговъ. Заклинаю, не медли болѣе! Мнѣ больше не сдержать ярости своихъ литвиновъ, дозвожь наступать!

Ягайлло ничего не отвѣтилъ, но глаза его, направленные сквозь разрѣзъ палатки на станъ рыцарей, виднѣвшійся вдали, вдругъ вспыхнули. Отъ группы рыцарскихъ начальниковъ отдѣлились нѣсколько человѣкъ съ бѣлымъ знаменемъ впереди.

— Смотри, смотри,—вдругъ воскликнулъ онъ, схватывая за руку Витовта,—я такъ и зналъ, они шлютъ пословъ, они сознаютъ свои вины передъ нами, они хотятъ мириться.

Гулкій звукъ мѣднаго рога прокатился по полю. Знаменщикъ, носящій знамя, махалъ имъ надъ головою.

— Скорѣй, братъ и другъ, скорѣе пошли встрѣтить вѣстниковъ, честь честью. Пусть ведутъ ихъ сюда, ко мнѣ. Вѣстникъ мира всегда желанный гость.

Витовтъ слушалъ и ушамъ своимъ не вѣрилъ. Такъ говорилъ тотъ самый человѣкъ, который, еще утромъ, дышалъ безумной ненавистью къ нѣмцамъ; подобныя перемѣны въ характерѣ Ягайллы были давно извѣстны его близкимъ, но Витовтъ не могъ допустить, чтобы его ратный товарищъ могъ бросить начатое дѣло, могъ отказаться отъ давно ожидаемаго имъ отмщенія, когда оно уже наступало.

Онъ бросился къ Ягайллѣ и съ жаромъ схватилъ его за руку.

— Что ты хочешь? Мириться теперь, когда злодѣи тутъ, предъ нами? Какой цѣной купишь ты миръ? Цѣной позора, униженій. Помилуй, пощади нашу честь. Лучше смерть, чѣмъ такой позоръ!

— Смерть,—прошепталъ какъ-будто въ забытій Ягайлло.— Смерть, говоришь ты!—и лицо его приняло то выраженіе, которое замѣтилъ у него Витовтъ послѣ охоты подь Брестомъ, когда туръ сломалъ четырехъ охотниковъ.

— Заклинаю тебя именемъ нашей несчастной родины Литвы, именемъ Бога всемогущаго и справедливаго, опомнись, ободрись!

— Господь велѣлъ прощать врагамъ! — рѣзко отвѣчалъ Ягайлло.—Если они поняли свои вины и пришли мириться, я приму ихъ какъ друзей. Вели встрѣтить ихъ, какъ подобаетъ встрѣчать пословъ.

— Братъ, другъ, а слава, а честь наша?—воскликнулъ Витовтъ.

— Отстаивай свою, моей никто не коснется!—рѣзко и даже грубо прервалъ его Ягайлло и, подозвавъ Олесницкаго, который дожидался у входа въ церковь, отдалъ распоряженіе о торжественномъ приѣмѣ герольдовъ.

Тотчасъ со стороны польскаго войска, съ трубачемъ и знаменщикомъ, выѣхали впередъ два герольда съ гербами Кракова и Литвы на щитахъ и, подѣхавъ къ нѣмецкимъ герольдамъ, стали по обѣ стороны ихъ и всѣ вмѣстѣ двинулись обратно къ стану.

Ягайлло поспѣшно вышелъ изъ походной церкви, и тутъ тотчасъ же близъ него столпились всѣ воеводы и главнѣйшіе вѣязи польскаго войска. Не было только Витовта. Послѣ разговора съ королемъ, пораженный въ самое сердце словами брата и союзника, онъ вскочилъ на коня и поскакалъ къ своему литовскому стану, не рѣшивъ еще, что ему предпринять въ виду измѣнившихся событій. Онъ отскакалъ недалеко. Навстрѣчу ему ѣхалъ князь Давидъ смоленскій. Забрало его шлема было поднято. Князь былъ блѣденъ и встревоженъ.

— Государь!—воскликнулъ онъ, равняясь съ Витовтомъ,—посольство отъ нѣмцевъ пріѣхало; мы видѣли. Ужель опять отступать во-свояси?

— Не знаю, ступай къ стану короля, тамъ все узнаешь. Не знаю, съ какими вѣстями пріѣхали.

— Обычаевъ рыцарей-крыжаковъ не вѣдаю, государь,—отозвался князь Давидъ,—я видѣлъ самъ, своими очами, провели они два меча нагіе, безъ ноженъ.

— Какъ, мечи безъ ноженъ?!—радостно воскликнулъ Витовтъ.—Съ нами Богъ! Значитъ война! война! Вызовъ на бой! Скорѣй, скорѣй, за мной, къ королевскому стану, такую вѣсть радостно слышать.—Онъ повернулъ коня и какъ вихрь понесся обратно; князь Давидъ и его свита едва успѣвали за нимъ слѣдовать.

Витовтъ, проживавшій долго среди меченосцевъ, хорошо изучилъ ихъ обряды и зналъ, что посылка обнаженнаго меча означаетъ вызовъ на бой и дѣлается только въ крайнемъ случаѣ, когда нельзя инымъ путемъ вызвать врага на поле.

Выйдя изъ церковной палатки для встрѣчи пословъ, Ягайлло помѣстился на креслѣ подъ роскошнымъ навѣсомъ, раскинутымъ тутъ же, и быстро оглянулся. Отсутствие Витовта его смутило и опечалило.

Онъ сдѣлалъ знакъ рукою и вся его ближайшая свита стала по обѣ стороны его кресла. Тутъ были: ближайшій человѣкъ къ королю и капелянъ Николай Тромба, духовникъ короля въ походахъ, Янъ Монжикъ изъ Домброва, впоследствии славный воевода львовскій, Збигневъ—Олесницкій, секретарь короля, и наконецъ князь Александръ Мазовецкій, начальникъ королевской стражи. Нѣсколько поодаль стояло три оруженосца: Збигневъ Чайка, изъ

Новаго двора, королевскій копьеносецъ Николай Моравчикъ, поситель малаго королевскаго знамени, и Данилко Русинокъ, королевскій лучникъ. Герольды были уже недалеко и ихъ пестрая одежда ярко выдѣлялись среди мрачныхъ боевыхъ доспѣховъ, сопровождавшихъ ихъ теперь польскихъ воиновъ. Герольды остановились въ 20 шагахъ отъ королевскаго навѣса, слѣзали съ лошадей, взяли въ руки мечи и гордо двинулись впередъ.

Почти въ ту же минуту снова слышался топотъ лошадей, пущенныхъ во весь опоръ, и Витовтъ, въ сопровожденіи князя Давида и нѣсколькихъ литовскихъ рыцарей, подскакалъ къ навѣсу, сошелъ съ коня и пошелъ къ королю.

Занятый мыслью о приѣмѣ посольства, Ягайлло не замѣтилъ возвращенія брата, онъ поднялся навстрѣчу посламъ, которые съ вызывающимъ видомъ подошли теперь на пять шаговъ къ королевской особѣ.

Костюмы ихъ были фантастичны и очень роскошны: на груди у Рамрика, герольда короля Сигизмунда, былъ вышитъ огромный щитъ съ изображеніемъ чернаго орла на золотомъ полѣ (нѣмецкій гербъ), на груди герольда герцога штеттинскаго Казимира, красный крестъ на бѣломъ полѣ, гербъ „Поморья“.

По вызывающему виду, съ которымъ они подходили, всякій могъ бы убѣдиться, что они являются ни вѣстниками мира; но Ягайлло такъ былъ убѣжденъ въ правотѣ своей относительно нѣмцевъ и такъ миролюбиво настроенъ, послѣ долгой молитвы въ церкви, что не замѣтилъ этого и далъ знакъ подвести герольдовъ.

— Государь!—заговорилъ, поклонившись, но не преклоняя колѣно, старшій изъ герольдовъ, Рамрикъ,—великій магистръ честныхъ и благородныхъ рыцарей меча, высокорожденный господинъ Ульрихъ фонъ-Юнгингенъ, посылаетъ тебѣ этотъ мечъ, а другой мы должны передать твоему брату Витольду, отъ высокороднаго господина великаго маршала, если только мы увидимъ князя лично.

Ягайлло ничего не понялъ изъ того, что говорилъ герольдъ по-нѣмецки, но тонъ, съ которымъ обращался къ нему герольдъ, никакъ не вязался съ представленіемъ о вѣстникѣ мира. Ягайлло понялъ это; глаза его сверкнули.

— Янъ Монжикъ!—проговорилъ король, обращаясь къ молодому витязю,—ты знаешь хорошо крыжакскій языкъ, переводи, чего хотять отъ меня нѣмчины? Что онъ говорить?

Янъ Монжикъ отдалъ низкій поклонъ и слово въ слово перевелъ рѣчь герольда.

— Послать сейчасъ гонца за великимъ княземъ!—приказалъ король, начинавшій понимать, что дѣло идетъ о вызовѣ.

— Я здѣсь!—отозвался Витовтъ, слышавшій всю рѣчь герольда и успѣвшій стать по правую руку короля.

— Вотъ предъ тобой великій князь литовскій и русскій, говори, что тебѣ приказано,—рѣзко и повелительно сказала Ягайлло.

Герольдъ выступилъ вторично, поклонился обоимъ государямъ и поднялъ мечъ надъ головой. Другой герольдъ сдѣлалъ тоже.

— Приносимъ мы,—началъ онъ, дерзко глядя на Ягайлло,— отъ имени высокорожденныхъ крейцхервъ, гросмейстера, великаго маршала и всей братии ордена тебѣ, королю, и тебѣ, князь Витольдъ, эти два нагіе меча, въ помощь и возбужденіе къ борьбѣ, которую вы сегодня будете имѣть. И позволяютъ вамъ, тѣ же господа ордена, избрать себѣ мѣсто для битвы, съ какой хотите стороны; а потому не теряйте времени, не скрывайтесь во мракѣ лѣсномъ, не прячьтесь малодушно, не уклоняйтесь отъ битвы, избѣгнуть которой не можете!

Кончивъ свою рѣчь, герольдъ дожидался, пока ее перевелъ Янъ Монжикъ, и затѣмъ, сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ впередъ, подаль свой мечъ королю, другой герольдъ сдѣлалъ то же и передалъ мечъ Витовту. Глаза у литовскаго князя сверкнули, онъ хотѣлъ сказать что-то, но сдержался. Говорилъ король Ягайлло.

— Помощи не ищемъ ни у кого,—слышался голосъ короля,— за исключеніемъ Господа Бога. Его именемъ принимаемъ эти мечи и хотимъ немедля разсчитаться съ вами вооруженной борьбой. Но мѣсто сраженія указать не можемъ, такъ какъ одинъ Господь Богъ знаетъ и укажетъ это мѣсто. Онъ обозначилъ его уже и вамъ, и намъ.

Этотъ отвѣтъ король произнесъ тономъ не только не высоко-мѣрнымъ, но глубокая печаль звучала въ каждомъ словѣ.

Теперь жребій былъ брошенъ, отступать было невозможно, и ему величайшаго усилія стоило удержать слезы, выступившія на глаза.

— Нечего дѣлать, другъ и братъ, надо принять битву,—обратился онъ къ Витовту.— Ступай, сиѣши съ послѣдними приготовлениями. По—первому звуку трубы, веди въ бой своихъ литвинъ, татаръ и русскія смоленскія дружины. Я подкрѣплю ихъ, когда будетъ время. Прощай, дай Богъ намъ встрѣтиться на полѣ побѣды!

— Аминь!—отозвался Витовтъ. Братья обнялись и Витовтъ помчался къ своимъ литвинамъ.

— Взять ихъ подъ стражу и хранить какъ свѣтъ очей!—приказалъ король и, подозвавъ одного изъ марзацкихъ шляхтичей, герба Елиты, Дзивоша, поручилъ ему плѣнныхъ.

Теперь, когда всѣмъ стало яснымъ, что бой сію минуту начнется, все польское войско стало выстраиваться въ боевой рядокъ. Главные начальники толпились около короля и спѣшили, получивъ приказанія, къ своимъ мѣстамъ.

Въ это время случилось нѣчто необычайное. Словно для того, чтобы подтвердить слова герольдоевъ, что рыцари даютъ возможность выбирать мѣсто для боя Ягайллѣ, все крестоносное войско, повинуваясь, вѣроятно, ранѣе отданному приказанію, по рѣзкому трубному знаку, поданному отъ ставки гросмейстера, повернуло въ полъ оборота, и пошло обратно, подымая за собой цѣлыя облака пыли.

— Отступаютъ! отступаютъ!—послышались голоса кругомъ. Но это извѣстiе было тотчасъ опровергнуто, рыцарское войско, отступивъ около версты, остановилось и быстро построилось въ тотъ же боевой порядокъ, какъ прежде. Теперь между передовыми отрядами польскаго войска и нѣмцами лежала низменная долина, болѣе $\frac{1}{4}$ нѣмецкой мили въ ширину; покатость, хотя и незначительная, была съ нѣмецкой стороны.

— А и хитры же треклятые крыжаки!—воскликнулъ главный начальникъ польскаго войска Зиндромъ Мошковичъ, подходя къ королю, который съ удивленiемъ смотрѣлъ на этотъ маневръ нѣмцевъ.

— А что, мой вѣрный геройи богатырь?—переспросилъ Ягайлло.

— Видите, ваше величество, они намъ и поле открыли, выступайте-де смѣло, а коли мы владимся въ ловушку, да выступимъ изъ лѣсу, они намъ и перестроиться не дадутъ, задавятъ какъ мухъ въ меду, прижавъ къ лѣсу! Вѣдь ударъ-то подъ гору куда сильнѣй, чѣмъ снизу, тутъ всякій трусь поскачетъ, коня не удержишь...

— Разумень ты, панъ Зиндрамъ, Господь Богъ даетъ мнѣ на помощь тебя. Погоди, дай я тебѣ на шею надѣну священную реликвию съ мощами св. Великомученицы Варвары, она хранитъ отъ мечей и копiй рыцарскихъ.

Согласуя дѣло со словомъ, Ягайлло снялъ съ груди одну изъ безчисленныхъ реликвий, перекрестился, набожно поцѣловалъ ее и надѣлъ на шею своего воеводы.

— А теперь въ бой!—проговорилъ онъ.—Знаю, много будетъ пролито христіанской крови, но она падетъ на виновныхъ... Вели трубить въ трубы, мой славный Зиндрамъ, пусть братъ Витовтъ начинаетъ бой... А сломятъ его крыжаки, тогда наша очередь! Да поможетъ намъ Господь Вседержитель!

Зиндрамъ преклонилъ колѣно предъ королемъ и поцѣловалъ его руку.

— Мои ратники готовы, государь,—проговорилъ онъ,—объ одномъ заклинаю ваше величество, щадите въ вашемъ лицѣ славу и могущество вашей Польши! Не идите на опасность! Кругомъ васъ достаточно сильныхъ и храбрыхъ витязей, заклинаю васъ всѣмъ святымъ на небѣ и на землѣ, храните себя, не давайте увлечь себя вашей доблести!..

— Не боюсь я ни копiй, ни мечей, ни стрѣлъ вражескихъ,—съ энергическимъ жестомъ воскликнулъ Ягайлло и лицо его внезапно измѣнилось.— Я вѣрю въ святость своего долга, вѣрю въ святѣйшія реликви, которыя всѣ при мнѣ, вѣрю въ молитвы св. Станислава, патрона Польши!.. Я буду тамъ, куда меня призываетъ мой долгъ и моя воинская честь... Спасибо тебѣ, Зиндрамъ, за совѣтъ... Но ступай къ войскамъ, тамъ ты нужнѣе... Ступай же!—крикнулъ онъ, видя, что воевода колеблется. Зиндрамъ еще разъ ударилъ челомъ и поѣхалъ къ войскамъ... Онъ хорошо зналъ характеръ своего повелителя и не могъ безъ ужаса подуматъ о

томъ, что Ягайло можетъ увлечься и лично броситься въ бой!.. А какія же могли быть силы у 62-лѣтняго старика, не отличавшагося и въ молодости особой физической силой!

Едва Зиндрамъ доѣхалъ до центра расположенія своихъ знаменъ, выстроившихся по самой опушкѣ лѣса и мелкихъ кустовъ, какъ, согласно волѣ короля, подавъ знакъ трубачамъ и тридцать трубъ загремѣли сигналь къ атакѣ. Дико и могущественно прокатился ревъ трубъ по лѣсу и перекатнымъ эхомъ достигъ Витовта. Тотъ снялъ шапку, перекрестился, вынулъ мечъ и помчался вдоль рядовъ своихъ дружинъ.

XI.

Литовскій бой.

Войска литовско-русскія были выстроены въ три линіи.

Такимъ образомъ между ними было два интервала, двѣ «улицы», какъ тогда говорили.

Казалось, услыхавъ звукъ трубы, рѣшившій всѣ недоразумѣнія, всѣ колебанія, и посылавшій его на жестокой бой, Витовтъ переродился. Теперь предъ лицомъ своихъ дружинъ, исполненныхъ жаждой мести и ненависти къ нѣмцамъ, мчался совсѣмъ другой человекъ. Женственное выраженіе лица князя-героя преобразилось, оно дышало дикой энергіей, глаза его горѣли, онъ словно выросъ на сѣдлѣ, и въ повелительномъ жестѣ его руки, протертой къ нѣмцамъ, было столько энергіи, столько гордаго сознанія своей силы, что невольно одушевленіе охватывало каждого.

— Впередъ на враговъ! — грянулъ его мужественный и звучный голосъ, — впередъ! во имя Бога Всемогущаго!

Ряды заколебались. Страшный, дикій, неудержимый взрывъ кликовъ огласилъ окрестность. Загудѣли, завывли рога литовскіе, и словно лава, долго сдерживаемая преградой, двинулась впередъ вся рать праваго крыла.

Жмудины, подъ предводительствомъ Вингаллы и бояръ литовскихъ Валебута, Клавигайлы и Гетота, и дикіе обитатели лѣсовъ, со своимъ княземъ Одомаромъ во главѣ, поставленные въ первую линію, удостоивались чести первые встрѣтить грозный ударъ враговъ. Одновременно съ ними, гораздо правѣе отъ Любенскаго озера и въ обходъ его, словно саранча, вылетающая на хлѣбныя поля, показалась вся татарская конница султана Салладина. Витовтъ, мудрѣйшій государь своего времени, великій политикъ въ дѣлахъ воинскихъ и внутреннихъ, прекрасно зналъ, какъ неудобно ставить рядомъ язычниковъ, мусульманъ и христіанъ, а изъ этихъ трехъ элементовъ состояло теперь его воинство. Онъ рѣшился. Онъ вывелъ въ первую линію литовскаго войска жмудинъ и литовцевъ язычниковъ, во-второй поставилъ литовско-русскія знамена вилен-

скія, трокскія, лидскія, стародубскія, новгородъ-сѣвскія и другія, а въ третій, и самой меньшей, чисто русскіе полки, смолянъ, новгородскихъ ратниковъ, присланныхъ ему его становленникомъ Симеономъ Лингвиномъ, и дружины псковскихъ лучниковъ.

Татары, приведенные Салладиномъ, должны были ударить во флангъ рыцарскимъ полчищамъ, и если бы имъ не удалось, то массою отступить и искать возможности напасть на рыцарскій станъ, который не могъ быть далеко.

— Во имя Перкунса громовержца! Во имя среброкудрой Прауримы! Впередъ на крыжаковъ!— послышался голосъ кривекривейто, заглушавшій нестройные крики жмудинъ, рвавшихся впередъ.

— Смерть врагамъ отчизны! Горе, горе имъ!— отозвались со всѣхъ концовъ языческаго войска криве и сигонты, стоявшіе въ первыхъ рядахъ. Они размахивали своими кривулями и увлекали литвинъ все впередъ и впередъ. Одинъ видъ этого дикаго войска былъ ужасенъ, звѣриныя шкуры, содранныя прямо съ черепомъ, покрывали большинство воиновъ. Громадныя палицы, окованныя желѣзомъ дубины, невѣроятной длины и тяжести, виднѣлись всюду. Это были не люди, а звѣри, бросающіеся на добычу. Но ринувшись на поляну, вся эта масса людей внезапно остановилась, передъ нимъ никого не было. Крестоносцы были еще далеко и только строили ряды къ нападенію.

Тамъ и сямъ, среди пестро и разнообразно одѣтыхъ латниковъ рыцарскаго войска, мелькали бѣлые плащи рыцарей хозяевъ, созвавшихъ на невиданный пиръ побоища цвѣтъ рыцарства со всей германской Европы.

Вотъ и у нихъ загремѣли сотни трубъ и одновременно на пригоркахъ, возвышавшихся въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ опушки лѣса, взвились огромные клубы бѣлаго дыма, и съ визгомъ и гуломъ брызнули въ литвинъ осколки камней; это новоизобрѣтенныя полевыя бомбарды были пущены въ ходъ. Страшный, оглушительный громъ выстрѣловъ заставилъ вздрогнуть окрестность. Никогда не видавшіе и не слыжавшіе ничего подобнаго, дикіе обитатели лѣсныхъ чащей Жмуди, Одомаръ и его воины, упали на землю, закрывая лицо руками въ паническомъ страхѣ.

— Это голосъ великаго Перкунаса! Назадъ! Назадъ!— крикнулъ совсѣмъ растерявшійся Одомаръ и первый бросился назадъ. Многіе изъ его воиновъ, объятые священнымъ трепетомъ, бѣжали за нимъ вслѣдъ, оглашая дикимъ воемъ окрестность.

Остальные жмудины и литовцы, уже видѣвшіе дѣйствіе метательныхъ снарядовъ, не только не дрогнули, но съ новой яростью устремились впередъ.

Витовтъ, видя эпизодъ съ Одомаромъ, лишавшій его нѣсколькихъ сотъ незамѣнимыхъ бойцевъ въ рукопашномъ бою, быстро подскакалъ къ криве-кривейто, возбуждавшему пламенными рѣчами своихъ литвинъ къ бою.

— Слушай, владыка служителей Перкунаса!— крикнулъ онъ

рѣзко, — возьми десятокъ криве и скачите вернуть этихъ неразумныхъ лѣсовиковъ... они будутъ нужны мнѣ!..

— Но, государь, я нужнѣе здѣсь, — нерѣшительно отозвался криве — кривейто, очевидно, не рѣшавшійся скакать по лѣснымъ чащамъ за бѣгущими.

— Я не отдаю два раза приказаній! — съ повелительнымъ жестомъ сказалъ Витовтъ и жрецъ Перкунаса поскакалъ исполнять его волю.

Оглушительный гулъ пронесся въ воздухѣ... Это грянули сотни нѣмецкихъ ратныхъ трубъ и все крестоносное воинство, за исключеніемъ 16 знаменъ резерва, неудержимой лавиной съ развѣвающимися знаменами двинулось на литовское войско. Видя этотъ маневръ, Витовтъ тотчасъ сообразилъ, что не долго можетъ выдержать ударъ первая литовская линія и снова самъ поскакалъ по первой „улицѣ“, подводя изъ второй линіи нѣсколько знаменъ въ первую.

Весело двинулись впередъ литовско-русскія знамена. Они представляли совершенно другой видъ сравнительно съ жмудинами. Это было дружное, стройное войско, одушевленное однимъ чувствомъ ненависти къ вѣчнымъ угнетателямъ своимъ нѣмцамъ, войско, одушевленное присутствіемъ своего обожаемаго князя и вождя Витовта.

Вдругъ, совершенно неожиданно, среди дикаго гула атаки, послышалась сзади наступающихъ литовско-русскихъ поляковъ громко подхваченная тысячами голосовъ старинная боевая пѣсня „Богородица“.

— Богородица-дѣва, радуйся!.. — прокатилось по всему литовско-русскому войску и загремѣло торжественнымъ, побѣднымъ гимномъ. Одушевленіе охватывало всѣхъ и cadaго. Каждый готовъ былъ броситься въ смертный бой съ врагами, которые неслись теперь съ удвоенной быстротой съ покатою на долину, прямо на литовскія войска.

Картина была поразительная. Превосходящее болѣе чѣмъ вдвое числомъ ратниковъ, своихъ видимыхъ соперниковъ, рыцарское войско несло на бой, какъ на вѣрную побѣду. Рыцари ордена были впереди своихъ частей и своихъ наемныхъ дружинъ.

Земское и городское нѣмецкое войско, силою приведенное крестоносцами въ бой, конечно, не могло рваться въ бой съ такой энергіей, какъ рыцарство или охотники, но одушевленное теперь тоже обще-германской идеей превосходства германцевъ надъ всѣми другими народностями, шло въ бой съ твердой увѣренностью побѣдить.

Первое столкновение было ужасно. Земля дрогнула отъ дружнаго удара копій по щитамъ и панцырямъ. Но чрезъ нѣсколько минутъ отъ копій остались одни обломки и начался бой грудью съ грудью, рука съ рукой, мечами, бердышами съ одной стороны и свалугами, шестоперами и дубинами съ другой.

Гулко раздавались тяжелые удары по рыцарскимъ доспѣхамъ.

Мечи звенѣли, встрѣчая мечи и сабли, или глухо звучали, вонзаясь въ беззащитное тѣло.

Князь Вингалла бился въ первомъ ряду своихъ, окруженный четырьмя братьями Стрѣкосычами. Въ рукахъ у него былъ длинный и тяжелый мечъ, которымъ онъ разилъ съ плеча, направо и налево, насѣдавшихъ на него крестовиковъ. Всѣ четверо богатырей жмудинскихъ, братья Стрѣкосычи, и въ особенности Олавъ, отъ него не отставали, поражая нападавшихъ своими громадными, тяжелыми сѣкирами-топорами. Груда тѣлъ крестовиковъ, и между ними двое въ рыцарскихъ плащахъ, лежали поверженными вокругъ ихъ, но всѣ усилія нѣмцевъ сломить ихъ не приводили ни къ чему.

Страшная атака нѣмцевъ латниковъ, усиленная еще стремленіемъ съ горы, какъ и предполагалъ Зиндрамъ, сдвинула съ мѣста литовскія знамена. Линія боя отошла назадъ, а Вингалла одинъ со своими богатырями все еще бился тамъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ его захватила атака, не уступая ни пяди земли. Онъ казался какимъ-то островомъ среди волнующагося моря.

Жестокій, невиданный бой кипѣлъ между тѣмъ по всей линіи. Крики нѣмцевъ сливались съ воинственными кликами литовскихъ вождей. Осколки копій, мечей, летѣли въ воздухъ. Массы закованныхъ въ латы и панцири людей стѣснились въ одну компактную массу. Кто падалъ, тотъ не вставалъ больше, его давили свои.

Вдругъ, съ самага праваго фланга, послышался такой дикій визгъ и вой, который, казалось, не могъ бы вырваться изъ человѣческихъ грудей. Это татары султана Саладина, выбравшись наконецъ на поляну, со своимъ обычнымъ гикомъ бросились на крестоносцевъ во флангъ.

Фридрихъ Валенродъ великій маршалъ, наблюдавшій съ вершины холма за ходомъ боя, замѣтилъ еще раньше это обходное движеніе. Онъ подаль знакъ трубою и два хельминскихъ рыцарскихъ знамени, съ двумя десятками братьевъ рыцарей, выступили изъ-за пригорка, за которымъ были скрыты, и бросились въ свою очередь во флангъ татарамъ.

Но татары успѣли уже зажечь деревню Танненбергъ, и теперь, раскинувшись по обширной полянѣ, мчались назадъ, оглашая дикимъ воемъ окрестность. Саладинъ хорошо помнилъ завѣтъ Витовта, не рисковать серьезной атакой на неразстроенные еще ряды рыцарей, и потому, едва замѣтилъ, что планъ его открытъ, повернулъ свои полчища, и въ нѣсколько минутъ исчезъ изъ глазъ противниковъ въ клубахъ пыли, которую вѣтеръ понесъ прямо въ глаза нѣмцамъ.

Этотъ маневръ долженъ бы былъ заставить нѣмцевъ быть на сторожѣ. Нападеніе татаръ могло повториться, но упоенные успѣхомъ перваго отбитаго нападенія, рыцари возвратились съ погони, смѣясь надъ союзниками Витовта.

Одинъ только комтуръ Марквардъ Зальцбахъ, бывшій теперь непосредственно при великомъ маршалѣ и испытавшій силу

татарскихъ ударовъ при Ворсклѣ, былъ другаго мнѣнія и посо- вѣтовалъ Валенроду оставить на всякій случай знамя для охраны фланга, но Валенродъ, какъ и всѣ рыцари, презиравшій своихъ непріятелей, усмѣхнулся въ отвѣтъ.

— Они получили достаточное доказательство нашей силы,— проговорилъ онъ,—и не рѣшатся повторить нападенія... Они теперь наши союзники.

— Какъ такъ, благородный братъ маршалъ?—спросилъ молодой герцогъ Силезскій,—наши союзники?..

— Очень просто, они теперь побѣгутъ до самой Вильны, грабя и сжигая литовскія деревни, имъ все равно, какую ни взять добычу.

— Однако, смотрите, господа крейцхеры,—обратился онъ радостно къ окружающимъ его рыцарямъ.—Господь даетъ намъ побѣду... Смотрите, лѣвое крыло наше подается впередъ... Вивать! Пусть гремятъ трубы побѣдную пѣснь Господу силь... За мной, впередъ!..

Подобравъ поводья коня, склонивъ копье, помчался онъ съ двумя сотнями избранныхъ витязей прямо къ своему лѣвому крылу, гдѣ кипѣла самая ожесточенная свалка и гдѣ рыцари начинали ломить литвиновъ.

— „Да воскреснетъ Богъ, Онъ сломитъ рога язычникамъ!“— грянула нѣмецко-рыцарская побѣдная пѣснь и торжественнымъ гуломъ прокатилась въ безчисленныхъ рядахъ атакующихъ рыцарей.

Прибытіе новыхъ силъ, торжественное пѣніе излюбленнаго гимна, водившаго всегда рыцарей къ побѣдамъ, казалось удес- терили ихъ силы, удесатерили ихъ энергію!..

— Христовъ Воскресъ! Христовъ Воскресъ!..—гремѣли десятки тысячъ нѣмцевъ, съ дикимъ бѣшенствомъ насѣдая на относи- тельно малочисленныхъ литовцевъ.

Послѣдній, дружный натискъ великаго маршала рѣшилъ бой въ этомъ мѣстѣ, вся фаланга рыцарей сокрушила своихъ храб- рыхъ соперниковъ, и словно бурный потокъ, разыгравшійся въ половодье, прорвала человѣческую плотину литовско-русскихъ полковъ. Войска Витовта первой и второй линіи, цѣликомъ уже введенныя въ бой, были разрѣзаны на двѣ части—меньшую, при- тиснутую къ озеру, и большую, отброшенную къ лѣсу, то есть къ лѣвому флангу польскихъ войскъ, еще не принимавшихъ ни- какого участія въ ходѣ боя.

Въ этой большой части находились почти исключительно жмудинскія войска. Дикая, въ порывѣ отчаяннаго нападенія, жмудь не выдержала долгаго, правильнаго боя, дрогнула и по- бѣжала съ поля сраженія. Самъ князь Вингалла и три остав- жихся еще въ живыхъ братьевъ Стрѣвосичей, измученные непо- сильнымъ боемъ, тоже были увлечены общимъ потокомъ отсту- пающихъ.

Бой былъ проигранъ. Войско разрѣзано пополамъ и гибло

теперь подъ ударами увлеченныхъ преслѣдованіемъ нѣмцевъ... Теперь уже тевтонская фурія не знала удержа. Несмѣтныя, хотя сильно порѣдѣвшія полчища крестоваго войска валили прямо въ прорывъ, образовавшійся въ рядахъ союзниковъ, и съ радостными кликами гнали предъ собой бѣгущихъ, поражая ихъ оружіемъ, топча конями. Но тутъ случилось нѣчто, совсѣмъ непредвидѣнное.

ХП.

Смоленскіе герои.

Та часть литовско-русскаго войска, которая была притиснута къ озеру, вдругъ стройно выстроилась и тихо, но рѣшительно перешла въ наступленіе и обрушилась всей силой во флангъ нѣмцевъ, стремящихся въ преслѣдованіе бѣгущихъ.

Страненъ былъ видъ этихъ воиновъ. Это не были обыкновенные литовско-русскіе воины, нѣтъ, это шли какія-то сѣрыя дружины, вооруженныя не бердышами, не мечами, а дровосѣчными топорами. Словомъ, это смоленскіе полки, подъ предводительствомъ своего излюбленнаго князя Давида, рѣшились скорѣй умереть, чѣмъ пустить нѣмцевъ далѣе.

Увлеченные ихъ примѣромъ, псковскіе лучники и новгородцы, присланные Лингвиномъ, построились тоже. Новгородцы двинулись рядомъ съ смолянами, а псковичи, искусно разсыпавшись вправо и влево, начали пускать свои мѣткія стрѣлы.

Сломивши литовцевъ, великій маршалъ снова выѣхалъ со своими приближенными на возвышеніе, и его крайне поразила эта относительная горсть храбрецовъ, въ сѣрыхъ кафтанахъ, осмѣлившаяся напасть на торжествующихъ рыцарей-побѣдителей. А между тѣмъ смоляне достигли рыцарскихъ рядовъ и завязался пѣшій, кровавый, не виданный бой.

Медленно, но твердо подвигались впередъ эти сѣрые люди. Ихъ огромные топоры, на длинныхъ рукояткахъ, медленно подымались и, сверкнувъ въ воздухъ, падали съ глухимъ гуломъ. Стѣна ихъ пробивала себѣ дорогу сквозь рыцарское войско!

Ждать и медлить больше было нечего. Валенродъ приказалъ снова начать атаку и поручилъ рыцарю Зонненбергу ввести въ бой одну изъ резервныхъ дружинъ.

Но и эта новая сила, казалось, не могла остановить стремленія этихъ людей въ сѣрыхъ кафтанахъ. Ихъ окровавленные топоры какъ-то торжественно, мѣрно поднимались надъ ихъ рядами и падали со свистомъ, поражая безъ разбора людей и коней.

Тутъ только рыцари, упоенные первымъ успѣхомъ боя и занятые преслѣдованіемъ бѣжавшей литвы и жмуди, опомнились, часть ихъ вернулась, и они дружными силами снова напали на смоленцевъ.

Но теперь сокрушить ихъ не было уже никакой возможности. Они успѣли прорубиться сквозь сплошное нѣмецкое войско и достигнуть тѣхъ засѣкъ, которыя они утромъ изготовили съ позволенія Витовта.

Выбить ихъ оттуда стало теперь единственной мечтой нетерпѣливаго и безумно храбраго Фридриха Валенрода. Онъ самъ, во главѣ нѣсколькихъ тысячъ рыцарскаго войска, окруженный знаменитѣйшими изъ гостей чужеземныхъ, повелъ атаку на упорныхъ смолянъ, но все напрасно. Ни сломить, ни сдвинуть ихъ теперь съ мѣста, не удалось нѣмцамъ. Всѣ ихъ усилія разбивались о мужественный отпоръ русскихъ героевъ, рѣшившихся не уступать ни пяди врагамъ...

Мѣткія стрѣлы псковичей, предводимыхъ любимцемъ Витовта, молодымъ Яковомъ Бѣльскимъ, дѣлали чудеса. Онѣ, словно живыя, казалось искали отверстій въ шлемахъ и, впиваясь сквозь глазныя щели, разили наповаль панцырниковъ.

Видимундъ Хрущъ былъ тутъ же. Онъ ни на шагъ не отставалъ отъ князя Давида и помогалъ ему въ распоряженіяхъ. Въ рукахъ у него былъ тотъ огромный литовскій лукъ, которымъ, если помнить читатель, онъ такъ сконфузилъ пана Сѣдлецкаго.

Теперь, добравшись до засѣкъ, смоляне могли, хоть немного, отдохнуть. Нѣмецкая атака не имѣла того значенія, какъ въ открытомъ полѣ, и они, окруженные съ трехъ сторонъ врагами, могли теперь, съ надеждой на успѣхъ, отражать всѣ стремленія враговъ. Ихъ невѣроятная, безпримѣрная храбрость спасла отъ конечнаго пораженія литовско-русское войско, которое, отброшенное къ лѣсу, приводило себя въ порядокъ и вновь строилось за ихъ спинами.

Рыцари поняли, что достаточно имъ сломить этотъ послѣдній оплотъ Витовта, то побѣда на лѣвомъ флангѣ будетъ полная, и снова двинули всѣ свои силы на горсть храбрыхъ смолянъ.

Впереди всѣхъ мчался теперь самъ великій маршалъ съ цѣлымъ гребнемъ страусовыхъ перьевъ, развѣвающихся у него на шлемѣ. Забрало было опущено, а громадное рыцарское копье онъ держалъ на перевѣсѣ, словно вызывая на бой отважнаго соперника. Онъ былъ шагахъ въ двадцати предъ фронтомъ своихъ войскъ, примѣромъ и крикомъ возбуждая ихъ энергію. Онъ мчался впередъ, не разбирая, чрезъ мертвыхъ, раненыхъ, умирающихъ. Князь Давидъ, узнавъ по костюму и гербу маршала, весь вспыхнулъ и хотѣлъ броситься впередъ изъ засѣки, чтобы принять поединокъ, но его удержалъ Видимундъ Хрущъ,—у него была другая мысль.

— Погоди, княже, дай-ка съ нимъ перевѣдается моя каленая!..— съ усмѣшкой сказалъ онъ и, сдѣлавъ богатырское усиліе, натянулъ свой страшный лукъ. Стрѣла скрылась до головки. Но Видимундъ медлилъ, онъ ждалъ, чтобы нѣмецъ наскочилъ еще на нѣсколько шаговъ. Вся кровь прилила ему къ головѣ. Жилы на вискахъ напряглись, мускулы дрожали отъ необычнаго усилія.

Маршалъ былъ уже въ пятнадцати шагахъ. Стрѣла взвизгнула и съ трескомъ ударилась въ забрало шлема. Маршалъ качался на сѣдлѣ отъ страшнаго удара, но не потерялся. Онъ быстро разстегнулъ шлемъ и сбросилъ его. Стрѣла, попавъ въ забрало, пробила его, но раздробилась сама, и только наконецникомъ ранила Валенрода около праваго глаза.

Кровь заструилась по его лицу, но рыцарь-фанатикъ, казалось, не замѣчалъ ни своей раны, ни того, что на немъ нѣтъ больше шлема, онъ готовъ былъ вновь броситься въ бой, который кипѣлъ уже по сторонамъ, но великій госпитальникъ и одинъ изъ великихъ комтуровъ схватили за узду его коня и вывели изъ битвы.

А смоленцы все стояли, словно недосягаемая стѣна, и своими страшными топорами отражали всякое нападеніе нѣмцевъ.

— Сломить ихъ, сломить! Во что бы то ни стало! Сломить греческихъ схизматиковъ!—гремѣлъ внѣ себя отъ ярости магистръ и посылалъ знамя за знаменемъ, чтобы уничтожить эту порѣдѣвшую горсть храбрыхъ. Онъ понималъ, что пока не сломанъ этотъ послѣдній оплотъ Витовта, побѣда несовершенная!..

Рыцари, въ своемъ ослѣпленіи, предполагали, что они уже разбили все литовско—польское войско, и не предполагали, что тутъ же, нѣсколько лѣтъ вѣста перваго боя, стоитъ еще нетронутая польская армія и только ждетъ благопріятнаго момента для наступленія.

Выигравъ первый литовскій бой, нѣмцы и не предполагали, что имъ тотчасъ придется выдержать еще сильнѣйшій, польскій бой, и встрѣтиться лицомъ къ лицу съ баловнемъ счастья—самимъ королемъ Ягайлло!

Увлеченные только одной мыслью, сломить упорныхъ схизматиковъ, сломить во что бы то ни стало, они съ удивленіемъ и ужасомъ увидали, что весь лѣсъ, находящійся правѣ ихъ, словно ожилъ, что изъ всѣхъ полянь выступаютъ стройные отряды польскаго войска. Только шумъ и вой сотенъ трубъ, и громадное королевское знамя, развивающееся надъ однимъ изъ отрядовъ закованныхъ въ блестящія латы витязей, доказали имъ, что побѣда еще не рѣшена, и что поляки выступаютъ въ свою очередь на поле чести.

Въ первую минуту рыцари смутились, но упоенные торжествомъ побѣды, только что одержанной надъ литовцами, быстро оправились, построились, и двинулись противъ поляковъ, въ свою очередь несущихся на нихъ съ священнымъ гимномъ „Богородица“ на устахъ.

— Христось Воскресе! Христось Воскресе!—гремѣли въ отвѣтъ рыцари и ихъ гости.

ХІІІ.

Король въ опасности.

Отпустивъ Витовта и отдавъ послѣднія распоряженія главнокомандующему польскими войсками Зиндраму, Ягайлло приказалъ подать себѣ все свое рыцарское вооруженіе и быстро сталъ одѣваться. Онъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, самъ принять участіе въ начинающейся битвѣ, и все время торопилъ оруженосцевъ, застегивающихъ его броню и колонтари.

Наконецъ, онъ былъ совсѣмъ вооруженъ. Чудныя стальные латы его горѣли золотой насѣчкой и на золотомъ шлемѣ развѣвались девять павлиньихъ перьевъ.

Великолѣпный конь „каштановой“ масти, со звѣздочкой во лбу, изъ „тысячъ выбранный“, нетерпѣливо билъ копытомъ подъ царственнымъ всадникомъ. Теперь уже самъ король рвался въ бой, и только совѣты благоразумнаго подканцлера Николая Тромбы удержали его рвеніе.

— Ваше величество,—говорилъ опытный въ бою капелянь-воинъ,—если будетъ нужно, великій князь пришлетъ просить о помощи... А теперь погодите, государь, почти все нѣмецкое войско въ бою, у нихъ нѣтъ большихъ резервовъ, если они и сломятъ литвинъ, то мы слошимъ ихъ. Избави Богъ показать, что у насъ пятьдесятъ три польскихъ знамени, да семь наемныхъ.

— Не говори ты мнѣ про нихъ,—съ неудовольствіемъ отозвался Ягайлло,—это люди дешевые, ихъ считать нечего... нынче намъ, завтра имъ служить!

— Что правда, то правда, да нынѣшній же день они у насъ!

Шумъ битвы на правомъ крылѣ все усиливался. Король нетерпѣливо ожидалъ вѣстей съ поля битвы, но ихъ не было. Крайне занятый сраженіемъ, Витовтъ совсѣмъ позабылъ данное Ягайлло обѣщаніе, извѣщать его каждые четверть часа о ходѣ боя, и теперь, измучивъ уже другого коня, пересѣлъ на третьяго и помчался къ крайнему лѣвому флангу, ведя туда подкрѣпленіе.

Окруженный блестящей свитой и своими шестьюдесятью тѣлохранителями въ кованыхъ доспѣхахъ, король быстро помчался къ холму, откуда хотя отчасти можно было видѣть полѣ сраженія

На половинѣ пути ему встрѣтилась цѣлая толпа молодыхъ людей, судя по одеждамъ изъ зажиточныхъ семействъ великой Польши, и встала на колѣни.

— Что это значитъ?—спросилъ удивленный Ягайлло.

— Заклинаемъ вашу королевскую мость,—заговорилъ за всѣхъ одинъ изъ нихъ,—теперь, здѣсь же, въ виду враговъ, посвятить насъ въ рыцари вашей державной рукой!

Ягайлло былъ очень тронутъ этимъ выраженіемъ любви и довѣрія непокорной лапотной шляхты, которая все-таки еще чуж-

далась его, какъ короля «на Краковѣ». Онъ вынулъ мечъ и собственноручно ударилъ имъ плашмя по спинѣ каждого изъ колѣнопреклоненныхъ шляхтичей, производя ихъ въ рыцари.

Громкіе крики восторга и виваты новопосвященныхъ были ему отвѣтомъ.

— Враги предъ нами,—вдругъ заговорилъ Ягайлло,—я увѣренъ, что каждый изъ васъ докажетъ, что онъ достоинъ этой воинской чести.

— Умремъ за тебя, государь! Рады биться до смерти!—загремѣли молодые энергическіе голоса.

— Зачѣмъ же до смерти—до побѣды!..—весело отозвался Ягайлло и, прищпоривъ коня, помчался на холмъ. Но сраженія оттуда уже не было видно. Вдали, на противоположной сторонѣ долины, на вершинѣ возвышенности, виднѣлись отчетливо 16 знаменъ рыцарскаго войска. Это все больше были хельминскія войска, находившіяся подъ непосредственнымъ начальствомъ самаго великаго магистра и долженствовавшія, своимъ появленіемъ въ рѣшительную минуту на полѣ битвы, рѣшить участь сраженія.

— Однако ты правъ, Николай, немного у нихъ войска въ запасѣ,—улыбнулся Ягайлло, показывая на рыцарскія дружины.

— Немного-то немного, за то войска отборныя, да и самъ великій магистръ съ ними,—отвѣчалъ съ поклономъ воевода каноникъ,—я издали узнаю его по золотому шлему съ тремя рядами перьевъ.

Король хотѣлъ сдѣлать еще какое-то замѣчаніе, но топотъ, примчавшейся во весь опоръ лошади, заставилъ его обернуться. Къ нему подскакалъ, весь покрытый пылью, рыцарь, въ которомъ Ягайлло безъ труда узналъ литовскаго боярина Румпольда, одного изъ ближайшихъ совѣтниковъ Витовта.

Онъ соскочилъ съ коня и преклонилъ колѣно.

— Ну, что скажешь, побѣда?—быстро спросилъ Ягайлло.

— Крыжаки отгѣснили насъ. Смоляне еще держатся; государь, великій князь закликаетъ ваше высочество двинуть войска на помощь.

— И много легло?—быстро переспросилъ король.

— Все поле покрыто тѣлами, государь; подъ моимъ государемъ убито два коня.

— Онъ живъ, цѣль?.. Говори же, говори.—Король волновался все сильнѣй и сильнѣй.

— Благодареніе Создателю... На счастье наше цѣль и невредимъ!

Ягайлло перекрестился. Въ это время изъ опушки вынесся на всѣхъ рысяхъ Витовтъ, окруженный свитой, и подскакалъ къ Ягайллѣ.

— Государь и братья!—заговорилъ онъ еще издали,—нѣмцы сломили моихъ литвинъ, но сами разстроены до конца, веди въ бой твои храбрые полки, и побѣда наша!..

— Впередь!—крикнулъ Ягайлло своимъ грубымъ голосомъ, обращаясь къ окружавшимъ его витязямъ,—пошлите приказъ Зиндраму начинать! Впередь, во славу Пресвятыя дѣвы!..

Голова польскаго войска, особенно тотъ полкъ, въ которомъ помѣщалось большое королевское знамя, былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ короля, всѣ воины слышали приказъ Ягайлло, идти въ давно желанный бой; крики восторга и радости загремѣли кругомъ. Быстро развернулось и сверкнуло въ воздухъ огромное королевское польское знамя съ громаднымъ бѣлымъ орломъ въ коронѣ и всѣ поляки, охваченные какимъ-то священнымъ восторгомъ, бодро и смѣло двинулись впередь.

Ягайлло пропускалъ знамя за знаменемъ мимо себя, говоря своимъ любимымъ воинамъ по нѣсколько одобрительныхъ словъ. Войска отвѣчали радостными кликами и спѣшили поскорѣе выбраться изъ лѣса на просторъ, гдѣ ждала ихъ смерть или торжество побѣды!

А смоляне все еще держались.

Собравъ, въ ожиданіи наступленія поляковъ, послѣднія три дружины резерва Сигизмунда, сына Корибута-Новгородъ-Сѣверскаго, Киевское и Витебское, Витовтъ двинулся съ ними изъ лѣса на помощь смолянамъ, и какъ разъ во-время.

Они, это правда, не потеряли, не уступили ни пяди земли, но число ихъ быстро уменьшалось, и та минута была недалеко, когда нѣмцы, по ихъ трупамъ, могли бы ворваться въ самый центръ, разбитаго и еще не успѣвшаго перестроиться, литовско-русскаго войска.

Почти одновременно Витовтъ подвелъ свои войска къ смолянамъ и изъ-за опушки лѣса, съ лѣвой стороны, показалась голова польскаго войска, выступавшая подъ звукъ трубъ, литавръ и съ развѣвающимися знаменами.

Какъ мы уже знаемъ, нѣмцы отхлынули отъ смоленцевъ, перестроились и дружной массой бросились на новыхъ враговъ.

Новая опасность, новые враги, казалось, придали имъ новыя силы. Первый ударъ былъ ужасенъ, герой богатырь польскій «Марцишекъ изъ Врацимовиць», несшій государственное знамя, получилъ страшный ударъ по шлему мечемъ, и хотя крѣпкій шлемъ спасъ его голову, но витязь закачался и упустилъ изъ руки знамя. Оно упало среди общей свалки, и это дурное предзнаменованіе наполнило скорбью сердце Ягайлло, который продолжалъ смотрѣть на бой съ того же холма.

— Ай! смотри, смотри! наше знамя пало!—вскрикнулъ онъ, обращаясь къ Николаю Тромба, который тихо читалъ молитву за спиной короля.

— Успокойтесь, ваше величество, наши герои не такіе люди, чтобы съ первыхъ шаговъ отдать знамя государства... Вѣроятно, случайность какая.

Дѣйствительно, кругомъ поверженнаго польскаго знамени закипѣлъ отчаянный кровавый бой. Побѣдители нѣмцы, упоен-

ные только что одержанной побѣдой, дрались какъ львы, нападали съ дерзостью, не имѣющей границъ, и въ первое время отгѣснили предзнаменный полкъ.

Но тутъ четыре польскихъ прославленныхъ рыцаря: Завиша, Наленчъ, Гадбанкъ и Елипа, кинулись въ самую густую чащу сѣчи и сразу повернули дѣло обратно. Страшная физическая сила этихъ богатырей героевъ, удесятиренная теперь энергіей отчаянія, произвела чудеса; горы нѣмецкихъ труповъ скоро окружили ихъ, и Марцишекъ снова успѣлъ поднять и поставить государственное знамя, заваленное было сотней труповъ.

Крики радости и восторга загремѣли кругомъ въ польскомъ войскѣ, а Ягайлло, видѣвшій этотъ новый поворотъ боя, утеръ слезу и благоговѣнно поцѣловалъ поочереди всѣ свои реликви.

Поляки ободрились. Наступалъ рѣшительный моментъ боя.

Витовтъ, успѣвшій, благодаря удару польскихъ силъ, отвлекшихъ главную массу нѣмцевъ, перестроить свои войска, быстро двинулъ ихъ впередъ на подмогу польскому войску, нѣсколько отгѣсненному рыцарями влѣво. Казалось, этотъ новый ударъ рѣшить судьбу сраженія, но не успѣли еще литовско-русскіе полки вступить въ новую битву, какъ вдругъ непріятель показался тамъ, откуда его вовсе и не ждали. Побѣдный гимнъ рыцарей гремѣлъ не только на крайнемъ правомъ флангѣ, построившихся вновь полковъ Витовта, но даже въ тылу.

Отовсюду скакали къ Витовту всадники съ донесеніями, что значительный отрядъ рыцарскаго войска пробирается со стороны Танненберга.

Витовтъ не вѣрилъ ушамъ своимъ, но звуки мѣдныхъ роговъ раздавались все ближе, побѣдный гимнъ „Христось Воскресь! Христось Воскресь!“, звучалъ тотчасъ у опушки мелколѣся.

Витовтъ пришпорилъ коня и съ нѣсколькими тѣлохранителями выѣхалъ на опушку. Только теперь онъ понялъ въ чемъ дѣло. Это возвращался изъ преслѣдованія, бѣжавшей литвы и жмуди, тотъ отрядъ рыцарей, которому удалось прорваться сквозь литовскія войска, до атаки смолянъ.

Рыцари были такъ увѣрены въ томъ, что все литовское войско разбито, что ѣхали шагомъ, а за ними, окруженный стражей, на нѣсколькихъ стахъ подводахъ, тащился захваченный полонъ и добыча.

Захваченные плѣнные съ петлями на шеѣ, были прикручены къ длиннымъ канатамъ, крестовики и кнехты безжалостно били ихъ мечами и копьями, и силою заставляли слѣдовать за всадниками. Ихъ вопли и стоны наполняли воздухъ.

Витовтъ вздрогнулъ. Онъ узнавалъ издали, по одеждамъ, между плѣнными, многихъ своихъ близкихъ. Медлить было нечего. Онъ поскакалъ обратно къ своимъ войскамъ и быстро отдалъ приказанія. Болѣе двухъ тысячъ воиновъ, тихо, безъ

кликъ и трубнаго звука, двинулись вслѣдъ за нимъ по лѣснымъ дорогамъ.

Витовтъ былъ увѣренъ, что печальнымъ нападеніемъ изъ лѣса, ему удастся разбить рыцарскій отрядъ. Но было уже поздно. Рыцари, услыхавъ шумъ битвы своихъ товарищей съ польскими войсками, быстро выстроились въ боевой порядокъ и стремительно двинулись на помощь своимъ, оставивъ полонъ и добычу, подъ защитой сотни—другой кнехтовъ и наемныхъ воиновъ.

Витовтъ мигомъ сообразилъ, какой гибельной ударъ можетъ нанести эта неожиданная подмога рыцарей войскамъ Ягайлы и, передавъ начальство надъ отрядомъ, шедшимъ на выручку князю Сигизмунду Корибутовичу, Новгородъ-Сѣверскому, самъ поскакалъ обратно и двинулъ весь остатокъ своихъ войскъ, и немного отдохнувшихъ смолянъ, на помощь поляковъ.

Но, разумѣется, рыцари успѣли предупредить его. Съ громомъ трубъ и съ кликомъ побѣды, бросились они на правый флангъ и отчасти тылъ поляковъ, и врубались въ предзнаменный отрядъ.

Поляки не ждали нападенія съ этой стороны. Думая, что это литва и жмудь возвращаются послѣ отступленія, они первую минуту раздвинули свои ряды, чтобы принять ихъ, и уже въ нѣсколькихъ шагахъ замѣтивъ ошибку, стали отступать.

Зиндрамъ, зорко наблюдавшій за всѣми перипетіями боя, тотчасъ двинулъ къ угрожаемому мѣсту цѣлое знамя, еще не принимавшее участія въ битвѣ, и равновѣсіе было восстановлено. Но у него оставалось въ резервѣ всего четыре знамени, а на горѣ, ясно можно было счесть рыцарскій резервъ; въ немъ было шестнадцать знаменъ, и большинство изъ нихъ хельминскіе, подъ начальствомъ самаго великаго магистра.

Двинувъ на помощь полякамъ всѣ остатки своихъ войскъ, Витовтъ снова бросилъ своего коня и, вскочивъ на свѣжаго, поскакалъ къ холму, на которомъ стоялъ король Ягайло, окруженный своими гѣлохранителями. Но еще не добравшись до вершины, онъ замѣтилъ въ войскѣ рыцарскомъ, стоявшемъ въ резервѣ, большое движеніе; оно строило ряды къ атакѣ.

Моментъ былъ рѣшительный. Польское войско едва-едва могло выдерживать теперь бой съ насѣдающимъ на него рыцарствомъ, резервовъ почти не было и ударъ свѣжихъ 16 знаменъ крестоносцевъ долженъ былъ рѣшить бой въ одно мгновеніе.

Тоже, вѣроятно, думали и рыцари. Самъ великій магистръ принялъ начальство надъ атакующей колонной и, выстроивъ въ густую массу всѣ свои знамена, медленно двинулся впередъ, желая однимъ ударомъ компактной массы лошадей и желѣза раздавить упорныхъ противниковъ.

Витовтъ видѣлъ это движеніе и быстро помчался къ крайнему лѣвому флангу польскихъ войскъ, гдѣ за закрытіемъ лѣса стояли послѣдніе семь знаменъ наемнаго войска и „гостей“, какъ

называли поляки охотниковъ. По ихъ мнѣнію, это войско было самое плохое, „дешевые люди“, и объ немъ совсѣмъ позабыли, когда начиналась вторая „польская“ битва.

Ягайлло, вооруженный съ головы до ногъ, съ величайшимъ интересомъ слѣдилъ за сраженіемъ. Онъ видѣлъ, какъ одно за другимъ входили въ бой его знамена и все-таки не могли удержатъ стремленія страшнаго врага. Паденіе государственнаго знамени такъ взволновало его, что онъ самъ готовъ былъ броситься съ горстью своихъ оруженосцевъ и тѣлохранителей на выруку, и только мольбы Николая Тромбы, да его молодого друга, князя Александра Мазовецкаго, удержали его.

Но вотъ и онъ замѣтилъ страшную опасность, которая грозила всему дѣлу, благодаря послѣдней атакѣ великаго магистра. Забывая, кто онъ и сколько съ нимъ витязей, онъ прищеприлъ коня и мигомъ вынесся впередъ.

Рыцари, предводимые самимъ великимъ магистромъ, пронеслись мимо. Они разумѣется и подуматъ не могли, что среди польскихъ рыцарей, видѣвшихъ шагахъ въ двухъ-стахъ отъ нихъ, находится самъ король. У нихъ была иная цѣль, чѣмъ безцѣльная драка съ ничтожнымъ отрядомъ, эта цѣль была вся польская армія, стиснутая теперъ съ двухъ сторонъ—съ одной стороны всей массой рыцарскихъ полковъ, съ другой возвратившимися изъ преслѣдованія литвы рыцарскими полками.

Нѣсколько рыцарей отдѣлились было отъ общей массы отряда великаго магистра и поскакали было на бой съ кучкой всадниковъ королевскаго конвоя, но самъ великій магистръ, замѣтивъ этотъ маневръ, бросился вслѣдъ за ними.

— *Nezum, Nezum!* Назадъ, Назадъ!—кричалъ онъ, махая копьемъ,—за мной, туда, въ самое сердце еретиковъ!

Большинство рыцарей послушались и присоединились къ отряду, но одинъ изъ нихъ, самыхъ заносчивыхъ рыцарей—нѣмецъ, Диппольдъ Кекержець фонъ-Диберъ, богатырь и герой, въ нѣмецкомъ смыслѣ слова, не остановился. Его поразило богатство вооруженія короля Ягайлло и роскошь убора его коня. Алчность взяла верхъ надъ благоразуміемъ и онъ съ поднятымъ копьемъ бросился на Ягайлло.

Шестидесяти двухлѣтній Ягайлло выказалъ себя героемъ. Онъ по рыцарски поднялъ копьё и отбилъ ударъ, а подоспѣвшій въ ту же секунду секретарь королевскій, Збигневъ Олесницкій, ловкимъ ударомъ копья въ нагрудникъ сбиль рыцаря съ коня, но даже эта помощь была излишняя, ударъ самого короля поразилъ хищнаго нѣмчина прямо въ лобъ. Копьё вонзилось въ забрало и Диппольдъ, смертельно раненый, свалился у ногъ королевскаго коня.

Ягайлло и вся армія избѣжала страшной опасности. Смерть короля была бы сигналомъ всеобщаго бѣгства поляковъ и литовцевъ... Но король, казалось, совсѣмъ забылъ про опасность, кото-

рой только что подвергался. Пылкая кровь Ольгерда и Гедимина кипѣла въ немъ.

— Спасибо, Збигневъ!--крикнулъ онъ весело,—спасибо!.. Въкъ не забуду, а теперь впередъ, друзья и братья, впередъ на проклятыхъ крыжаковъ!..

Онъ дернулъ за поводъ коня и хотѣлъ снова устремиться впередъ, но одинъ изъ его оруженосцевъ, чехъ баронъ Жолава, храбрецъ богатырь, сильно схватилъ его лошадь за поводъ и удержалъ ее.

Ягайлло вспыхнулъ.

—Какъ смѣешь ты забываться!--крикнулъ онъ въ бѣшенствѣ...—Прочь руки!--Но оруженосецъ не выпускалъ поводовъ.

— Пусти или поплатишься жизнью!..—горячася все болѣе и болѣе, кричалъ король.

— Рази, государь, не выпущу... Что моя смерть въ сравненіи съ твоей!--отозвался храбрый Жолава. Ягайлло окончательно вышелъ изъ себя и изо всѣхъ силъ ударилъ упорнаго чеха копьемъ. Остріе не пробило тяжелыхъ латъ, но Жолава закачался и выпустилъ поводъ. Въ ту же секунду Збигневъ Олесницкій заступилъ его мѣсто и стальной рукой схватилъ за узду коня.

— Прочь! прочь!..—кипятился Ягайлло и снова взмахнулъ копьемъ, но безстрашный молодой витязъ даже не вздрогнулъ. Онъ твердо поглядѣлъ прямо въ глаза владыки, словно говоря—убей и меня, твоего спасителя!

Николай Тромба, видя, что дѣло можетъ принять дурной оборотъ, бросился на колѣни предъ королемъ и поднялъ къверху большой золотой крестъ.

— Именемъ Господа, распятаго за насъ, заклинаю, не губите себя и насъ! Ваша смерть—гибель всѣхъ насъ и Польши!

Вся безъ исключенія свита Ягайлло бросились, по примѣру подканцлера, на колѣни вокругъ короля, умоляя его не рисковать болѣе собою... Король прослезился и передалъ копье оруженосцу... Онъ отказался отъ личнаго участія въ битвѣ.

А рыцарскіе полки давно пронеслись мимо и опасность съ головы короля перешла теперь на всю его армію.

Положеніе ея теперь было ужасно. Прибытіе свѣжихъ отрядовъ рыцарскихъ войскъ давало крыжакамъ тецерь преимущество и въ численности, и въ позиціи. Тѣснимые съ трехъ сторонъ, насѣдающими рыцарями, поляки начали отступать. Нѣмцы торжествовали. По всей ихъ линіи загремѣлъ снова ихъ побѣдный гимнь:

— Христось Воскресъ! будемъ радоваться, братья во Господѣ, онъ сломалъ язычникамъ рога, Христось Воскресъ!

Религіозное увлеченіе, казалось, удесятерило силы фанатиковъ-рыцарей, побѣда ихъ была теперь несомнѣнна. Польскіе ряды отступали, они уже не могли больше удерживать страшный натискъ враговъ.

Ягайлло понялъ это и закрылъ глаза рукою... Все было потемно, не была потеряна только одна надежда на Правосуднаго

Бога. Положеніе короля становилось опаснымъ. Что могли сдѣлать, въ случаѣ отступленія, тѣ 60 латниковъ, которые составляли весь конвой короля.

Не спросясь Ягайлы, который, закрывъ глаза, тихо шепталъ молитвы, крестясь и цѣлуя реликвию, Збигневъ Олесницкій прищпорилъ коня и помчался къ лѣску, гдѣ, за закрытіемъ, стояло земское польское знамя, земли Мазовецкой, еще не вступавшее въ бой. Оно было оставлено, на всякій случай, чтобы насколько возможно прикрыть отступленіе. Командовалъ имъ одинъ изъ храбрѣйшихъ польскихъ витязей, Келбаса, герба «Наленчъ».

— Идите и защищайте своего короля и властелина... Онъ въ смертельной опасности!—крикнулъ Збигневъ, подсакивая къ мазовчанамъ.

— Иль ты не видишь, какая буря валить сюда!—отозвался храбрый „Наленчъ“,—уходить отсюда теперь, все равно что бѣжать отъ врага. Не пойду!..

Олесницкій попробовалъ было уговорить упрямаго, но все напрасно. Наленчъ стоялъ на своемъ, и секретарь королевскій вернулся ни съ чѣмъ.

Теперь все казалось уже было потеряно. Пришлось свернуть и спрятать малое королевское знамя, чтобы не открыть торжествующимъ врагамъ присутствіе короля, и полумывать о бѣгствѣ, на случай котораго, предусмотрительными панамъ рады, были сдѣланы всѣ распоряженія.

Прекрасныя лошади были заготовлены во многихъ мѣстахъ, чтобы въ случаѣ неудачи, умчать короля далеко отъ мѣста боя.

Приближенные короля, видя, что обстоятельства принимаютъ отчаянный оборотъ, готовы были прибѣгнуть къ этому постыдному средству. Они только не смѣли заговорить съ королемъ, который молился теперь, стоя на колѣняхъ. Вдругъ онъ вздрогнулъ и быстро всталъ на ноги. Изъ-за шума боя, ему показалось, что онъ узнаетъ тотъ особый трубный сигналъ, который сопровождалъ всегда выступленіе „гостей“ въ походъ. Онъ оглянулся и просіялъ отъ радости и надежды; по той самой дорогѣ, по которой только что промчались полки великаго магистра, стройно и бодро неслись теперь блестящіе ряды наемныхъ дружинъ и охотниковъ. Ими предводительствовалъ самъ Витовтъ.

XIV.

Послѣдній, третій бой.

Эти „последнія“, презираемая шляхтою и вообще поляками войска, шли, чтобы доказать полякамъ, что они ни чуть не ниже ихъ по доблести. Дружины Волоховъ (Валаховъ) и Моравовъ, присоединившіяся къ союзному войску, уже во-время боя, рвались

впередъ, чтобы перевѣдаться съ общими врагами нѣмцами. Они широко раскинулись теперь по полю и зашли нападавшимъ нѣмецкимъ войскамъ во флангъ, и отчасти въ тылъ. Знамя съ изображеніемъ св. Георгія, патрона всѣхъ охотниковъ, высоко развѣвалось надъ первымъ чешскимъ знаменемъ, во главѣ котораго, на великолѣпномъ ворономъ конѣ, мчался громаднаго роста вождь съ огромной рыжей бородой. Это былъ предводитель одного изъ чешскихъ наемныхъ знаменъ, рыцарь изъ Троцнова.

Рыцари, замѣтивъ новыхъ враговъ, нѣсколько приостановились своей атакой на полянѣ, и бросились навстрѣчу „гостей“. Но ударъ утомленнаго битвой рыцарства, уже не произвелъ своего обычнаго дѣйствія. Подкрѣпленные долгимъ отдыхомъ „гости“, встрѣтили ударъ за ударомъ и мигомъ отгѣснили крестоносцевъ.

Одержавъ уже двѣ побѣды, меченосцамъ приходилось выдерживать еще третій бой, со свѣжимъ, отдохнувшимъ войскомъ. Сомнѣніе въ побѣдѣ появилось не у одного рыцаря. Только одинъ, безумно храбрый, великій маршалъ, да энергическій Ульрихъ Юнгингенъ не видѣли или не хотѣли видѣть опасности.

— Впередъ! Впередъ! Братья о Христв!—гремѣли ихъ голоса, призывая рыцарей къ новому бою, и рыцари съ новою силой бросались на противниковъ, и вновь отбитые, перестраивали ряды для новой атаки.

Гросмейстеръ былъ впереди, онъ словомъ и примѣромъ воодушевлялъ своихъ, и подсказывалъ на нѣсколько сажень къ польскимъ рядамъ.

Въ это мгновеніе изъ рядовъ польскаго войска, на чудномъ конѣ, вылетѣлъ юноша, почти мальчикъ, Добко изъ Олесницы, герба Дембно, и съ копьемъ на перевѣсѣ бросился на великаго магистра.

Предъ лицомъ стѣснившихся войскъ начался невиданный поединокъ, между гросмейстеромъ ордена и польскимъ юношей. Зрители словно оцѣпенѣли. Ни съ той, ни съ другой стороны, никто не бросился впередъ, чтобы помѣшать бою.

Ульрихъ Юнгингенъ принялъ дерзкій вызовъ и ловкимъ ударомъ копья отбилъ копье Добко, но копья разлетѣлись въ щепы. Начался бой на мечахъ; рыцарь былъ и крупнѣе ростомъ и много разъ сильнѣе польскаго юноши, но тотъ былъ моложе, быстрѣе въ движеніяхъ и увертливѣе. Мечи загремѣли о щиты, и, въ свою очередь, Добко чуть избѣжалъ рокового удара, но тѣснимый могучимъ соперникомъ только парировалъ удары, медленно отступая къ своимъ. Въ пылу преслѣдованья, гросмейстеръ и не замѣтилъ, что подѣхалъ близко къ польскимъ рядамъ. Ему удалось уже ранить коня дерзкаго юноши и онъ мечталъ свалить всадника роковымъ ударомъ тяжелаго меча. Гибель смѣльчака была неминуема, но тутъ первый не выдержалъ пылкой витьязь, Янъ Варшавскій, герба Наленчъ. Онъ выхватилъ мечъ и бросился на помощь Добко. Слѣдомъ за нимъ бросилось нѣсколько отважнѣйшихъ вождей, а за ними и вся масса пер-

ваго знамени „Краковской земли“. Гросмейстеръ, увидавъ опасность, которой подвергался, бросился обратно къ своимъ; рыцари должны были раскрыть ряды, чтобы принять его, а на хвостъ его коня ворвалось, вслѣдъ за нимъ, въ ряды рыцарей, почти все краковское знамя.

Начался послѣдній „смертный“ бой, подкрѣпленныхъ свѣжими войсками поляковъ, съ изнемогавшими отъ усталости рыцарями. Витовтъ, приведшій наемные полки во-время на подмогу, былъ всюду... Со всѣхъ сторонъ загремѣли трубы польскихъ и литовскихъ войскъ. Ободренные прибытіемъ помощи, а также видомъ своего обожаемаго князя, литовско-русскія войска съ новой яростью бросились въ послѣдній бой, огибая все болѣе и болѣе правый флангъ враговъ. Побѣдный гимнъ нѣмцевъ теперь умолкъ. Бились молча, долго, съ остервененіемъ... Толпы рыцарей, тѣснившихся теперь съ трехъ сторонъ, начали стискиваться въ нестройную кучу. Ряды смѣшались. Не было слышно больше ни командныхъ словъ, ни приказанія начальниковъ. Свои и враги перемѣшивались и началась страшная, неопикуемая борьба народовъ, борьба двухъ ненавидящихъ другъ друга расъ—германской и славянской.

Энергія и дикая удаля славянъ сломила наконецъ пресловутую тевтонскую фурию, нѣмцы поколебались. Ряды ихъ рѣдѣли.

Вдругъ, заглушая шумъ битвы, крики и стоны раненыхъ, снова, какъ въ началѣ боя, раздался оглушительный, дикій вой и визгъ, неимѣвшіе даже подобія человѣческаго крика. Они неслись съ фланговъ и съ тыла рыцарскаго войска. Это татары султана Саладина, обманувъ преслѣдовавшаго ихъ непріятеля, сдѣлали громадный заѣздъ, и напали, въ рѣшительный моментъ боя, во флангъ и въ тылъ рыцарскихъ войскъ.

Желѣзное кольцо охватило теперь всю рать нѣмцевъ и, медленно сжимаясь, душило ихъ въ своихъ объятіяхъ.

Одновременно, предводимое самимъ криве-кривейто, возвратилось и большинство жмудинскихъ бѣглецовъ на поле битвы. Дикіе сыны жмудинскихъ лѣсовъ, словно буря, ворвались въ ряды стѣснившихся рыцарей и глухіе удары ихъ страшныхъ дубинъ произвели ужасное опустошеніе въ рыцарскомъ войскѣ.

Надежда на побѣду, такъ долго лелѣявшая гросмейстера и всю орденскую братію, улыбнувшаяся имъ два раза, въ теченіе этого роковаго дня, исчезла. Надо было заботиться только о своемъ спасеніи.

Кружокъ старѣйшихъ рыцарей толпился вокругъ великаго магистра и пытался дать отпоръ насѣдающимъ врагамъ. Но все напрасно. Теперь численное превосходство было на сторонѣ противниковъ, желѣзное кольцо стискивало рыцарей все сильнѣе и сильнѣе.

Ни одинъ ударъ поляковъ и ихъ союзниковъ, ни одинъ выстрѣлъ изъ лука, не пропадалъ даромъ, а невидимые враги татары протискивались подъ рыцарскими лошадьми, распарывали

имъ брюхо короткими, но острыми ножами, и валили тяжело вооруженныхъ латниковъ безпомощно на землю. Невидимые, не-отразимые арканы свистали въ воздухъ, стаскивали съ сѣдель или душили на смерть самыхъ храбрыхъ. Дикія, раскосыя, киргизскія лица, въ рысѣхъ шапкахъ, рыскали всюду... Орда султана Саладина ворвалась въ самое сердце рыцарскихъ войскъ и производила въ немъ страшное истребленіе. Скученные, сбитые, тѣ-снимые, рыцари не могли оказать никакого сопротивленія этимъ дикимъ сынамъ пустыни, воевавшимъ съ ними безъ всякихъ правилъ и условій рыцарскихъ. Броситься подъ лошадей, рас-пороть ей брюхо, а потомъ, сваливъ рыцаря, зарѣзать его тѣмъ же ножомъ, ни чуть не считалось предосудительнымъ для тата-рина, который воевалъ только для добычи. А добычи много было на рыцарѣ, золотыя цѣпи, золотыя рукоятки мечей, стре-мена и дорогіе шарфы, вышитыя золотомъ и жемчугомъ, были обычными украшеніями свѣтскихъ рыцарей „гостей“, а ихъ было не мало въ войскѣ рыцарей-монаховъ.

Но на помощь врагамъ нѣмцевъ-рыцарей присоединился еще союзникъ—измѣна. Мѣстное земское и поморское рыцарство было крайне угнетено орденомъ рыцарствомъ. Оно шло на бой со своими братьями славянами только изъ подъ палки. Когда же стало ясно, что рѣшительный бой проигранъ нѣмцами, прусскія и хельминскія войска бросили на земъ рыцарскія знамена и частью бѣжали, а частью преклонили колѣна предъ Витовтомъ, и тотчасъ же устремились въ бой со своими недавними влады-ками.

Измѣна своихъ, многочисленность не знающихъ пощады вра-говъ, смерть многихъ тысячъ храбрѣйшихъ воиновъ, поколебали наконецъ духъ рыцарей. Одинъ изъ комтуровъ, тотъ самый Ген-рихъ Тетингенъ, который приказывалъ носить предъ собою два меча, чтобы обмочить ихъ въ польской крови, первый рѣшился сказать великому магистру, что можно еще, собравъ уцѣлѣв-шихъ рыцарей, пробиться съ ними сквозь цѣпь враговъ.

Гросмейстеръ былъ внѣ себя отъ бѣшенства и гнѣва. Два раза обманутый побѣдой, пораженный въ самое сердце измѣной своихъ, онъ гордо закричалъ въ отвѣтъ:

— Избави Богъ, чтобы я покинулъ поле, на которомъ пало столько храбрыхъ!

Снова поднявъ свой тяжелый мечъ, онъ бросился въ самую жаркую свалку.

Но ни его геройство, ни чудеса храбрости всей орденовой братіи ничего не могли сдѣлать съ беззавѣтной удалью и без-граничной храбростью славянскихъ ополченій. Скоро бой пре-вратился въ громадную травлю рыцарей въ бѣлыхъ плащахъ и ихъ первыхъ пособниковъ „гербовыхъ“; ихъ травили, ловили, избивали во всѣхъ направленіяхъ... Орденскія войска всюду сдавались и преклоняли колѣна предъ побѣдителями. Только одна часть рыцарскаго войска, притиснутая къ деревнѣ Таинен-

бергу, дралась отчаянно. Ею командовалъ самъ великій маршалъ Фридрихъ Валенродъ.

Витовтъ, мчавшійся теперь побѣдителемъ по заваленному тѣлами полю, замѣтилъ этотъ отчаянный бой и самъ, съ своими приближенными воеводами, бросился въ свалку. Маршалъ замѣтилъ его и, желая хотя бы дорого продать свою жизнь, прищпорилъ коня и бросился прямо на него, рассчитывая поразить его неожиданнымъ ударомъ.

Смѣлый планъ нѣмца чуть не удался. Между нимъ и великимъ княземъ не было никого изъ ратниковъ, который могъ бы удержать стремленіе великаго маршала, обладавшаго колоссальной силой. Въ нѣсколькихъ шагахъ находился только князь Давидъ Смоленскій, только что прибѣжавшій со своими смолянами на мѣсто битвы. Онъ быстро бросился впередъ, прикрываясь щитомъ, но поскользнулся въ лужѣ крови и успѣлъ только, падая, ударить коня маршала концомъ меча по мордѣ. Вѣшенный конь сдѣлалъ отчаянный вольтъ въ сторону. Мечъ Валенрода скользнулъ по шлему Витовта и всей силой ударилъ по шеѣ его лошади. Конь былъ убитъ, но великій князь спасенъ. Подоспѣвшіе смоляне бросились съ топорами на Валенрода и защитили великаго князя. Скрежеща зубами, кинулся маршалъ обратно, но въ ту же самую секунду что-то мягкое хлопнуло его по лицу, скользнуло по шеѣ и затянулось на ней мертвою петлей. Проклятіе такъ и замерло на его губахъ.

— Вурь! Вурь!.. Алла! Алла!.. Вотъ она, магистра! Моя магистра!—раздался радостный крикъ, и молодой татаринъ, на бойкой лошади, словно изъ подъ земли выросъ предъ великимъ княземъ.

— Государь!..—говорилъ онъ въ волненіи, таща на арканѣ только что поверженнаго рыцаря:—вотъ она самая магистра, жива-ли, нѣтъ-ли, не знай!.. Самая магистра... Помни, моя Туганъ-мирза, на арканъ взялъ... Туганъ-мирза!..

Бой въ этомъ мѣстѣ кончился, остальные нѣмцы сдались. Приближенные князя бросились къ поверженному рыцарю и перерѣзали душившую его петлю, но было уже поздно, арканъ сдѣлалъ свое дѣло, маршалъ былъ мертвъ. Безобразное по природѣ, нзрытое оспою, лицо его теперь было ужасно. Налитые кровью глаза выскочили изъ орбитъ.

Витовтъ подошелъ къ погибшему врагу. На глазахъ у него блеснули слезы. Онъ набожно перекрестился и жестомъ подозвалъ татарина.

— Ты лихой джигитъ и заслужилъ свою награду!—проговорилъ онъ ласково:—а теперь скажи къ султану Саладину, пусть ведетъ войска прямо вонъ къ тому лѣсу, тамъ у рыцарей лагерь.

Туганъ-мирза бросился въ ноги великому князю и поцѣловалъ край его одежды, затѣмъ снова вскочилъ на коня, свистнулъ особымъ посвистомъ и умчался, словно буря, съ своими татарами къ центру позиціи, гдѣ еще кипѣлъ послѣдній отчаянный бой.

— А тебя, какъ мнѣ благодарить тебя, князь!—обратился онъ къ смоленскому князю.—Я тебѣ обязанъ жизнью, если бы не ты, не спасъ бы меня шлемъ отъ меча этого Голиафа.—Витовтъ указаль на поверженнаго маршала.—А твои смоляне грудью удержали враговъ, они вырвали побѣду у нѣмцевъ!!

— Все въ руцѣ Божіей,—отвѣчалъ князь Давидъ.—Онъ одинъ властенъ и въ побѣдѣ, и въ поражениі...

— Но у земныхъ владыкъ есть власть награждать храбрость и отвагу, говори, доблестный витязь, чѣмъ могу отблагодарить тебя за спасеніе?

— Дозволь, государь, съ моими смолянами сдѣлать натискъ на Штейнгаузъ...—нерѣшительно проговорилъ молодой богатырь.

— Это не награда,—улыбнулся Витовтъ.—Я тебя не держу, завтра утромъ я двину туда-же всё мои полки... помни, князь Давидъ Святославичъ, я у тебя въ долгу, а князь Витовтъ никогда въ долгу не оставался... Проси, чего знаешь, теперь или послѣ, все исполню, клянусь своимъ княжескимъ словомъ!

Онъ обнялъ князя Давида и крѣпко прижалъ его къ сердцу.

— А теперь туда, туда!—Витовтъ показаль на курганъ, на которомъ снова виднѣлось большое королевское знамя.—Поздравить короля съ побѣдой.

Оруженосцы подвели коней обоимъ.

Они помчались, окруженные уцѣлѣвшими литовско-русскими витязями.

Со всѣхъ сторонъ громаднаго поля, заваленнаго теперь десятками тысячъ труповъ, стекались къ высокому холму, на которомъ виднѣлось королевское знамя, отряды польскихъ и литовско-русскихъ войскъ и отдѣльные воины, отбившіеся отъ своихъ знаменъ во-время горячаго боя. Тащились и ползли раненые. Большинство возвращавшихся воиновъ тащили на арканахъ или гнали передъ собою связанныхъ плѣнныхъ рыцарей и гербовыхъ латниковъ. Вдали неслись конные отряды, продолжая дѣло истребленія и уничтоженія. Рыцари и ихъ воины пытались прятаться по кустамъ, лѣсамъ и болотнымъ трупобамъ, но арканъ татарина или дубина литвина приканчивали ихъ и тамъ. Только немногіе, попадавшіеся на глаза польскимъ витязямъ или наемнымъ дружинамъ, избѣгали общей участи.

Гостямъ рыцарскимъ, и въ особенности герцогамъ Казиміру Штеттинскому и Конраду Силезскому, особенно не повезло въ этотъ день.

Они рвались въ бой съ самаго начала, въ числѣ воиновъ первыхъ знаменъ, введенныхъ въ бой великимъ маршаломъ, но grosmeisterъ удержаль ихъ около себя, предлагая участвовать вмѣстѣ съ нимъ въ послѣдней атакѣ, которая должна была рѣшить битву. Но, какъ уже знаетъ читатель, атакка эта успѣха не имѣла, и оба герцога со своими оруженосцами и частью иноземныхъ гостей едва успѣли пробиться сквозь заколдованое кольцо, ко-

торымъ ихъ окружили союзныя войска, и думали найти спасеніе въ бѣгствѣ къ лагерю.

Но они ошиблись въ расчетѣ. Ихъ замѣтили и тотчасъ же погнался за ними одинъ изъ отрядовъ наемнаго войска, къ которому присоединились нѣсколько польскихъ витязей.

Началась не битва, а травля. Словно дикихъ волковъ травили чехи и поляки своихъ враговъ, и наконецъ, послѣ усиленной погони, настигли ихъ. Лучшая лошадь въ польскомъ отрядѣ оказалась у рыцаря „Скарбки изъ горъ“ и онъ тупымъ концомъ копыя сбросилъ съ сѣдла одного изъ всадниковъ, бѣжавшихъ предъ нимъ. Только тогда, когда поверженный рыцарь повернулся грудью, его узнали преслѣдующіе; на его щитѣ былъ красный грифъ на бѣломъ полѣ, герба Поморья. Это и былъ самъ знаменитый герцогъ Казиміръ Штеттинскій.

Въ ту же минуту чешскій рыцарь Жмурко догналъ еще бѣглеца и готовъ былъ поразить его мечомъ, но тотъ въ знакъ покорности сдержалъ коня и поднялъ забрало. И это былъ знатный гость рыцарскій, герцогъ Конрадъ Силезскій.

— Сдаюсь!—проговорилъ онъ мрачно и подаль свой мечъ.

Остальные гости рыцарскіе, въ числѣ сорока, предводимые Георгомъ Герсдорфомъ, не взирая на участь товарищей, ни на секунду не задержались, чтобы подать имъ помощь, и мчались безъ оглядки, преслѣдуемые польскимъ отрядомъ.

Теперь, казалось, имъ удастся ускользнуть отъ преслѣдованья. Кони у нихъ были лучше, чѣмъ у большинства рыцарскихъ воиновъ, а вооруженіе гораздо богаче, лучшей выдѣлки, а потому и болѣе легкое. Вся надежда спасенія заключалась теперь въ быстротѣ ногъ ихъ лошадей... Они неслись прямо къ лагерю, рассчитывая найти тамъ, если не защиту, такъ хоть какую-либо помощь. При обозѣ для порядка было оставлено свыше 1000 человекъ хорошо вооруженныхъ рыцарскихъ пѣшихъ ратниковъ.

Но и эта надежда оказалась тщетной. Легерь былъ уже взятъ быстрымъ налетомъ литовско-татарской конницы и рыцарскіе драбанты преклонили колѣна предъ побѣдителями.

Вмѣсто помощи, стоявшая въ караулѣ часть литовской конницы, бросилась на бѣгущихъ рыцарей и заставила ихъ кинуться въ сторону. Погоня настигла ихъ въ ту же минуту, и рыцарскіе гости, волей неволей, должны были сдаться. Окруженные со всѣхъ сторонъ, иноземные рыцари, видя превосходство непріятели, побросали оружіе и покорились своей участи. Одинъ только рыцарь ордена Георгъ старый Герсдорфъ медлил. Онъ держалъ мечъ на готовѣ, словно желая принять бой.

— Брось мечъ!—крикнулъ, налетая на него, польскій витязь Дрый:—или разстанешься съ жизнью.

— Я не могу отдать меча, иначе какъ рыцарю!—гордо отвѣчалъ нѣмецъ.

— Мы сегодня всѣ рыцари,—со смѣхомъ отозвался Дрый и ударомъ кулака выбилъ мечъ изъ рукъ рыцаря...

— Это не по-рыцарски!—закричалъ обиженный рыцарь.

— Ну такъ жалуйся на судъ чести а пока, впередъ за мной, на показъ его величеству королю, тамъ онъ прикажетъ, что дѣлать съ вами...

Между тѣмъ товарищи Дряя вязали и прикручивали къ сѣдламъ остальныхъ сдавшихся гостей рыцарскихъ. Одни горячо протестовали на такое обращеніе, другіе чуть не плакали отъ ярости и озлобленія.

— Мы не нѣмцы, мы гости рыцарскіе,—заявляли они на своихъ языкахъ, но никто изъ побѣдителей не понималъ ни слова изъ ихъ разговора, и скоро весь отрядъ съ плѣнными и добычей летѣлъ обратно, по направленію къ ставкѣ короля.

Одновременно и другой отрядъ съ плѣнными двигался туда же отъ деревни Грюнвальда. Впереди всѣхъ, на великолѣпной вороной лошади, ѣхалъ литовскій рыцарь въ черномъ, вороненомъ вооруженіи. Это и былъ любимецъ Витовта, славный богатырь литовскій Кормульть. Тотчасъ за его конемъ десятокъ вершниковъ окружалъ двухъ рыцарей, связанныхъ по рукамъ и ногамъ и прикрученныхъ къ сѣдламъ.

Болѣ сотни связанныхъ гербовиковъ, спѣшенные и со связанными назадъ руками, покорно шли сзади, подъ конвоемъ нѣсколькихъ верховыхъ.

Издали замѣтилъ Витовтъ своего любимца и, не доѣзжая еще до королевскаго холма, поскакалъ навстрѣчу отряду.

Когда онъ подѣхалъ ближе, торжествующій взглядъ его внезапно блеснулъ гнѣвомъ. Уже издали онъ узналъ оскорбителя своей матери, комтура Маркварда Зальцбаха, того самаго, котораго онъ съ такимъ позоромъ выгналъ изъ Вильны. Лицо втораго плѣнника было открыто. Шлемъ былъ разбитъ и блестящіе черные глаза мрачно сверкали изъ подъ густыхъ рыжихъ бровей. Трудно было допустить сочетаніе такого безобразія и такого выраженія свирѣпости, которое виднѣлось на лицѣ рыцаря.

Витовтъ задрожалъ. Онъ узнавалъ и его. Это былъ его смертельный врагъ, рыцарь Зонненбергъ, отравитель его дѣтей. Сдѣлавъ надъ собою чрезвычайное усиліе, онъ подѣхалъ къ Кормульту.

— Твои плѣнные?—спросилъ онъ быстро.

— Самъ своими руками изловилъ... Этотъ завязъ въ болотѣ, и то насилу сладилъ!—онъ указалъ на Маркварда.

— *Bis du hi Markward?**)—обратился Витовтъ съ легкой усмѣшкой къ плѣнному, въ этотъ торжественный часъ побѣды совсѣмъ не помышляя о личномъ мщеніи.

— Сегодня я здѣсь,—гордо отвѣтилъ комтуръ,—а завтра тебя ожидаетъ тоже въ другомъ мѣстѣ... Измѣнникъ, клятвопреступникъ!..

— Сію минуту повѣситъ!..—приказалъ великій князь, взбѣшенный этимъ новымъ, неожиданнымъ оскорбленіемъ.

*) Слова, занесенныя въ лѣтопись.

— Язычникъ!.. Христопродавецъ!.. Клятвопреступникъ!—въ какомъ-то пароксизмѣ дикаго бѣшенства, кричалъ въ свою очередь Зонненбергъ.—Ты призвалъ окаянныхъ Агарянь-сарациновъ прогнать насъ, служителей христіанскаго Бога.

— Повѣсить и этого отравителя рядомъ съ Марквардомъ!—едва сдерживаясь, чтобы лично не ударить плѣннаго, крикнулъ Витовтъ. Онъ больше не желалъ слышать оскорбленій и помчался навстрѣчу своему королю и союзнику.

Приказаніе великаго князя было принято съ восторгомъ литвинами. Они сорвали обоихъ рыцарей съ сѣделъ и потащили въ близъ лежащій лѣсокъ.

Нѣсколько татаръ, находившихся тутъ-же, предложили свои арканы вмѣсто петель. Нѣсколько большихъ дубовъ росло на опушкѣ. На одинъ изъ нихъ татаринъ сталъ закидывать свой арканъ, чтобы укрѣпить петлю.

— Эй, ты, косоглазый!—крикнулъ на него одинъ изъ литвинъ:—что ты съума сошелъ, поганить священный дубъ треклятымъ крыжакомъ! На осину ихъ, злодѣевъ нѣмцевъ!!

— На осину! на осину!!—загремѣли голоса, и черезъ нѣсколько минутъ оба рыцаря висѣли рядомъ, въ полномъ вооруженіи, на громадномъ суку развѣсистой, вѣковой осины.

Такъ закончилъ свои личные счеты великій князь Литовскій.

Много ему приходилось заканчивать теперь другихъ, болѣе тяжелыхъ счетовъ и обязательствъ.

Такъ погибла подъ однимъ ударомъ угнетенныхъ, оскорбленныхъ, выведенныхъ изъ себя всевозможными притѣсненіями, славянъ вся мощь нѣмецкаго рыцарства, бывшая почти два вѣка постоянной грозой своихъ сосѣдей. Она утонула въ крови, въ томъ морѣ крови, которую они сами безжалостно пролили по всей землѣ литовской. Теперь они захлебнулись въ собственной крови,—въ крови нѣмецкой!

Стотысячная армія, составленная изъ испытанныхъ нѣмецкихъ воиновъ, поставившихъ изученіе военнаго искусства цѣлью всей своей жизни, была разбита, уничтожена, сметена съ лица земли славянской ратью, плохо вооруженной, почти необученной, но которая твердо стала на землѣ своихъ предковъ, отстаивая каждую пядь своей кровью и жизнию.

Ни „Тевтонская фурія“, ни превосходство вооруженія, ни союзъ всѣхъ богатырей германской Европы, ни союзъ венгерскаго короля и германскаго императора, ничто не устояло противъ удалого натиска литовцевъ, поляковъ и чеховъ, ничто не могло сломить беззавѣтной стойкости смолянъ... Они покрыли себя въ этотъ день безсмертной славой!

Лагерь Крыжаковъ.

Не успѣли еще Ягайлло и Витовтъ, окруженные доблестными своими соратниками, кончить объѣздъ поля битвы, этого грознаго поля „Суда Божія“, какъ со всѣхъ сторонъ стали являться гонцы съ донесеніями о новыхъ поимкахъ плѣнныхъ, о новыхъ отрядахъ рыцарскихъ, преклонившихъ колѣна предъ побѣдителями.

Десятки тысячъ плѣнныхъ были уже взяты, и съ каждой минутой все новыя и новыя толпы кнехтовъ, ратниковъ нѣмецкаго земскаго ополченія, гербовыхъ, гостей рыцарскихъ, а порой и чистокровныхъ рыцарей, сгонялись къ холму, на которомъ гордо развѣвались теперь рядомъ два знамени: Государственно-Польское съ бѣлымъ орломъ въ коронѣ и Литовское-Великокняжеское со всадникомъ на конѣ (гербъ „Погоня“).

Витовтъ, пылкій и радостный, ежеминутно сдерживалъ своего скакуна, чтобы не заѣзжать впередъ Ягайлло, который ѣхалъ медленно, постоянно крестясь и читая шопотомъ молитвы. Ему страшно, жутко становилось среди мертвецовъ, которыми было завалено роковое поле.

Чѣмъ дальше отъѣзжали они отъ Танненбергскаго лѣса, тѣмъ масса тѣлъ убитыхъ становилась все больше и, наконецъ, въ томъ лагерѣ, гдѣ смоляне три часа грудью одни удерживали всю нѣмецкую силу, они были навалены горами.

Раны у всѣхъ труповъ были ужасны. Шлемы, раздробленные пополамъ страшными ударами смоленскихъ богатырей, вмѣстѣ съ черепами владѣльцевъ видѣлись всюду. Ягайлло вздрогнулъ.

— Кто бился здѣсь, какіе богатыри?—спросилъ онъ у Витовта.

— Мои смоляне! Мало ихъ было, еще меньше осталось!—махнувъ рукой, отвѣтилъ Витовтъ.—Хорошо, что князь Давидъ уцѣлѣлъ... Удалецъ... Вѣришь, если бы не онъ, получить бы мнѣ по головѣ ударъ меча великаго маршала.—Витовтъ быстро рассказалъ эпизодъ, который уже знаетъ читатель, не забывъ сказать, что онъ направился преслѣдовать бѣгущихъ по направлению Штейнгаузенскаго замка.

— Гдѣ, говорятъ, въ плѣну племянница княжна Скирмунда?—съ легкой улыбкой спросилъ король.—Вотъ бы теперь честнымъ пиркомъ... Я бы крестнымъ отцомъ пошелъ Вингалловнѣ.

— Въ томъ-то и бѣда, что братъ Вингалла упрямъ и упоренъ, какъ литовскій туръ, не хочетъ онъ измѣнять вѣрѣ отцовъ и дѣдовъ.

— Ну, думаю, и безъ его согласія можно обойтись, если княжна жива, объ ея согласіи что и говорить. Да только жива-ли... Чуетъ мое сердце недоброе.

— Однако, постой, гдѣ же самъ покойный великій маршалъ? Ему надо отдать послѣднія почести, и гдѣ самъ гросмейстеръ?

Я видѣлъ его въ бою, но затѣмъ потерялъ изъ вида. Ужель онъ убѣжалъ?!

Витовтъ зналъ уже, что великій магистръ палъ, сраженный въ общей свалкѣ невѣдомой ратью, близъ самаго селенья Грюнвальда, но не говорилъ объ этомъ Ягайллѣ изъ боязни разстроить его еще больше. Казалось, что ни торжество необычайной побѣды, ни радостные клики дружинъ, поразившихъ на смерть злбнаго врага, ни поздравленья окружающихъ, ничто не могло разсѣять мрачныя, кровавыя мысли короля, ужасавшагося этой массы пролитой крови, этихъ десятковъ мертвыхъ тѣлъ, еще нѣсколько часовъ тому назадъ полныхъ жизни и энергій!

Услыша вѣсть, что его злѣйшаго врага уже не существуетъ, Ягайлло остановилъ коня и, снявъ отороченную соболемъ шапку; давно уже смѣнившую шлемъ, набожно перекрестился.

— Записать его въ мой синодикъ и дать въ десять церквей по двѣ копы грошей, на вѣчное поминовеніе его и великаго маршала,—обратился онъ къ Олесницкому,—да переписать всю орденскую братію, павшую въ бою. Хоть они были нашими врагами, но ихъ духовный санъ великъ предъ Господомъ, пусть шесть недѣль поютъ по нимъ панафиды!

— Государь!—проговорилъ, осаживая своего коня предъ Витовтомъ, Янъ Бѣльскій;—мы открыли весь станъ рыцарскій и полмига отсюда не будетъ, спѣши послать туда отрядъ войскъ, иначе татары и сами нѣмцы все разграбятъ!

Пославъ одного изъ свиты немедленно вести къ мѣсту стана одну изъ конныхъ дружинъ литовско-польскихъ, Витовтъ предложилъ своему брату и другу проѣхать въ открытый нѣмецкій лагерь, и они быстро помчались по дорогѣ, указанной Бѣльскимъ.

Скрытый отъ любопытныхъ взоровъ рощей вѣтвистыхъ дубовъ, въ полумили отъ поля побоища, на громадной долинь, раскинувшейся болѣе чѣмъ на двѣ версты въ длину, между лѣсами помѣщались до трехъ тысячъ подводъ, составлявшихъ военный и частный обозъ рыцарскаго войска.

Когда оба государя успѣли прибыть къ нему, то грабежъ былъ уже въ полномъ разгарѣ, нѣсколько сотъ татаръ ворвались въ лагерь, перебили оставшихся въ живыхъ защитниковъ и хозяйничали по своему, въ палаткахъ и возахъ.

Кое-гдѣ видѣлись шлемы и копья литовскихъ и польскихъ воиновъ.

Нѣсколько десятковъ польскихъ лучниковъ Яна Бѣльскаго дѣлали невѣроятныя усилія, чтобы отстоять отъ грабителей двѣ наибольшія палатки, великаго магистра и орденскаго капитула, но татары и въ особенности нѣмецкіе мародеры, и хельминцы, первые бѣжавшіе съ поля битвы, лѣзли съ оружіемъ въ рукахъ, отбивая другъ у друга разныя драгоценности, грабя раненыхъ, имѣвшихъ силы доползти или добраться до обоза. Кто сопротивлялся, того убивали.

Нѣкоторые, добравшись до ряда подводъ съ бочками, выби-

вали дно и пили шапками, шлемами, горстями! Картина была омерзительна.

Ягайлло еще болѣе заморгаль глазами. Онъ не могъ выносить картины грабежа. Со всѣхъ сторонъ слышались отчаянные крики и стоны. Онъ не выдержаль.

— Нѣтъ, я не могу болѣе видѣть этого разбоя!—сказаль онъ дрогнувшимъ голосомъ.—Заклинаю тебя, прекрати грабежъ!

— Трубите сборъ!—крикнуль Витовтъ трубачамъ, не отстававшимъ отъ него никогда:—трубите громче!..

Едва успѣли зазвучать перекатные звуки роговъ, гремѣвшіе «сборъ», со всѣхъ сторонъ лагеря потянулись на призывъ ратники. Тутъ были и литвины, и русскіе, и поляки, не было только татаръ, да измѣнниковъ нѣмцевъ, они продолжали неистовствовать въ лагерѣ.

— Бѣльскій,—крикнуль Витовтъ,—розыщи сейчасъ султана Саладина и этого татарскаго удалыца Тугана, и скажи имъ, отъ моего имени, что если они сейчасъ же не прекратятъ грабежъ—они не друзья мнѣ!..

Бѣльскій прищпориль коня и поскакаль передать приказаніе. Трудно было ему пробиваться сквозь густой рядъ телѣгъ, фуръ, какихъ-то громаднхъ воевъ, нагруженнхъ воинскими запасами, наконецъ онъ нашель Саладина.

Султанъ сидѣль на одномъ изъ воевъ, прикрытомъ ковромъ, поджавъ ноги и курилъ кальянъ. Кругомъ него виднѣлись цѣлыя кучи разныхъ драгоценностей, а его подчиненные, нукеры и татары, все подносили новые и новые предметы. Султанъ дѣлиль добычу тутъ же, не сходя съ мѣста. То, что ему нравилось, онъ безцеремонно бралъ себѣ, или махаль рукою, и вещь оставалась у собственника. Нѣсколько поодаль, Туганъ-мирза производиль тотъ же маневръ, только въ миниатюрѣ, хоть и около него лежала куча цѣнныхъ вещей, утвари и оружія, но въ ней не было и десятой части стоимости вещей Саладина.

Услыхавъ грозный зовъ великаго князя, султанъ Саладинъ смутился, ему было жалъ разставаться съ богатствомъ, которое ему сулиль дальнѣйшій грабежъ, но онъ повиновался и, приказавъ нукерамъ отобранную добычу завязать во вьюки и мѣшки, отдалъ приказаніе татарамъ своей орды прекратить грабежъ.

Но Туганъ-мирза не хотѣль слушать никакихъ приказаній. Онъ весь, всѣмъ существомъ погрузиль въ дѣлежку награбленнаго, отбирая себѣ красивыя и цѣнные вещи.

— Слушай, Туганъ!—серьезно, но безъ гнѣва проговориль Бѣльскій, подѣвжая къ нему:—если ты сейчасъ не бросишь и не послушаешь приказа, я скажу твоей красавицѣ пани Розаліи.

— Ой, говоры, говоры!—съ улыбкой отозвался татарченокъ.—Мой калымъ досталь, маршалка досталь, арканъ поймаль, теперь подарокъ нивѣсть искаль, хороша подарка... Не мѣшай, слышишь, не мѣшай!

Только угроза, что пани Розалія сочтетъ его за разбойника и

откажетъ ему, образумила татарина, онъ тоже собралъ своихъ татаръ и медленно поѣхалъ изъ стана вслѣдъ за Бѣльскимъ. Въ рыцарскомъ обозѣ остались только свои же хельминцы, грабящіе своихъ же вчерашнихъ властителей, да нѣсколько завзятыхъ мародеровъ разныхъ національностей, не желавшихъ слушать никакихъ распоряженій.

Въ лагерѣ кое-гдѣ начинался пожаръ. Витовтъ замѣтилъ это и уже рѣшилъ покончить съ грабителями-мародерами, со всѣмъ отбившимися отъ рукъ.

— Трубите еще разъ сборъ!..—вновь отдалъ онъ приказаніе трубачамъ; но въ этотъ разъ никто не шелъ на сигналъ. Только татарскія войска медленно, нагруженныя добычею, тянулись стороною, направляясь къ своему становищу.

— Такъ какъ войскъ моихъ и королевскихъ во взятомъ мною лагерѣ уже нѣтъ, а есть только грабители и разбойники, то приказываю вамъ взять ихъ силою и привести сюда, а если будутъ сопротивляться, то перебить до послѣдняго!!—Отрядъ великокняжеской стражи, къ которому обратился съ приказаніемъ Витовтъ, тотчасъ снялся и бросился въ лагерь. Псковскіе лучники и татары-нукеры султана Саладина и мирзы-Тугана окружили весь лагерь цѣпью.

Исполнить приказаніе, отданное великимъ княземъ, было не легко. Опьяненные виномъ и добычею, мародеры стали отражать силу силой, и множество ихъ было истреблено и только часть приведена предъ лицо князя. Это были все жалкія отребья рыцарскихъ войскъ, грабившія теперь своихъ же.

— Заковать въ цѣпи и отвести къ плѣннымъ!—приказалъ Витовтъ. Рядомъ съ хельминцами стояли обезоруженные и связанные человѣкъ десять литвинъ, изъ виленскаго и трокскаго знамени.

— Литвины?—спросилъ Витовтъ, подъѣзжая къ нимъ.

— Такъ, государь, литвины, твои рабы покорные,—отвѣчалъ за всѣхъ мужчина свирѣпаго вида, съ волосами, сбитыми колтуномъ въ громадную непокорную копну.

— Сборъ слышали?—переспросилъ великій князь. Литвины молчали, потупившись.

— Дать имъ по концу веревки, пусть сами повѣсятъ, а струсятъ сами—прикончить до послѣдняго!..—отдалъ распоряженіе Витовтъ.

Это уже не первый разъ въ теченіе похода, что онъ такимъ образомъ наказывалъ ослушниковъ. Только поддержаніемъ самой строжайшей дисциплины ему удалось сохранить порядокъ въ своемъ разноплеменномъ войскѣ.

— Ваше величество,—доложилъ ему чрезъ минуту Янъ Бѣльскій, возвратившійся съ осмотра теперь опустѣвшаго лагеря,—у рыцарей громадные запасы вина, болѣе 1000 бочекъ... Что прикажете дѣлать съ нимъ, искусь полкамъ великъ.

Витовтъ задумался. Онъ зналъ, что нельзя будетъ удержать

войска отъ вступленія въ рыцарскій обозъ, и перспектива громаднаго, поголовнаго пьянства испугала его. Онъ рѣшилъ:

— Возьми отборныхъ полсотни дружинниковъ, выбей дно изъ бочекъ, и пусть вино льется на землю.

— Государь! но вѣдь это будетъ рѣка вина!.. Такое богатство...

— Не разсуждай! Тамъ,—онъ указалъ на поле недавней битвы,—рѣки кровавые еще текутъ... Пусть мѣшается нѣмецкая кровь и нѣмецкое вино!

— Государь,—еще разъ обратился къ нему Бѣльскій,—въ обозѣ сотни двѣ возовъ съ цѣпями, путами и колодками...

— Запасливы нѣмчины, для нихъ же пригодится,—улыбнулся великій князь;—ну да ты поторопись съ виномъ-то, а то нагрываютъ мои литвины, да лапотная шляхта... Упаси, Господи.

Бѣльскій, наскоро собравъ нѣсколько десятковъ дружинниковъ, бросился исполнять приказаніе князя. Скоро бочки были найдены и алое вино полилось со всѣхъ сторонъ, затопляя низменности, и заструилось ручьями по склону къ низинамъ. Молодой витязь хотѣлъ было, исполнивъ порученіе, скакать вслѣдъ за великимъ княземъ, но стоны, раздавшіеся въ одномъ изъ шатровъ, привлекли его вниманіе.

Шатеръ былъ роскошный, весь изъ шелковой матеріи, и надъ нимъ, на высококомъ древкѣ, виднѣлось бѣлое знамя съ изображеніемъ «лиліи», герба Бурбоновъ. У самаго входа валялись три трупа, высокаго черноволосаго мужчины, въ костюмѣ оруженосца съ тѣмъ же гербомъ, вышитымъ на груди, и двухъ хельминскихъ воиновъ съ разрубленными головами.

Изъ шатра доносились стоны и женскій плачь.

Бѣльскій соскочилъ съ коня и бросился къ шатру. Пологъ былъ завязанъ изнутри. Онъ дернулъ съ силой, оборвалъ завязку и быстро вошелъ въ шатеръ.

— Кто бы ты ни былъ, ни шагу дальше, убью!..—послышался ему женскій голосъ, и странность: слова эти были сказаны по-литовски.

Бѣльскій съ удивленіемъ оглянулся. Прямо предъ нимъ, съ мечемъ въ рукахъ, стояла высокая, красивая женщина. Она рѣшительно загородила ему путь дальше, въ глубь шатра. Тамъ, на походномъ ложѣ, съ головой, увязанной черной перевязкой, лежалъ молодой красавецъ витязь. Въ ногахъ его рыдала, въ сильнѣйшемъ испугѣ, другая женщина.

— Уйди отсюда!..—продолжала гнѣвно красавица, схвативъ мечъ обѣими руками:—или горе тебѣ!..

— Остановись, я не грабитель, а слуга своего государь-короля Витовта!—отвѣтилъ по-литовски Бѣльскій.

— Литвинъ!.. О, боги! какое счастье!..—быстро заговорила красавица, опуская оружіе.—Ну что, какъ бой?! Ужели Литва побѣдила!!

— Король Ягайлло и князь Витовтъ, съ Божіею помощію,

сразили нѣмецкое рыцарство, все ихъ войско побито или въ плѣну, а маршалъ и магистръ предъ престоломъ Всемогущаго.

— Побѣда!.. Побѣда!.. Слушай, Зингалла, побѣда! Слышишь, побѣда!—въ опьяненіи радости вскричала красавица.—Слышишь, побѣда и мы свободны.

— Но кто же ты, прекрасная госпожа?...—спросилъ съ удивленіемъ Бѣльскій.—По выговору ты литвинка, и въ лагерѣ нѣмецъ?

— Я княжеская дочь, Освальдовича изъ подъ Пилены, отца и мать замучили нѣмцы треклятые, меня въ полонъ увели... Да благо выигралъ меня въ кости вотъ этотъ рыцарь.. Не здѣшній онъ, не изъ нѣмчинь... изъ-за меня на турнирѣ дрался... вонъ какъ убрали... Отъ этого обиды не было... Зато вотъ крыжакъ,—глаза ея сверкнули,—двухъ уложила я мечемъ, что ворвались сюда въ палатку—вонъ, какъ псы валяются у входа!..

— Кто же эта женщина?—спросилъ Бѣльскій, показывая на другую женщину, переставшую плакать и ухаживающую теперь за раненымъ.

— Эта?...—княжна усмѣхнулась.—Спроси у самой, можетъ тебѣ скажетъ.

Бѣльскій сдѣлалъ два шага впередъ.

Онъ съ удивленіемъ взглянулъ на молодую плачущую женщину и сразу узналъ ее. Это была одна изъ виленскихъ шляхтянокъ, выданная замужъ за шляхтича, поселившагося близъ Золотырни.

Захваченная рыцарскимъ поѣздомъ, она, только благодаря своей красотѣ, не сдѣлалась жертвою рыцарскаго меча или петли. Ее ждала позорная участь рыцарской наложницы—живаго товара за горсть золота, переходящаго изъ рукъ въ руки. Вендана знала ее съ дѣтства. Она упросила герцога Валуа выкупить ее, благо рыцарь, которому она досталась на долю, былъ старъ и бѣденъ.

Съ этого дня у Венданы была подруга, дѣлившая съ ней долгіе дни одиночества, она не ревновала ее къ герцогу, да и герцогъ мало обращалъ на нее вниманія, весь поглощенный страстью къ своей красавицѣ Венданѣ.

Все шло благополучно въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ приготовления къ походу.

Вліяніе-ли княжны Венданы, страстной литовской патриотки, нескончаемый ли рядъ звѣрствъ, насилій и попранія правды, сказывавшіяся въ каждомъ дѣяніи священнаго капитула гг. меченосцевъ, но герцогъ къ началу теперяшняго похода окончательно охладѣлъ къ дѣлу меченосцевъ.

Онъ, можетъ быть, рѣко выразился объ этомъ въ кругу рыцарей гостей. Шпіоны капитула были всюду. Объ этихъ зловредныхъ и соблазнительныхъ рѣчахъ донесли капитулу, онъ рѣшился пресѣчь зло въ корнѣ. Смерть одного человѣка была дешевой цѣной прекращенія смуты. Гибель герцога была рѣшена; палачей тайныхъ и явныхъ было достаточно въ нѣмецкомъ войскѣ.

Возвращаясь съ ночной пирушки, герцогъ былъ пораженъ двумя ударами тайныхъ убійць; перенесенный въ свою ставку, онъ казался мертвымъ и только благодаря нѣжному уходу мессира Франсуа и двухъ спасенныхъ имъ женщинъ, онъ былъ приведенъ въ себя. Нѣмецкій подкупной убійца не выполнилъ своей задачи. Герцогъ былъ раненъ опасно, но не смертельно. Это случилось за четыре дня до Грюнвальдскаго боя и, разумѣется, герцогъ не могъ принять въ немъ никакого участія.

Онъ лежалъ недвижимый въ своемъ походномъ шатрѣ, когда бѣжавшіе съ поля битвы хельминцы кинулись грабить лагерь меченосцевъ и гостей рыцарскихъ.

Мессиръ Франсуа и нѣсколько французовъ кнехтовъ пытались дать отпоръ нѣмцамъ грабителямъ, но сила была на ихъ сторонѣ и французы были оттѣснены. Входъ въ палатку былъ безъ защиты. Два мародера кинулись туда, надѣясь на богатую добычу, но у постели больного они неожиданно встрѣтили княжну Вендану съ мечомъ въ рукѣ.

Храбрый литвинка сама первая бросилась на нападающихъ и поразила на смерть мечомъ одного изъ нѣмецкихъ грабителей. Другой бѣжалъ въ паническомъ страхѣ. Это было за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, какъ вошелъ Бѣльскій.

Быстро въ нѣсколькихъ словахъ передала княжна Вендана молодому Бѣльскому всѣ эти обстоятельства и заклонила всѣмъ святымъ пощадить жизнь и свободу своего возлюбленнаго.

Бѣльскій, сколько могъ, успокоилъ красавицу и, поставивъ двухъ стражей у палатки герцога, помчался донести Витовту о случившемся.

Онъ засталъ Витовта сидящимъ рядомъ съ Ягайлой и окруженнаго знаменитѣйшими витязями польско-литовскаго войска.

Плѣнные князья Силезскій и Поморскій сидѣли тутъ-же. Нѣсколько въ сторонѣ королевскіе повара спѣшили съ обѣдомъ. Съ самаго утра никто и не думалъ о нихъ. Кубки, наполненные виномъ и медомъ, были въ рукахъ у cadaго. Виваты въ честь короля и Витовта гремѣли кругомъ.

Эта скромная трапеза на полѣ чести была много разъ знаменательнѣе пресловутаго нѣмецкаго почетнаго стола.

Тамъ нѣсколько сотъ плѣнныхъ изъ несчастной Золотурни были осуждены рыцарскимъ конвентомъ на смерть, здѣсь болѣе сорока тысячъ плѣнныхъ нѣмцевъ, въ страхѣ и ужасѣ, ожидали своей участи. Но Витовтъ, кромѣ двухъ своихъ личныхъ враговъ, не казнилъ никого...

Это былъ отвѣтъ, достойный литовскаго сарацина христіанамъ — нѣмецкимъ рыцарямъ,

Вдругъ, въ толпѣ, окружавшей государей, произошло движеніе. Впередъ выступили два старика почтеннаго вида, сопровождавшіе молодаго красавца.

Это были мазовецкіе князья Янушъ и Земовичъ, и сынъ послѣдняго — князь Александръ.

Послѣдніе потомки нѣкогда славной польской династіи Пястовичей—они долго отстаивали свою независимость противъ короля на Краковѣ—Ягайллѣ.

При видѣ страшной опасности, которой подвергалась вся Польша, они привели свои дружины на помощь Ягайллѣ.

Теперь, когда грозный врагъ былъ сокрушенъ, они въ томъ же великомъ порывѣ патріотизма шли къ Ягайллѣ, чтобы разомъ и навсегда прекратить междоусобія.

Подойдя къ Ягайллѣ на нѣсколько шаговъ, всѣ трое преклонили колѣни.

Старѣйшій изъ нихъ, Явушь, князь на Варшавѣ и Черексѣ воскликнулъ:

— Тебѣ, Господь Богъ въ небесахъ, мстителю неправды, и тебѣ, великій король Польши Владиславъ, да будетъ вѣчная благодарность и честь за-то, что освободили насъ отъ непріятелей меченосныхъ, которые по винѣ моего пращура такъ долго угнетали насъ и теперь такъ сильно были поражены, за что я и всѣ эти потомки хотимъ вѣчно благословлять и служить коронѣ твоей!

Ягайлло всталъ со своего мѣста и со слезами на глазахъ перецѣловалъ своихъ бывшихъ соперниковъ.

Этимъ торжественнымъ актомъ навсегда кончилась борьба между Пястовичами и Ягеллонами.

Это было первое великое слѣдствіе безпримѣрной побѣды.

XVI.

Объѣздъ поля битвы.

Торжественно и радостно гремѣли трубы кругомъ королевской ставки. Со всѣхъ концовъ громаднаго Грюнвальдскаго поля къ ней сгоняли и приводили десятки тысячъ плѣнныхъ. Окруженный своими славными сподвижниками, Ягайлло, еще не снявшій вооруженія, молился колѣнопреклоненный предъпоходнымъ алтаремъ. Самъ подканцлеръ королевскій Николай Тромба, сбросивъ латы и шлемъ, въ торжественномъ церковномъ облаченіи, служилъ „Тедееумъ“. Хоръ всѣхъ участвовавшихъ въ королевской стражѣ витязей вторилъ словамъ молитвы. Знамена вѣяли кругомъ. Большое королевское знамя торжественно развѣвалось въ воздухѣ. Частью порванное, мѣстами запачканное кровью, оно съ этого дня дѣлалось священной реликвіей, какъ безмолвный, но дивный свидѣтель величайшей побѣды, одержанной когда либо.

Никогда еще, во времена историческія, въ сраженіяхъ не участвовала такая масса воиновъ! Никогда еще битва не была такъ кровава, и никогда еще столько плѣнныхъ не было брошено къ ногамъ побѣдителя!

Кончивъ молитву и приложившись съ набожностью къ кресту, Ягайлло взглянулъ вокругъ себя. Витовта не было около него.

— А гдѣ же мой другъ и братъ? Гдѣ главный герой побѣдителя?—воскликнулъ онъ.—Я его не вижу между насъ...

— Вотъ онъ мчится сюда, я узналъ его,—смѣло доложилъ князь Александръ Мазовецкій

— Въ такомъ случаѣ впередъ, къ нему навстрѣчу, на встрѣчу храбрѣйшему изъ храбрыхъ! Коня мнѣ!—крикнулъ Ягайлло. Но голосъ почти не повиновался ему. Ему такъ много пришлось отдавать приказаній среди гула и шума битвы, что онъ совсѣмъ охрипъ.

Окруженный всѣмъ своимъ блестящимъ дворомъ, лучшими изъ витязей, всѣми знаменами побѣды, развѣвавшимися кругомъ, поспекалъ Ягайлло навстрѣчу великаго князя Литовскаго. Они встрѣтились на вершинѣ громаднаго холма, съ котораго Ягайлло наблюдалъ за боемъ. Оба одновременно сошли съ лошадей. Оба были такъ взволнованы, что не могли промолвить ни слова, а только, рыдая, бросились въ объятія другъ друга!

Этимъ все было сказано...

— Тебѣ, великій король Польскій и на Краковѣ, и на Гнѣздо, послалъ Господь великую честь этого дня... Хвала Ему и благодареніе!—торжественно проговорилъ, наконецъ, Витовтъ и преклонилъ мечъ предъ королемъ.

— Честь войны принадлежитъ тебѣ, мой дорогой братъ и другъ... Ты затѣялъ, ты объявилъ войну, ты велъ войска въ бой, ты воодушевлялъ ихъ... Кому же, какъ не тебѣ, послѣ Господа Бога,—Ягайлло набожно перекрестился,—обязанъ я побѣдой... Еще разъ прійди въ мои объятія, мой дорогой братъ!..

Они обнялись снова, затѣмъ сѣли на коней, и въ сопровожденіи обѣихъ свитъ, польской и литовско-русской, поѣхали въ объѣздъ поля битвы, поля, только что оконченнаго великаго суда Божія.

Витовтъ, лично бывшій всюду во время самаго боя, лично видѣвшій въ бой свои литовскія знамена, рассказывалъ королю, показывая на мѣстѣ, разные эпизоды боя. Онъ не могъ обойти молчаніемъ подвигъ смолянъ, грудью удержавшихъ весь напоръ рыцарскихъ силъ.

— И сколько ихъ было?—быстро переспросилъ Ягайлло.

— Три знамени.

— А сколько осталось?

— Еще не считали, но подъ однимъ знаменемъ всѣ смоляне легли поголовно!

— Всѣ?—мрачно переспросилъ король.

— Всѣ!—дрогнувшимъ голосомъ отозвался Витовтъ.—За то удержали нѣмцевъ два часа...

— И спасли нашу честь,—докончилъ Ягайлло.—Миръ праху храбрыхъ... Прикажи похоронить ихъ съ особой честью... они головами своими кушили намъ побѣду!

— Правда, послѣ раздумья сказалъ Витовтъ,—прорвись намъ въ тылъ нѣмцы, спасенья бы не было...

— А гдѣ ихъ предводитель, гдѣ храбрый князь Смоленскій? Хочу его видѣть, хочу воздать честь честью храбрѣйшему изъ храбрыхъ! Гдѣ онъ?

— Жаль, дорогой братъ, его здѣсь нѣтъ, онъ со своими смолянами преслѣдуетъ бѣжавшихъ.

— Зачѣмъ? Пошли за нимъ, пусть вернется, хочу его видѣть, хочу за почетнымъ столомъ посадить его рядомъ съ собой...

— Ты помнишь, дорогой братъ, тотъ вечеръ, тамъ, у Бреста, когда старый Молгасъ пѣлъ намъ свои пѣсни?..

— Помню, а что?—удивленно переспросилъ Ягайлло.

— Помнишь, онъ говорилъ про дочь моего брата, княжну Скирмунду...

— Помню, помню, она въ плѣну, въ Штенгаузенѣ... Помню, ну что же?

— Скирмунда была невѣстой князя...

— И онъ пошелъ отбивать ее теперь... Безподобно... Непремѣнно пошлю ему на выручку или на подмогу сотни четыре гостей...

Такъ разсуждали вѣнценосные братья и друзья, медленно объѣзжая поле битвы. На каждомъ шагу попадались имъ возвращавшіеся съ погони воины, ведущіе или гонящіе предъ собою плѣнныхъ нѣмцевъ. Изрѣдка попадались бѣлые рыцарскіе плащи, остальные плѣнные были, по большей части, или воины наемныхъ дружинъ, или „гербовики“, или же, наконецъ, гости рыцарскіе, отбившіеся въ свалкѣ отъ своего отряда.

XVII.

Осада и приступъ.

Замокъ Штейнгаузенъ, какъ и большинство рыцарскихъ замковъ, далеко не былъ приготовленъ къ осадѣ. Хотя до начала великой войны онъ былъ нѣсколько разъ осаждаемъ жмудинами, подъ предводительствомъ самаго Вингаллы, но нѣмцы крестоносцы были такъ увѣрены въ своей побѣдѣ надъ Литвой и поляками, что и не думали приводить въ порядокъ собственныхъ замковъ, находившихся въ тылу наступающихъ войскъ ордена.

Комтуръ графъ Брауншвейгъ, успѣвъ доказать на военномъ рыцарскомъ совѣтѣ, что опасность фланговаго нападенія жмудинъ отъ Эйраголы, можетъ грозить всему лѣвому флангу рыцарскихъ владѣній, и что нельзя окончательно обезлюдить Штейнгаузенъ и другія пограничныя земли, за нѣсколько дней до великаго столкновенія подъ Грюнвальдомъ, вернулся въ свой замокъ. Его влекло туда не одно желаніе прикрывать орденскія земли отъ

нападенія жмудинъ, а красавица—плѣнная княжна Скирмунда, изнывавшая въ одной изъ башенъ грознаго замка.

Получивъ отъ великаго магистра приказаніе ни подъ какимъ видомъ не выдавать княжну Скирмунду литвинамъ, ни въ обмѣнъ, ни за выкупъ, графъ Брауншвейгъ торжествовалъ... Жертва оставалась въ его власти, а къ тому же вполне законно. Онъ не долженъ былъ больше скрываться предъ своими собратьями, таить, какъ тать, украденное сокровище. Совѣтъ ордена дѣлалъ его законнымъ тюремщикомъ княжны и онъ съ восторгомъ, съ наслажденіемъ взялся за эту роль.

Странное, смутное предчувствіе порой приходило ему на умъ, смущая покой, лишая сна. Ему все чудилось, что страшные, неумолимые жмудины ворвутся въ его замокъ и отобьютъ княжну, но онъ гналъ прочь эти недостойныя мысли.

Всѣ рыцари его конвента уѣхали на войну на призывъ гроемейстера; подъ его начальствомъ оставалось не больше двухъ-сотъ человѣкъ мѣстнаго ополченія, два десятка наемныхъ драбантовъ, да трое гербовыхъ витязей, за отсутствіемъ рыцарей, исполнявшихъ ихъ обязанности. Эти три гербовыхъ были пожилые дворяне, не сумѣвшіе доказать свое дворянское происхожденіе дальше трехъ поколѣній, и потому не могшихъ попасть въ число крейцхеровъ. Они должны были довольствоваться, въ отличіе отъ чистокровныхъ братьевъ рыцарей меченосцевъ, свѣтло-сѣрыми рыцарскими плащами, съ тѣмъ же чернымъ крестомъ изъ сукна, нашитымъ на груди.

Это были, какъ мы уже знаемъ, люди не первой молодости, отважные и старавшіеся доказать настоящимъ рыцарямъ, что они имъ ни въ чемъ не уступятъ, ни въ наукѣ воинской, ни въ храбрости. Они рвались на войну, въ бой съ невѣрными, и получивъ приказъ капитула явиться подъ команду графа Брауншвейга, командора въ Штейнгаузенѣ, крайне обидѣлись, и только боязнъ наказанія заставила ихъ подчиниться.

Понятно, что на подобныхъ помощниковъ командоръ не очень-то могъ разсчитывать, да онъ и не нуждался въ нихъ. Двухъ-сотъ человѣкъ гарнизона, по его мнѣнію, было за глаза достаточно для отраженія литовскаго „налета“, а о формальной осадѣ онъ и не думалъ. Всѣ литовскія войска были заняты въ великой войнѣ, слѣдовательно онъ могъ почитать себя совершенно обезпеченнымъ и думать только о своей страсти.

Попрежнему тюрьма Скирмунды находилась тамъ-же, гдѣ и прежде, въ высокой башнѣ, которую мы описывали; только съ минуты отъѣзда графа на совѣтъ капитула, одиночество княжны Скирмунды прекратилось. Мѣсто тюремщика при ней, въ его отсутствіе, заняла вдова одного изъ рыцарскихъ кнехтовъ Кунигунда, отвратительная старуха—мегера, родомъ изъ Лутазіи. За горсть золота, обѣщанную ей графомъ, она клялась беречь Скирмунду какъ зѣницу ока и сдержала свое слово. Къ пріѣзду обротно графа-комтура ничто не измѣнилось въ маленькой ком-

наткъ высокой замковой башни... Только выраженіе лица несчастной плѣнницы съ каждымъ днемъ становилась мрачнѣе и сосредоточеннѣе... Порою ужасъ и какое-то мрачное отчаянье овладѣвали несчастной княжной... Надежда на скорое освобожденіе исчезла, а страшное сознаніе безсилія и безпомощности угнетало ее нравственно!

Она по цѣлымъ днямъ сидѣла въ какомъ-то столбнякѣ, устремивъ взоръ въ одну точку, не говоря ни слова, не дѣлая движенія. Даже мегера-Кунигунда порою останавливалась въ дверяхъ, пораженная этимъ видомъ безмолвнаго отчаянья, и, не сказавъ ни слова, не подразнивъ княжну, по обыкновенію, рассказами о побѣдахъ нѣмцевъ надъ литвинами, уходила въ свою комнатку, махнувъ рукой.

За послѣднее время, къ отчаянью неволи присоединилось другое чувство. Скирмунда, очнувшись послѣ горячки, начавшейся съ ней послѣ роковой ночи возмутительнаго преступленія, совершеннаго надъ ней Іудой—командоромъ, не сохранила въ своей памяти ни малѣйшаго воспоминанія объ этомъ ужасномъ происшествіи. Прошлое слилось въ одинъ мрачный, долгій кошмаръ.

Она хорошо помнила и звуки литовскихъ трубъ и, наконецъ, истязанія, которымъ подвергалъ ее ревнитель вѣры—круглолицый капелянъ, но сказать теперь, было ли это въ самомъ дѣлѣ или только почудилось ей въ бреду, она бы не могла. А между тѣмъ она съ ужасомъ, съ отчаяньемъ начинала сознавать, что съ ней творится что-то неладное. Это была не болѣзнь, а какое-то недомоганіе, слабость, потеря силъ и энергіи. Порой ей чудилось, что въ ней самой зарождается какая-то другая жизнь, что рядомъ съ ея сердцемъ бьется другое сердце.

Несчастная не могла понять, что она готовилась быть матерью!

Жажда воли и свободы душила ее. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, ей почудилось, что она слышитъ за стѣнной лирою и голосъ старика Молгаса. Она украдкой прижалась къ оконцу, состоявшему изъ ряда стеклянныхъ кружечковъ, обдѣланныхъ свинцомъ, и взглянула въ щелочку, такъ какъ толстые стеклянные кружки стекла, пропуская свѣтъ, не давали возможности различать сквозь нихъ предметы. Эта щелка, давно найденная княжной, составляла все ея утѣшеніе, сквозь нее она могла украдкой видѣть синее небо, различать вдали силуэты лѣсовъ ея дорогой родины.

Дѣйствительно, слухъ не обманулъ ее—то былъ Молгасъ.

Забывая всякую осторожность, она быстро уколола себя руку и, добытой каплей крови, написала два слова на щепочкѣ и бросила сквозь щелку къ ногамъ Молгаса. Мы уже знаемъ, какимъ путемъ эта записка дошла по назначенію. Но неосторожный поступокъ Скирмунды не прошелъ для нея безнаказанно. Страшная мегера-нѣмка, осматривая съ подозрительностью инквизитора комнату несчастной княжны, замѣтила лучъ свѣта, проникающій въ отверстіе ставни, и сказала объ этомъ кому-то.

Послѣдовалъ приказъ наглухо забить до половины предательское окно, и съ этой поры послѣднее утѣшеніе несчастной плѣнницы—исчезло. Злодѣй-палачъ, отнявшій у нея свободу и честь, не затруднился отнять у нея послѣдній лучъ свѣта...

А между тѣмъ мрачный злодѣй пылалъ къ несчастной плѣнницѣ самой пылкой, самой болѣзненной страстью.

Жажда обладанія княжной, съ каждымъ днемъ, разгоралась все больше и больше. Но злодѣй чувствовалъ, что теперь, когда пребываніе княжны въ качествѣ заложницы въ замкѣ извѣстно официально всему ордену, то и насиліе надъ плѣнницей также будетъ всѣмъ извѣстно, онъ долженъ былъ сдерживать, до поры до времени, свои бѣшенные порывы страсти...

Онъ избѣгалъ видѣть княжну, онъ чувствовалъ, что при одномъ взглядѣ на ея чарующую красоту, онъ не устоитъ и бросится въ ноги волшебницѣ-язычницѣ умолять о взаимности. Онъ не иначе звалъ Скирмунду въ своихъ мечтахъ, какъ Лаурлеей, всемогущей волшебницей, и свое преступленіе извинялъ силою непреодолимыхъ чаръ волшебницы. Словомъ, она сама была виновата.

Подобные софизмы были въ большомъ ходу между католическими патерами, продавцами индulgенцій и рыцарями меченосцами.

Между тѣмъ время шло, наступилъ іюнь мѣсяцъ, и со всѣхъ концовъ нѣмецкихъ земель къ Мариенбургу тянулись войска. Очевидно было, что встрѣча двухъ армій должна была произойти гдѣ нибудь на границѣ Плоцкой земли.

Опоздавъ наймомъ наемныхъ войскъ, благодаря проволочкѣ и нерѣшительности третейскаго судьи императора Сигизмунда, думавшаго до послѣдней минуты, что ему удастся предотвратить вооруженное столкновеніе союзниковъ и рыцарей, великій магистръ разослалъ по всѣмъ конвентамъ строжайшій приказъ отослать къ Мариенбургу половину всѣхъ гарнизоновъ и по возможности всѣхъ рыцарей и всѣхъ „гербовыхъ“.

Графъ Брауншвейгъ, скрѣпя сердце, разстался съ сотней земскихъ ратниковъ и двумя „гербовыми“; все его войско въ настоящую минуту состояло изъ десятка солдатъ, изъ сотни ратниковъ и нѣсколькихъ кнехтовъ. Оставшійся при немъ, въ качествѣ помощника, братъ Адамъ изъ Магдебурга, хотя и отличался громаднымъ ростомъ и чудовищной силой, но былъ глупъ и самонадѣянъ, какъ только можетъ быть глупъ германецъ, сознающій свою мощь и право сильнаго.

Почти ежедневно, мимо замка, по дорогѣ, пролегающей вдоль границы рыцарскихъ владѣній, пробѣгали курьеры съ приказами отъ великаго магистра. Они заѣзжали перемѣнить лошадей и подкрѣпиться пищей въ Штейнгаузенъ, и черезъ нихъ графъ получалъ извѣстія съ театра войны.

Увѣренность въ побѣдѣ рыцарей была въ немъ такъ сильна,

что онъ не обратилъ вниманія на то, что два дня не было ни гонца, ни извѣстій отъ великаго магистра.

Вечеромъ 17 іюля, на закатъ солнца, онъ былъ встревоженъ звукомъ роговъ, раздавшихся за оградой замка. Ворота были по обыкновенію заперты, подъемный мостъ поднять на блокахъ.

— Кто трубиль?—быстро спросилъ онъ, подходя къ внутреннимъ воротамъ, у одного изъ караульныхъ.

— Должно свои... наши трубы... Фрицъ пошелъ узнать,—отозвался ратникъ.

— Отворите! Бога ради, впусдите!—слышались голоса изъ-за воротъ,—за нами погоня! погоня!.

Комтуръ поспѣшилъ на башенку, вѣнчавшую наружныя ворота. У подъемнаго моста толпилось челоуѣкъ восемь бѣглецовъ, кони ихъ едва держались на ногахъ. Всадники были въ самомъ жалкомъ видѣ, безоружные, окровавленные. Но не было сомнѣнія, они принадлежали къ рыцарскому войску.

— Спускайте мостъ!—послышалась команда комтура, и громадные деревянные блоки гулко завизжали, сматывая мостовые канаты.

Но громадный мостъ не такъ легко было спустить. Одинъ изъ канатовъ засѣлъ въ блокъ и его громада повисла въ воздухъ.

— Іезусъ—Марія! погоня! погоня! Спасите, мы погибли!..—вдругъ закричали на всѣ голоса бѣглецы, съ ужасомъ всматриваясь въ проську.

Дѣйствительно, съ визгомъ и гиканьемъ, по проськѣ мчались десятка три какихъ-то страшныхъ всадниковъ на поджарыхъ лошаденкахъ. Лица этихъ кавалеристовъ были дикія, ужасныя. Косые глаза, широкія скуластыя лица и въ особенности войлочныя высокія шапки съ подогнутыми полями, обличали въ нихъ киргизовъ или татаръ ногайцевъ. Они съ неистовыми криками мчались на своихъ сухихъ скакунахъ, размахивая волосяными арканами.

Еще мгновеніе и они перекрутили бы безоружную толпу бѣглецовъ, тѣснившихся у подъемнаго моста. Комтуръ совсѣмъ растерялся. Стрѣлять въ эту минуту по нападавшимъ изъ мортиръ, какъ бывало во-время приступовъ литовцевъ, было больше чѣмъ рискованно, можно было перебить своихъ; онъ вырвалъ пальникъ изъ рукъ пушкаря и отошелъ къ лучникамъ, бѣжавшимъ по тревогѣ занять свои мѣста за бойницами.

Но было уже поздно, одинъ изъ татарскихъ удалцовъ, промчавшись, какъ вѣтеръ, мимо кучки бѣглецовъ, ловко набросилъ арканъ, петля затянулась вокругъ шеи одного изъ молившихъ о помощи, и несчастный, выброшенный изъ сѣдла, потащился во слѣдъ за ускокавшимъ татаринномъ.

Моментъ былъ критическій, времени терять было нечего, остальныхъ бѣглецовъ ждала та же участь.

— Въ это время „гербовый“ братъ Адамъ, завѣдывавшій подъемнымъ мостомъ и содержаніемъ замковыхъ рвовъ, видя, что мостъ не желаетъ опускаться, по своему рѣшилъ задачу; од-

нимъ ударомъ кинжала онъ перерѣзалъ упрямый канатъ и мостъ съ грохотомъ упалъ на ту сторону рва. Переправа чрезъ водяной ровъ была устроена и бѣглецы толпой кинулись на мостъ. Они были спасены.

— Что ты сдѣлалъ, братъ Адамъ?!—въ отчаяніи воскликнулъ комтуръ, бросающъ къ воротамъ:—вѣдь теперь намъ моста не поднять!..

— А чортъ съ нимъ,—проворчалъ братъ Адамъ,—не кинется же эта татарва на наши ворота, они желѣзные!..

Татары, видя, что ихъ жертвы ускользаютъ, подняли оглушительный вой и вопль, покрутились на мѣстѣ и вихремъ умчались отъ стѣнъ замка.

Только теперь рѣшилъ графъ Брауншвейгъ отворить ворота и впустить бѣглецовъ, такъ какъ иначе на ихъ спинахъ въ замокъ могла ворваться погоня.

Едва успѣли несчастные бѣглецы вѣхаться въ замковый дворъ, какъ къ нимъ бросился весь гарнизонъ съ разспросами.

— Прочь отъ неизвѣстныхъ!.. прочь!—послышался снова рѣзкій, отрывистый приказъ комтура.—Если вы промолвите хоть слово, я велю заковать васъ въ цѣпи!—обратился онъ къ бѣглецамъ.—Идите за мной, сюда,—онъ указалъ дорогу въ трапезную, самъ вошелъ послѣднимъ и бережно заперъ за собою двери.

Онъ сердцемъ чуялъ, что случилось великое несчастье, но боялся, что извѣстіе, сообщенное гарнизону безъ достаточной осторожности, можетъ вызвать панику.

— Что случилось и что вы за люди?—рѣзко спросилъ онъ, всматриваясь, въ потерявшія всякій обликъ, человѣческія лица бѣглецовъ.

— Благородный графъ!.. несчастье, великое несчастье,—падая передъ комтуромъ на колѣни, проговорилъ красивый юноша, на лбу котораго виднѣлась запекшаяся большая рана,—наше войско разбито, мой господинъ убитъ!

— Яковъ, ты ли?—въ ужасѣ воскликнулъ графъ, узнавая въ говорившемъ оруженосца одного изъ братій штейнгаузенскаго конвента, брата Гуго.

— Да говори толкомъ, гдѣ, когда, кѣмъ?—переспрашивалъ комтуръ, чувствуя, что у него выступилъ холодный потъ на лбу при этомъ страшномъ извѣстии.

— Миль двадцать отсюда, подъ Танненбергомъ... проклятыхъ сарациновъ была сила несмѣтная, но господа крестцеры приняли вызовъ на битву и сломили язычниковъ... Мой господинъ былъ первымъ изъ первыхъ... побѣждали проклятые литвины... мы за ними... А тутъ изъ лѣсу другое войско выходитъ... Самъ великій магистръ бросился съ хельминцами, сломили и ихъ, а тутъ изъ лѣсу третье, четвертое, пятое, окружили со всѣхъ сторонъ, десять противъ одного!! Не считали мы безбожныхъ сарацинъ, мы бились по колѣно въ крови, клали враговъ кругомъ безъ числа, да тутъ свои измѣнники, хельминцы преда-

лись врагамъ; первые стали бить своихъ; со всѣхъ сторонъ налетала орда татарская, одни стаскиваютъ рыцарей съ лошадей арканами, другіе ползаютъ подъ брюхами коней и взрѣзаютъ имъ животы!.. Развѣ это война, развѣ это искусство воинское?!

Разсказчикъ замолчалъ.

— Да говори же ты, куда отступаютъ наши?.. Что великій магистръ, что маршалъ?

— Оба пали смертью храбрыхъ!..—мрачно отвѣчалъ оруженосецъ.

— Убиты... Убиты, говоришь ты!.. Но кто же командуетъ теперь нашимъ войскомъ?—воскликнулъ Брауншвейгъ.

— Нашего войска больше нѣтъ!.. Оно все взято въ плѣнъ или легло на полъ чести.

— Какъ? все войско? Быть не можетъ? Ты ошибаешься, страхъ ослѣпилъ твои глаза... Этого быть не можетъ!.. Почему ты знаешь... какъ ты могъ все видѣть?

— Вмѣстѣ съ другими я былъ тоже захваченъ въ плѣнъ и бѣжалъ съ товарищемъ ночью, я видѣлъ всѣхъ плѣнныхъ, видѣлъ, какъ ихъ записывали нотариусы короля Ягайлы, видѣлъ тѣла благородныхъ рыцарей, великаго магистра и великаго маршала... и счелъ оставшихся въ живыхъ благородныхъ рыцарей и всѣхъ павшихъ. Ихъ всѣхъ снесли къ Танненбергской церкви, зачѣмъ мнѣ лгать... Былаго не воротись...

— И сколько же пало моихъ храбрыхъ братьевъ?—глухо спросилъ графъ.

— Плѣнныхъ не было и сотни, кромѣ гостей иноземныхъ, остальные пали смертью храбрыхъ.

— Но подумай, что ты говоришь!—въ ужасѣ проговорилъ комтуръ:—ихъ выступило съ великимъ магистромъ свыше семисотъ... И ты говоришь они всѣ пали... Пали?..—Онъ пытливо взглянулъ въ лицо вѣстника.

Тотъ ничего не отвѣчалъ. Усталость и испытанная потрясенія, очевидно, сломили его силы, онъ закачался и упалъ бы, если бы его не поддержали товарищи.

— И вы тоже подтверждаете, что разсказалъ вашъ товарищъ?—спросилъ, обращаясь ко всѣмъ бѣглецамъ, комтуръ.

— Клянемся именемъ Бога Всемогущаго, онъ сказалъ правду!..—заговорили бѣглецы. —Еслибы не онъ, сгибнуть бы намъ въ цѣпяхъ у сарацинъ.

Сомнѣнія въ справедливости страшнаго извѣстія больше быть не могло. Это понялъ графъ Брауншвейгъ. Отдавъ строгое приказаніе не разсказывать людямъ гарнизона о жестокомъ пораженіи, постигшемъ крестоносную армію, подъ страхомъ тюрьмы и цѣпей, комтуръ отпустилъ бѣглецовъ и приказалъ накормить ихъ, а самъ бросился на площадку у надворотной башни, чтобы удвоить на ночь мѣры предосторожности.

Во время его отсутствія съ площадки, предъ воротами замка картина измѣнилась. Уже не три десятка татарскихъ наѣздни-

ковъ, а нѣсколько сотъ ратниковъ изъ литвы, жмуди и татаръ, составляли полукругъ передъ воротами на дальній полетъ стрѣлы. Очевидно, они хотѣли расположиться здѣсь станомъ.

— Что же вы не прогоните ихъ изъ арматъ?!—крикнулъ комтуръ, подбѣгая къ одному изъ пушкарей, стоявшему съ фителемъ у заряженной мортиры.

— Высокоблагородный господинъ!—отозвался за своего подчиненнаго начальникъ пушкарей:—подлые сарацины поставили впереди себя нашихъ плѣнныхъ... стрѣляя—мы перебьемъ своихъ,

Графъ бросился къ бойницамъ, и едва могъ, сквозь надвигающуюся тьму ночи, разглядѣть цѣлый рядъ столбовъ, врытыхъ осаждающими предъ своимъ становищемъ, и привязанныхъ къ нимъ плѣнниковъ. На нѣкоторыхъ были еще свѣтлосѣрые плащи съ черными крестами, въ другихъ по одеждѣ нельзя было не узнать ратниковъ крестовоснаго войска.

Замѣчаніе пушкаря было основательно, стрѣлять было немислимо.

Графъ въ негодованіи разразился цѣлымъ потокомъ проклятій по адресу осаждающихъ и направился къ мосту; но и тутъ ждало его разочарованіе, подъемный мостъ такъ и не былъ еще поднятъ.

— Это что значить?! Какъ, отчего не подняли моста?—набросился онъ на брата Адама.—Сейчасъ, сію минуту поднять!

Братъ Адамъ проворчалъ что-то себѣ сквозь зубы и отдалъ приказаніе постараться связать перерубленный канатъ. Но лишь только четверо изъ ратниковъ осажденныхъ пробрались черезъ полуотворенныя ворота на мостъ и стали связывать обрѣзанные канаты, какъ въ ту же секунду цѣлая туча стрѣлъ невидимыхъ стрѣлковъ засвистала въ воздухъ, и ратники должны были отступить обратно въ замокъ. Одинъ изъ нихъ былъ раненъ.

— Послать четырехъ латниковъ, пусть надѣнутъ кольчуги и шлемы!—приказалъ комтуръ:—да стрѣлкамъ смотрѣть зорко! Поднять мостъ необходимо, а то на ворота надежды мало!

Но и эта мѣра не помогла. Тяжело одѣтые латники тоже не могли выдержать того града стрѣлъ, которыми ихъ осыпали осаждающіе, и хотя грудь и голова ихъ были защищены отъ пораженія, но ноги и руки были безъ защиты, и попытка опять не удалась. Между тѣмъ стемнѣло окончательно и осаждающіе, пользуясь темнотой и прикрывшись щитами, со всѣхъ сторонъ начали подступать къ воротамъ, чтобы, въ случаѣ новой попытки поднять мостъ, броситься въ рукопашную. Напрасно графъ Брауншвейгъ воодушевлялъ своихъ подчиненныхъ словами и примѣромъ; послѣ двухъ неудачныхъ попытокъ, никто болѣе не вызвался охотно ити поднимать мостъ. Старыхъ, испытанныхъ, бывалыхъ воиновъ въ замкѣ не было. Ратники были крайне неопытны, а десятокъ наемныхъ драбантовъ былъ на половину изъ инвалидовъ...

Въ глубокомъ отчаяннѣ увидаль графъ, что нѣтъ никакой

возможности исправить зло, и мысленно проклиналъ брата Адама, своей глупостью и самомнѣніемъ давшаго такой шансъ осаждающимъ.

Снова взойдя на башню, онъ долго всматривался въ ночную темноту, сквозь которую мѣстами мелькали костры въ станѣ враговъ. Оттуда до его слуха доносились восклицанія, смѣхъ и крики радости. По временамъ слышались гнусливыя, словно похоронныя пѣсни и бряцанье струнъ; очевидно, враги знали, что никто извѣтъ не можетъ ихъ потревожить, что они господа всей окрестности, и что помощи ему ждать не откуда!

— Эхъ, будь у меня сотни двѣ драбантовъ и пятокъ братьевъ рыцарей, вотъ бы теперь сдѣлать вылазку, да разогнать эту сволочь бичами,—подумалъ онъ; но о вылазкѣ съ сотней плохихъ ратниковъ немислимо было и мечтать, и опечаленный комтуръ направился въ свою келью, чтобы сосредоточиться и обдумать свое положеніе.

Его положеніе было ужасно, онъ даже навѣрно не зналъ, кто его враги, подданные князя Вингаллы, войска-ли Витовта, или просто шайки татарскихъ мародеровъ.

Не успѣлъ онъ войти въ свою комнату и запереть за собой наружную дверь, какъ во внутреннюю дверь, ведущую на лѣстницу въ башню, раздался легкій стукъ, и старческій капшль послышался за нею.

Комтуръ вздрогнулъ. Онъ зналъ, что это никто иной, какъ Кунигунда, тюремщица княжны Скирмунды, и быстро отворилъ дверь.

Старуха казалась встревоженной. Ея сѣдые волосы были въ беспорядкѣ, руки тряслись...

— Что случилось, Кунигунда?—спросилъ графъ, догадываясь, что произошло что-то необычайное.

— У княжны, часъ тому назадъ, родился ребенокъ—что съ нимъ дѣлать, благородный господинъ графъ?

— Ребенокъ?!—Графъ поблѣднѣлъ. Вся кровь бросилась ему въ лицо.

— Ждать моихъ приказаній!.. Ступай!..—рѣшительно произнесъ онъ, видя, что старуха остановилась въ нерѣшимости:—ступай, тебѣ говорятъ, завтра приходи за приказаніями, бережь мать и ребенка!..—Съ этими словами онъ оттолкнулъ старуху за дверь и задвинулъ желѣзный засовъ.

Извѣстіе, принесенное старухой, такъ смутило и поразило его, что онъ нѣсколько минутъ не могъ собраться съ мыслями... Теперь, при измѣнившихся обстоятельствахъ, когда приходилось сводить счесть съ безпощадными врагами и выдать Скирмунду, живой или мертвой, торжествующимъ побѣдителямъ, даже въ его глазахъ преступленіе, совершенное надъ ней, показалось ему чудовищнымъ. Онъ задрожалъ, какъ убійца, какъ злодѣй, ведомый на казнь, и грузно повалился ницъ предъ распятіемъ, возвышавшимся въ углу комнаты, за изголовьемъ.

— Господи! Господи, помилуй меня, грѣшнаго!.. помилуй меня, окаяннаго,—шепталъ онъ въ мистическомъ страхѣ и съ маху началъ поражать себя въ грудь ударами кулака...—Грѣшникъ, грѣшникъ я! Господи, прости, помилуй, пощади!

Страшный трескъ, раздавшійся у него почти надъ головою, сопровождаемый адскимъ концертомъ кричащихъ, воющихъ и визжащихъ голосовъ, заставилъ его вздрогнуть, вскочить съ колѣнъ и броситься къ воротамъ.

Не было никакого сомнѣнія—враги шли на приступъ.

Только на три часа опоздалъ съ своимъ отрядомъ смоленскій князь Давидъ отъ передоваго татарскаго отряда, преслѣдовавшаго бѣглецовъ, успѣвшихъ скрыться изъ захваченнаго лагеря. Конныя жмудинскія дружины князя Вингаллы, подъ его личнымъ начальствомъ, тоже стремились къ Штейнгаузенскому замку, и къ ночи только обложили стѣны твердыни, за которыми, они знали, что томится княжна.

Князь Давидъ, со своими смолянами, сталъ немного поодаль отъ литвы, жмудинъ и татаръ, расположившихся передъ самыми воротами и, по обычаю смоленскому, тотчасъ обнесъ свой станъ изгородью. Напрасно князь Вингалла, пылко стремившійся въ бой, предлагалъ ему тотчасъ по приходѣ, ночью, штурмовать замокъ; князь Давидъ былъ упоренъ, онъ боялся, что въ ночномъ бою, нечаянный ударъ можетъ поразить княжну и отказался помогать литвинамъ до утра.

Вингалла обозвалъ его трусомъ и, не давъ отдохнуть своимъ жмудинамъ, построилъ ихъ въ двѣ колонны и двинулъ, подъ покровомъ ночной темноты, прямо на приступъ замка. Послѣ грандіозной побѣды, одержанной его родичами надъ нѣмцами, лѣсной дикарь думалъ, что также легко будетъ теперь взять и нѣмецкій замокъ. И ошибся въ расчетѣ. Водяные рвы замка оказали неодолимое препятствіе стремленію его воиновъ, а желѣзныя ворота не поддавались ударамъ литовскихъ топоровъ.

Растерявшіеся въ первую минуту штурма, нѣмцы оправились и стали поражать изъ бойницъ нападавшихъ стрѣлами. Только благодаря ночной темнотѣ, литовцы отдѣлались малымъ числомъ жертвъ, и должны были отступить отъ стѣнъ замка, обратно въ свой станъ, не успѣвъ даже приставить ни одной лѣстницы.

Взбѣшенный неудачей, Вингалла снова, передъ разсвѣтомъ, повторилъ попытку, но результатъ былъ тотъ же; нѣсколько человекъ раненыхъ и ни малѣйшаго намека на успѣхъ.

Между тѣмъ разсыпавшіеся въ окрестностяхъ татары всю ночь освѣщали окрестность заревомъ пожаровъ. Они жгли все, что только могло горѣть, истребляя и грабя все, что попадало подъ руку. Къ утру они вернулись съ награбленной добычей и большимъ полономъ.

Разумѣется и комтуръ не спалъ всю ночь, не покидая своего поста на площадкѣ башни, и руководилъ оттуда защитой.

Чуть занялась утренняя заря, князь Давидъ, окруженный

своими соратниками, пошелъ лично сдѣлать обзоръ замковыхъ укрѣпленій.

Мостъ попрежнему былъ перекинутъ чрезъ ровъ, попытки нѣмцевъ поднять его не удались. Это было единственное слабое мѣсто въ оградѣ, чрезъ которое можно было надѣяться проникнуть въ замокъ.

Массивныя желѣзныя ворота, скованныя изъ узкихъ полосокъ желѣза и навѣшенныя на огромныхъ мѣдныхъ петляхъ, хотя и представляли нѣкоторую преграду, но не такую, какъ глубокой и широкой водяной ровъ, окружающій замокъ со всѣхъ сторонъ.

— Только отсюда и можно попытаться,—замѣтилъ князь, обращаясь къ Видимунду Хрущу, стоявшему съ нимъ рядомъ.

— Да, высокъ, безъ лѣстницъ да фашинику не возмешь,—отозвался тотъ.—Да и то наврядъ... Вызнать-бы, сколько ихъ въ замкѣ?

— Сочтемъ, какъ возьмемъ,—улыбнулся Давидъ,—циплятъ по осени считаютъ; а я вотъ что думаю, не попытать ли по московскому обычаю ворота да тараномъ... ну, а тамъ что, видно будетъ...

— Я тутъ, княже, запримѣтилъ, на самой почитай опушкѣ сосенку, пядей сорока, а то и всѣхъ пятидесяти, вотъ бы повалить, да на таранъ...—замѣтилъ подручный князя Давида, князь Стародубскій.

Всѣ направились осматривать дерево. Оно оказалось превосходнымъ. Не даромъ смоляне зовутся плотниками,—не прошло и получаса, какъ гигантская сосна, подрубленная у корня, лежала на землѣ съ обрубленными вѣтвями, и смоленскіе мастера при- ставили на ея толстый конецъ металлическую литую крышку, имѣвшую отдаленное сходство съ головой барана.

Еще нѣсколько громадныхъ деревьевъ было срублено и смоляне начали сооружать изъ нихъ нѣчто вродѣ громадныхъ стоекъ подъ качели, въ видѣ колоссальныхъ буквъ А и соединять ихъ между собою брусьями.

Работа кипѣла. Къ полудню устои были готовы, поставлены на катки, и первое бревно съ металлическимъ наконечникомъ плавно качалось среди нихъ, на толстыхъ лозовыхъ веревкахъ.

Стѣнобитная машина, самаго первобытнаго образца, была готова. Оставалось только пододвинуть ее къ воротамъ и начать разбивать ихъ.

Нѣмцы съ изумленіемъ и ужасомъ смотрѣли на эти приготовления. Они слышали про то, что литвины прежде разрушали цѣлыя каменныя стѣны подобными орудіями, и не знали на что рѣшиться.

У многихъ давно уже зародилась мысль сдаться и молить пощады, такъ какъ они знали, что въ случаѣ удачнаго приступа, враги не пощадятъ никого.

Но они знали также непреклонный нравъ комтура и были увѣрены, что онъ предпочтетъ смерть въ бою—позору плѣна.

Только къ глубокой ночи всѣ приготовления къ подведенію

стѣнобитной машины были кончены и снова князь Вингалла сталъ торопить князя Давида начинать нападеніе, и опять смоленскій князь настоялъ на своемъ. Приступъ былъ назначенъ на зарѣ слѣдующаго дня.

XVIII.

Приступъ.

Чуть забрежжилось, литвины были уже на ногахъ и, прикрываясь щитами, со всѣхъ сторонъ ползли къ крѣпости. Гулъ набата трапезнаго колокола тотчасъ же вызвалъ всѣхъ защитниковъ на стѣны.

Нѣмцы сознавали, что послѣдній смертный часъ настаетъ. Надо было или отразить приступъ, или лечь въ бою. Плѣнъ былъ ужаснѣе смерти.

Въ теченіе ночи, къ жмудинскимъ войскамъ князя Вингаллы, подошло много подкрѣпленій. Разбившіеся въ преслѣдованіи бѣжавшихъ рыцарей на мелкіе отряды, жмудины спѣшили теперь на соединеніе со своимъ обожаемымъ княземъ. Они подходили, обремененные богатой добычею и плѣнными. Послѣднихъ было такъ много, что у жмудинъ не хватало ни веревокъ, ни цѣпей, чтобы вязать ихъ.

Въ плѣнъ захватывали только рыцарей, да крестовиковъ, а простыхъ плѣнныхъ или отпускали на свободу, отобравъ оружіе, или, по капризу вождей, убивали тутъ же, вѣшая на первой попавшейся осинѣ. Подобной участи подвергались по большей части поморяне, да свои же братья литвины и славяне, изъ захваченныхъ нѣмцами областей, пришедшіе на Литву въ рядахъ своихъ покорителей.

Имъ пощады не было! Въ умахъ дикихъ лѣсныхъ людей не укладывалось понятіе о политикѣ, ведущей часто родныхъ братій другъ на друга, изъ-за какихъ-то туманныхъ идей, доступныхъ только глубокомысленнымъ политикамъ. Для нихъ измѣна кровнымъ братьямъ, по крови и землѣ, была самымъ страшнымъ преступленіемъ, и ей было одно воздаяніе—смерть!

Усилившись такимъ образомъ, князь Вингалла, безумно пылкій какъ всегда, думалъ, что ему одному съ его жмудинами удастся совладать съ нѣмецкой крѣпостью, и потому, недождавшись, пока смоляне подкатятъ таранъ къ воротамъ, онъ подалъ сигналъ къ битвѣ, и нѣсколько тысячъ жмудинъ, съ дикими криками и нечеловѣческимъ воемъ, устремились на приступъ.

Передніе ряды несли длинныя двойныя лѣстницы, очевидно, заготовленныя въ теченіе ночи. Дикій вой трубъ заглушалъ человѣческіе вопли; казалось, стадо дикихъ голодныхъ волковъ бросается на добычу.

Князь остановилъ своихъ смолянъ, тоже рвавшихъ впередъ вслѣдъ жмудидамъ.

— Стойте, братцы. Отъ такого спѣха—толку не будетъ!—крикнулъ онъ.—Крыжаки не мордва и не чудь, а храбрые воины... Не снести князю своей головушки.

Словно въ подтвержденіе этихъ словъ, на стѣнахъ Штейнгаузена сверкнулъ огонь мортиръ и громовой раскатъ выстрѣловъ звучно прокатился надъ лѣсомъ.

Камни брызнули во всѣ стороны. Нѣсколько воиновъ были ранены и со стономъ ползли обратно къ лѣсу. Но Вингалла, не останавливаясь, достигъ стѣны замка и начался отчаянный приступъ.

Изъ лѣстницъ большинство оказалось слишкомъ коротки; только немногія достигали вершины стѣны, увѣчанной зубцами, и зацѣпились своимъ крючьями.

Словно муравьи встревоженнаго муравейника, бросились къ этому мѣсту защитники и съ мечами въ рукахъ встрѣтили первыхъ смѣльчаковъ, добравшихся по лѣстницамъ.

Бой былъ не ровень—одного противъ десяти, и храбрецы послѣ отчаянной битвы были сброшены въ воду рвовъ. Вслѣдъ имъ по лѣстницамъ ползли отборные витязи дружины Вингаллы, но и ихъ постигала таже участь. Видимо, обороняющіеся оправились отъ перваго удара и въ большемъ порядкѣ стали вести оборону. Нѣкоторые изъ нихъ, видя, что съ одиночными воинами, долѣзавшими до вершины стѣны съ успѣхомъ, могутъ бороться тѣ изъ ихъ братій, которые составляли обыденную стражу стѣны, бросились къ громаднымъ складамъ бревень и камней, приготовленнымъ на случай приступа, и чрезъ нѣсколько минутъ огромное бревно было принесено и сброшено на головы штурмующихъ. Лѣстницы были очищены, множество храбрѣйшихъ витязей изувѣчено, самъ князь Вингалла, подававшій примѣръ своимъ, ушибленъ камнемъ въ ногу. Приступъ не удался!

Нѣмцы зацѣпи на стѣнахъ свой побѣдный гимнъ и цѣлымъ градомъ стрѣлъ провожали отступающія колонны жмудинскаго князя.

Но князь Вингалла былъ не таковъ, чтобы признать себя побѣжденнымъ. Онъ не далъ своимъ витязямъ и получаса отдыха, и снова повелъ ихъ къ стѣнамъ замка.

На этотъ разъ лѣстницъ уже не было, но зато передовые воины несли цѣлые пучки зажженной смолистой сосновой сердцевины, и разложили костры почти на полетъ стрѣлы отъ замка. Это было сигналомъ. Литовскіе воины стали выходить по два. Одинъ несъ громадный щитъ изъ кожи дикаго тура, непроницаемой для стрѣлъ и копій, другой лукъ и цѣлый пучекъ пернатыхъ стрѣлъ, жало которыхъ было оплетено берестой и смазано смолой.

Они быстро, парами, подбѣгали къ кострамъ, зажигали у нихъ весь пучекъ бересты на стрѣлахъ, и затѣмъ направлялись къ стѣнамъ замка; несшіи щитъ прикрывалъ какъ себя, такъ и то-

варища отъ выстрѣловъ нѣмецкихъ лучниковъ, между тѣмъ какъ другой съ поразительной быстротой выстрѣливалъ по замку весь свой запасъ пылающихъ и шипящихъ стрѣлъ.

Въ замкѣ произошла настоящая паника. Хотя стѣны были каменные, но почти всѣ зданія деревянные, или крытыя деревомъ, или гонтомъ. Опасность пожара перепугала нѣмцевъ; они съ криками бѣгали по стѣнамъ, созывая товарищей, ушедшихъ подкрѣпиться послѣ двухчасоваго боя.

Князь Давидъ понялъ, что теперь только настало время дѣйствовать. Онъ перекрестился и подаль знакъ своимъ смолянамъ.

Безстрашно тронулись съ мѣста его дружинники, заняли заранее распределенныя мѣста вокругъ машины, и взялись за лямки.

Но грузная машина не тронулась съ мѣста, хотя катки были всюду подложены, и народа было достаточно.

— Пѣсню!—крикнулъ князь, видя, что усилія его людей пропадаютъ бесплодно; и дѣйствительно, едва раздались первыя, знакомыя каждому русскому сердцу слова «дубинушки», какъ-будто тяжелая машина ожила и дрогнула.

— Эй, ухнемъ! Эй, ухнемъ!..—гремѣли сотни голосовъ, и колоссальное сооруженіе тихо заскрипѣло и двинулось впередъ къ воротамъ непріятельскаго замка.

Нѣмцы были такъ заняты тушеніемъ вспыхнувшаго пожара и отбитіемъ новаго приступа, который снова повели войска князя Вингаллы, что въ первую минуту не замѣтили новой опасности, и только въ то время, когда передніе брусья тарана вкатились уже на подъемный мостъ, нѣсколько ратниковъ спѣшно заняли надворотную башню и начали бросать камни и лить кипятокъ на осаждающихъ.

— Впередъ! Впередъ! Еще чуточку! Еще! Еще!—гремѣли голоса князя и его подручныхъ воиновъ, и чудовищная машина со скрипомъ вдвинулась въ нишу воротъ.

Князь Давидъ былъ у самой машины. Онъ подвергался тысячамъ опасностей, его шлемъ былъ во многихъ мѣстахъ погнутъ камнями и стрѣлами, но онъ, казалось, забывалъ всякую опасность. Его жизнь, его счастье было тамъ, за воротами этого грознаго замка.

— Эй, разикъ!.. — крикнулъ онъ своимъ смолянамъ, раскачивавшимъ огромное бревно, и въ ту же секунду глухой ударъ грянулъ въ желѣзныя ворота. Они вздрогнули, но мѣдныя петли выдержали напоръ и не поддались.

— Второй, дружнѣй! Навались!—кричалъ князь и, дѣйствительно, второй ударъ, удесятеренный напоромъ сотни рукъ, сорвалъ ворота съ петель, они рухнули со звономъ, открывая свободный входъ на первый дворъ рыцарскаго замка.

Уже по первому извѣстію о штурмѣ воротъ, и самъ графъ Брауншвейгъ, и всѣ его лучшіе воины были внизу, на готовѣ встрѣтить нападающихъ.

Едва успѣли рухнуть ворота, князь Давидъ бросился впередъ. Его соколиные глаза издали узнали комтура графа Брауншвейга, котораго онъ знавалъ по Вильнѣ. Изъ всего крестоноснаго войска онъ одного его считалъ своимъ смертельнымъ, личнымъ врагомъ, и слушая только голоса мести и ненависти, бросился на похитителя своей возлюбленной.

Дружная стѣна смолянъ бросилась за нимъ вслѣдъ.

Графъ Брауншвейгъ былъ въ полныхъ боевыхъ доспѣхахъ, съ опущеннымъ забраломъ и тяжелой рыцарской сѣкирой въ рукахъ. Онъ зналъ, что въ пѣшемъ рукопашномъ бою сѣкира удобнѣе длиннаго меча и, полагаясь на свою громадную силу, надѣялся не только отбить приступъ сквозь ворота, но даже сдѣлать отчаянную вылазку.

— Впередъ! Впередъ!—крикнулъ онъ громовымъ голосомъ на своихъ ратниковъ и съ высоко поднятой сѣкирой бросился на князя Давида.

Видимундъ Хрущъ, ни на шагъ не отстававшій отъ своего друга, быстро вскинулъ стрѣлу и хотѣлъ поразить рыцаря въ забрало, но Давидъ удержалъ его.

— Оставь, онъ мой! Онъ мой!—крикнулъ онъ и въ свою очередь бросился на нѣмца.

Смоляне, послушные голосу своего вождя, устремились направо и налево отъ него, на скученныхъ въ тѣсномъ пространствѣ нѣмцевъ, и началась жестокая послѣдняя сѣча. Нѣмцы знали свою участь и сопротивлялись отчаянно. Но тщетны были всѣ ихъ усилія; тяжелые смоленскіе топоры не давали имъ пощады, и нѣмцы, одинъ за другимъ, устилали своими трупами мощный дворикъ замка.

Жестокій безпощадный бой - поединокъ продолжался между тѣмъ у князя Давида съ графомъ Брауншвейгомъ.

Графъ узналъ своего соперника. Теперь ему стало яснымъ отчаянное нападеніе смолянъ на Штейнгаузенъ. Онъ зналъ, что князь Давидъ бывшій женихъ княжны Скирмунды.

Одно воспоминаніе о княжнѣ, томившейся у него въ заключеніи, заставило подняться дыбомъ всѣ волосы на его головѣ. Онъ чувствовалъ, что холодный потъ выступаетъ у него на лбу, что ноги у него дрожать и слабнуть руки... А страшный русскій богатырь наступалъ все ближе, все смѣлѣе. Уже нѣсколько разъ ему, одному изъ первыхъ бойцовъ всего ордена, приходилось отступать на нѣсколько шаговъ, чтобы спастись отъ удара князя, въ которомъ онъ видѣлъ теперь воплощеннаго небеснаго мстителя.

Онъ понялъ, что онъ погибъ! Защищаться долѣе у него не хватало ни силы, ни искусства. Онъ два раза чуть не выронилъ изъ рукъ сѣкиру. Тогда адскій планъ мелькнулъ въ его головѣ. Онъ, защищаясь, началъ отступать къ дверямъ, ведущимъ въ свое помѣщеніе. Дубовая, окованная желѣзомъ дверь могла на нѣсколько минутъ задержать натискъ побѣдителя... Нѣсколько

минуть... Но въ теченіе ихъ княжна Скирмунда была въ его власти.

Видя отступленіе врага, князь Давидъ еще отчаяннѣе сталъ нападать на комтура. Нѣсколько разъ ему удалось ударить его по шлему, но стальной шишакъ мялся отъ ударовъ, но спасалъ своего обладателя. Единственное уязвимое мѣсто въ рыцарскихъ доспѣхахъ было подъ плечами, тамъ, гдѣ наручники соединялись съ броней, но поразить мечемъ въ это мѣсто было немислимо, а стальные латы пробить было невозможно.

Будь въ рукахъ князя шестоперъ или даже простой шаръ на цѣпи, онъ давно уже покончилъ бы съ рыцаремъ, но мечемъ онъ могъ только обезоружить врага или оглушить ударомъ въ голову.

Отступая шагъ за шагомъ и искусно парируя всѣ удары, достигъ наконецъ графъ Брауншвейгъ намѣченной цѣли. Сзади него была полуотворенная дверь въ его келію, откуда начиналась витая лѣстница, ведущая въ башню, гдѣ томилаcь княжна Скирмунда.

Почувствовавъ себя полуспасеннымъ, рыцарь вдругъ сдѣлалъ диверсію и изъ обороняющагося быстро превратился въ нападающаго. Онъ съ яростью вновь бросился на князя и тотъ едва успѣлъ укрыться отъ удара сѣкиры стальнымъ щитомъ.

Этимъ моментомъ и воспользовался хитрый нѣмецъ. Онъ стремительно бросился назадъ, успѣлъ попасть въ двери и хлопнуть ихъ, прежде чѣмъ князь могъ ему воспрепятствовать.

Массивный желѣзный засовъ глухо звякнулъ и на нѣсколько минутъ комтуръ былъ въ безопасности.

— Проклятый схизматикъ!—крикнулъ онъ въ окошко, загроможденное желѣзными полосами.—Ты напрасно спѣшилъ... Графъ Брауншвейгъ не отдастъ своихъ плѣнныхъ живыми...

Князь Давидъ бросился на него съ мечемъ въ рукахъ, но что могъ сдѣлать мечъ противъ толстыхъ желѣзныхъ полосъ рѣшетки.

— Ко мнѣ сюда! Сюда!—крикнулъ онъ громовымъ голосомъ, въ первый разъ съ начала битвы призывая на помощь.

Нѣсколько человекъ его дружины бросились къ нему; впереди всѣхъ бѣжалъ Видимундъ съ лукомъ въ рукахъ. Замокъ былъ почти очищенъ отъ защитниковъ и только надворотная башня еще держалась.

— Ломайте двери, ломайте двери... Онъ убьетъ ее!—внѣ себя крикнулъ князь, понимая, что хочетъ предпринять побѣжденный нѣмецъ.

Мигомъ застучали тяжелые топоры по твердымъ дубовымъ доскамъ двери. Щепы полетѣли во всѣ стороны, но массивная дверь не поддавалась. За нею слышался бѣшенный, нервный хохотъ комтура, увѣреннаго теперь въ исполненіи своего адскаго плана. Одно, что его смущало не мало, въ пылу боя онъ потерялъ или обронилъ ключъ отъ замка, висящаго на двери лѣ-

стницы, и теперь, сообразивъ, что время терять нельзя, бросился къ двери съ сѣкирой въ рукахъ и нанесъ страшный ударъ по замку.

Искры брызнули отъ удара стали по желѣзу, но замокъ устоялъ отъ перваго удара. Дружные крики смолянъ, ихъ могучіе удары слышались все сильнѣе и сильнѣе. Комтуръ, видѣвъ себя, началъ наносить ударъ за ударомъ по замку, но ослѣпленный бѣшенствомъ, близостью враговъ и кровавой жаждой мести, билъ зря, не попадая, куда было нужно. Къ тому же спущенное забрало шлема мѣшало видѣть въ полу-темнотѣ низкой кельи. Онъ, очевидно, понялъ это и поднялъ забрало. Страшный, всеокрушающій ударъ сѣкиры, мѣтко попавшій по замку, сразу разбилъ его, теперь входя на лѣстницу былъ свободенъ... нѣмецъ торжествовалъ, княжна Скирмунда была въ его власти.

Изъ груди князя Давида вырвался крикъ отчаянья, онъ видѣлъ всю эту сцену сквозь рѣшетку окна... Все погибало... Дверь хотя трещала, но еще твердо стояла, сопротивляясь дружнымъ усиліямъ смолянъ.

— Горе вамъ, схизматики! Горе вамъ, язычники!—въ порывѣ бѣшенаго иступленія воскликнулъ торжествующій комтуръ и погрозилъ сѣкирой по направленію нападавшихъ. Князь замеръ отъ ужаса. Омерзительное, отталкивающее лицо нѣмца было предъ нимъ, выраженіе дикой ярости и мести дѣлало его еще отвратительнѣе... Нѣмецъ судорожно скривилъ свои блѣдныя губы и плюнулъ по направленію къ окну, за которымъ виднѣлся князь Давидъ.

Въ ту же секунду что-то свистнуло мимо уха князя и отвратительный нѣмецъ съ яростнымъ визгомъ закружился по комнатѣ.

Видимундъ подоспѣлъ во-время, его мѣткая стрѣла вонзилась въ скулу рыцаря, какъ разъ въ ту минуту, когда онъ повернулъ свое лицо къ окошку.

Крича и воя отъ боли, нѣмецъ старался вырвать изъ щеки страшную пернатую стрѣлу. Кровь брызгала во всѣ стороны, слѣпила ему глаза, захватывала дыханіе. Лицо его потеряло всякій обликъ человѣческой. Видимундъ снова натянулъ лукъ и хотѣлъ прикончить негодяя вторымъ выстрѣломъ, но князь Давидъ удержалъ его.

— Возьмемъ живьемъ и въ желѣзной клѣткѣ доставимъ королю!—воскликнулъ онъ, но это промедленіе чуть не сдѣлалось роковымъ. Нѣмецъ понялъ, что все потеряно. Дверь трещала, петли едва держались. Онъ заглушилъ въ себѣ чувство боли, и движимый только однимъ чувствомъ звѣрской мести, судорожнымъ движеніемъ сбросилъ съ себя тяжелый пернатый шлемъ, причинявшій ему страшную боль, и снова схвативъ сѣкиру, бросился къ лѣстницѣ.

Но Видимундъ не дремалъ; зорко слѣдилъ онъ за каждымъ движеніемъ рыцаря, и едва тотъ схватился за дверь, ведущую на лѣстницу, прицѣлился и спустил стрѣлу. Вновь пораженный въ шею, рыцарь захрипѣлъ и упалъ на порогъ лѣстницы.

Въ ту же секунду, подъ дружнымъ напоромъ смолянъ, рухнула входная дверь, и князь Давидъ, во главѣ своихъ дружинниковъ, бросился впередъ въ полутемную келью комтура.

Злодѣй извивался въ страшныхъ конвульсіяхъ. Стрѣла Видимунда перебила ему шею возлѣ затылка и причиняла ему невыразимыя мученья.

Понимая, что биться въ комнатахъ или въ тѣсныхъ переходахъ мечемъ положительно невозможно, князь выхватилъ сѣкиру изъ рукъ одного изъ дружинниковъ и рѣшительно началъ взбираться по узкимъ, неровнымъ ступенямъ лѣстницы, ведущей на верхъ башни.

На половинѣ пути вторая дверь загоразживала путь, но этотъ оплотъ былъ не крѣпокъ, два, три удара сѣкиры, и проходъ былъ открытъ.

Быстро пробѣжалъ молодой князь остальные ступени лѣстницы и снова былъ остановленъ запертой дверью.

Но что могло теперь удержать стремленіе молодого богатыря? Страшный богатырскій ударъ сѣкирою по замку, казалось, заставилъ вздрогнуть всю башню, онъ гулко прокатился по лѣстницѣ, по которой одинъ за другимъ спѣшили княжескіе дружинники.

Дверь пошатнулась и готова была рухнуть. Вдругъ князь, поднявшій сѣкиру для втораго удара, словно окаменѣлъ. Ему за дверью послышался визгливый плачъ ребенка...

Тысячи мыслей, одна другой ужаснѣй, мигомъ пронеслись въ его головѣ...

Онъ понималъ только одно, что тутъ, сейчасъ, за дверями, ребенокъ... Чей онъ, онъ не зналъ, но присутствіе дитяти въ рыцарскомъ замкѣ, въ той кельѣ, гдѣ онъ ждалъ встрѣтить свою невѣсту, поразило, испугало его... Онъ инстинктивно понималъ, что готовится что-то ужасное, роковое.

— Видимундъ... Удержи ихъ, я одинъ войду!—быстро шепнулъ онъ своему другу и, скрѣпя сердце, призывая на помощь всю свою отвагу, отбросилъ остатки двери и вошелъ въ комнату.

Въ ней никого не было, но изъ незапертой двери въ смежный покой громко и назойливо слышался дѣтскій крикъ.

Князь бросился впередъ и остоленѣлъ отъ ужаса, и удивленія. На колѣняхъ около дѣтской колыбели стояла женщина, стояла его княжна Скирмунда.

Онъ въ первую секунду не узналъ ее, такъ измѣнилось и исхудало ея прекрасное лицо. Глаза ихъ встрѣтились. Дикій, нечеловѣчскій крикъ вырвался изъ груди Скирмунды, и первымъ движеніемъ ея было броситься къ князю Давиду, но въ ту же минуту другое чувство, чувство стыда, сознание собственнаго позора охватило ее, и она съ рыданіемъ припала къ колыбели ребенка.

Князь понялъ все... Шемящая, жгучая боль словно ножъ впи- лась въ его сердце... Она измѣнила! Она отдалась другому...—мелькнуло въ его пылающемъ мозгу. Но онъ сдержался. Онъ ни-

чего не спросилъ, не сказалъ ни одного слова упрека, только рука его судорожно сжала рукоятку сѣкиры, да сердце болѣзненно сжалось подъ стальнымъ нагрудникомъ.

— Ты свободна, княжна!—сказалъ онъ наконецъ какъ-то глухо...—Нѣмецкая рать разбита, замокъ взятъ... Ты свободна.

Эти слова, казалось, пробудили Скирмунду. Она быстро встала на ноги и бросилась къ жениху.

— Не осуждай! не презирай!—быстро заговорила она.—Зельемъ опоили, силой опозорили... Клянусь небесами, я не забывала клятвы...

— Кто этотъ извергъ?—быстро спросилъ князь.

— Здѣшній комтуръ, графъ Брауншвейгъ!.. Убийца и злодѣй... Онъ, онъ надругался надо мной беззащитной... Заклинаю, умоляю тебя, отомсти ему за меня!..—воскликнула она страстно и бросилась предъ княземъ Давидомъ на колѣни.

— Онъ пораженъ на смерть... Ты отомщена!..—воскликнулъ князь.—Но слышишь, слышишь, это твой отецъ и его жмудины!—онъ подбѣжалъ къ узенькому окошечку и ударомъ сѣкиры выбилъ раму съ свинцовыми ободками.

За стѣной замка слышались неистовые вопли жмудинскаго войска, штурмомъ бравшаго послѣдній оплотъ крестоносцевъ.

— Скорѣй, скорѣй, надо спрятать ребенка!..—Онъ нагнулся къ колыбели, но княжна съ рыданіемъ бросилась къ нему и съ дикою энергіей выхватила изъ рукъ князя малютку.

— Скирмунда! Бога ради, опомнись, отецъ твой сейчасъ будетъ здѣсь... Подумай, что будетъ. Онъ убьетъ тебя и ребенка!.. Отдай его мнѣ, я его вынесу отсюда въ шлемъ и передамъ близкимъ людямъ, скажутъ, что нашли его среди труповъ... Отдай.

Но Скирмунда, ослѣпленная материнскою нѣжностью, была глуха ко всѣмъ мольбамъ князя.

— Нѣтъ! Пусть, что хотятъ дѣлаютъ со мной, мой стыдъ, мой позоръ, но ребенка не отдамъ, онъ тоже мой!!!

Торжествующіе клики жмудиновъ слышались уже гораздо ближе. Они успѣли сокрушить послѣднюю защиту нѣмцевъ и теперь, подъ предводительствомъ своихъ криве, стремились впередъ, на внутренній дворъ замка.

Князь въ отчаяніи снова бросился къ Скирмундѣ. Онъ зналъ, что если отецъ застанетъ свою дочь съ ребенкомъ, прижитымъ съ крыжакомъ, пощады Скирмундѣ не будетъ, и употреблялъ теперь все краснорѣчіе, чтобы убѣдить княжну ввѣрить ему свое дитя. Но Скирмунда была неумолима. Разстаться съ ребенкомъ казалась ей тяжелѣе, чѣмъ разстаться съ жизнью.

— Нѣтъ! нѣтъ! пусть убьютъ насъ вмѣстѣ... Не отдамъ, не отдамъ,—твердила она въ какомъ-то нервномъ экстазѣ и все плотнѣй прижимала младенца къ своей груди.

Дикіе крики и топотъ множества людей слышались уже на дворѣ самка и зычный голосъ Вингаллы раздавался уже у начала лѣстницы, ведущей на башню.

Медлить было больше нечего. Князь Давидъ бросился къ Скирмундѣ, чтобы силой вырвать у нея ребенка и спасти его, помимо ея воли, отъ фанатизма приближающихся литовцевъ, но быстрая и энергичная Скирмунда выскользнула изъ его рукъ и съ ребенкомъ на рукахъ бросилась въ смежную комнату.

Въ ту же секунду въ дверяхъ ея, выходящихъ на лѣстницу, появилась могучая, вся забрызганная кровью, фигура стараго князя Вингаллы.

Онъ тоже съ перваго взгляда не узналъ свою дочь.

— Скирмунда!—радостно воскликнулъ онъ и бросился къ ней, но внезапно остановился. Онъ увидѣлъ ребенка на ея рукахъ.

— Чей это щенокъ!?—бѣшено вскрикнулъ онъ и снова бросился къ дочери.

— Чей? Да отвѣчай же!—рука его схватила малютку за руку.

— Оставь! пусти! онъ не виноватъ!.. оставь!—дико кричала Скирмунда.

— Чей! Чей щенокъ!!—въ свою очередь гремѣлъ Вингалла и, оттолкнувъ дочь, вырвалъ изъ ея рукъ малютку.

Скирмунда въ порывѣ отчаянія бросилась предъ отцомъ на колѣни и охватила его ноги руками.

— Сжался, пощади, онъ не виноватъ!..—съ рыданіемъ молила она, но Вингалла былъ неумолимъ.

— Твой щенокъ? Твой?!—отталкивая дочь, кричалъ онъ.

— Убей меня, но пощади малютку!—заклинала Скирмунда.

— Признавайся—твой? твой!..—продолжалъ свой страшный допросъ Вингалла.

— Мой!—простонала несчастная:—обманомъ, насиліемъ...

— Крыжацкій?—переспросилъ Вингалла, казалось, не обращая никакого вниманія на слова дочери.

Нѣсколько жмудинъ, въ томъ числѣ криве-кривейто и Одомаръ со своими воинами, успѣли достигнуть комнаты Скирмунды.

— Смерть, смерть вайделоткѣ!—закричали кругомъ голоса.

— Смерть нѣмецкому щенку!—кричалъ громче всѣхъ криве-кривейто, поднимая свою кривулю.—Она нарушила свой завѣтъ... Смерть вайделоткѣ.

— Смерть ея щенку!

— Смерть вайделоткѣ! Смерть! На костеръ!—кричали голоса кругомъ.—На костеръ вайделотку.

— А нѣмецкаго щенка въ окно!—послышался, заглушавшій всѣ голоса крикъ Вингаллы, и онъ, оттолкнувъ ногой обезпамятовавшую Скирмунду, бросился къ окошку и выпшвырнулъ ребенка изъ окна.

Дикій, нечеловѣческій крикъ вырвался изъ груди несчастной матери, она хотѣла броситься вслѣдъ за нимъ, но жмудины удержали ее, и по приказанію князя, крѣпко связали ей руки и ноги.

Вайделотку, нарушившую свой обѣтъ цѣломудрія, ждала ужасная казнь, ее должны были сжечь живой на кострѣ!

Съ первой минуты, когда въ тюрьму княжны ворвались жмудины со своимъ княземъ, князь Давидъ понялъ, что спасти теперь княжну нѣтъ никакой возможности. Что могла сдѣлать его небольшая дружина съ цѣлымъ полчищемъ, приведеннымъ языческимъ княземъ.

Въ послѣдній моментъ, когда онъ считалъ свое дѣло выиграннымъ и княжну освобожденной, страшная, роковая случайность вырвала ее изъ его объятій...

Какъ ни тяжело ему было примириться съ мыслью, что презрѣнный нѣмецъ осквернилъ чистоту его невѣсты, онъ въ любви своей простилъ ей этотъ невольный грѣхъ, но что могъ сдѣлать онъ теперь, когда, отданная на волю языческихъ фанатиковъ, она была безапелляционно осуждена на лютую смерть.

Печальный, убитый тягостной мыслью, стоялъ онъ теперь среди замковаго двора, заваленнаго тѣлами убитыхъ крыжаковъ.

Зачѣмъ всѣ эти жертвы?—думалось ему...—Зачѣмъ?—Онъ подозревалъ своихъ близкихъ подручныхъ и рассказалъ про сцену, только что происшедшую между отцомъ и дочерью.

Ни Видимундъ, ни князь Стародубскій, истинные друзья князя, не могли найти ни слова утѣшенія.

Вдругъ Видимундъ ударилъ себя по лбу рукой.

— Я знаю, кто можетъ спасти княжну!—вдругъ быстро проговорилъ онъ...—Я долго жилъ среди жмудинъ язычниковъ!

— Кто же, кто? говори, ради Бога!—заговорилъ князь Давидъ.—Помни, что здѣсь былъ самъ криве-кривейто, онъ первый крикнулъ—смерть вайделоткѣ!

— Въ томъ-то и дѣло, что на Литвѣ есть человекъ; слова котораго властнѣ словъ и приговоровъ, и князя Вингаллы, и самаго кривейто...

— Но кто же, но кто же?

— Да великій князь, нашъ свѣтлый государь, Витовтъ Кей-стутовичъ; онъ плащемъ махнетъ и криве-кривейто подъ столъ спрячется, а слово молвить, да развѣ осмѣлится князь Вингалла со всѣми своими нехристями ему перечить.

— Твоя правда, твоя правда, но какъ сдѣлать, чтобы великій князь узналъ объ этомъ дѣлѣ. Вѣдь онъ далеко. Должно быть до сегодня еще на полѣ таборомъ стоитъ.

— Ну такъ что же... Въ сутки тамъ, сутки обратно...

— Двое сутокъ, да они раньше сто разъ покончатъ съ княжной.

— Ну, вотъ и выходитъ, что не знаешь ты нашихъ криве и князя Вингаллы... для нихъ такое дѣло, какъ съечь живьемъ вайделотку, изъ праздниковъ праздникъ. Повѣрь, не то что два дня, пять пройдетъ, пока они свои богомерзскіе обычаи исполнять... а потомъ уже за костеръ возьмутся; имъ нужно свою силу прославить... На комъ-же, какъ ни на княжеской дочери и показать всю нечисть идольскаго служенія... Видимундъ долго жилъ среди жмудинъ язычниковъ и хорошо зналъ ихъ обряды.

Слова его нѣсколько успокоили князя Давида.

— Ладно,—воскликнулъ онъ,—коли такъ, такъ идетъ, я двухъ коней загоню, а завтра, объ сю пору, буду предъ лицомъ великаго князя... Онъ обѣщалъ мнѣ, ономняясь въ бою, первую милость, которую я попрошу. Брошусь къ ногамъ его, пусть спасетъ онъ Скирмунду... Не жить мнѣ безъ нея на обломъ свѣтѣ... не жить!

Черезъ полчаса съ рыцарскаго двора выѣзжало нѣсколько всадниковъ, то былъ князь Давидъ со своими дружинами. Онъ ѣхалъ, навстрѣчу идущаго походомъ польско-литовскаго войска, умолять князя Витовта спасти его невѣсту.

XIX.

Въ станѣ побѣдителей.

Всю ночь и все утро послѣ грознаго боя, рѣшившаго однимъ ударомъ великій споръ между славянами и яѣмцами, отряды, посланные въ погоню и отдѣльные всадники, подгоняли захваченныхъ плѣнныхъ къ королевскому лагерю, перенесенному теперь на то мѣсто, гдѣ вначалѣ боя стояло все нѣмецкое воинство.

Высокій, хотя и отлогій пригорокъ командовалъ всею мѣстностью, и на самой вершинѣ холма, гордо возвышаясь надъ другими, стояли два шатра короля: Ягайллы и великаго князя Витовта.

Впереди этихъ двухъ шатровъ возвышался еще третій съ золотымъ крестомъ, водруженнымъ на высокомъ тоже позолоченномъ шестѣ. Это была походная каплица короля польскаго. Всѣ 43 рыцарскихъ знамени, взятые въ этотъ день союзными войсками, были повержены предъ алтаремъ, и семь серебряныхъ свѣтильниковъ, каждый съ пятью свѣчами, ярко освѣщали внутренность походнаго храма. Эти свѣтильники были сегодня же захвачены въ числѣ добычи въ лагерьъ крестоносныхъ братій и принесены въ даръ Богу королемъ Ягайллою.

Неподалеку отъ походной каплицы подъ роскошнымъ ковровымъ навѣсомъ, помещеннымъ на воткнутыхъ въ землю рыцарскихъ копьяхъ, стоялъ столъ покрытый червленной скатертью, а за нимъ возсѣдали семь человекъ съ мрачно-строгими лицами въ длинныхъ черныхъ мантияхъ. Это были королевскіе нотаріусы, записывавшіе плѣнныхъ.

Плѣнныхъ было такъ много, что не смотря на то, что они работали вчера за полночь, работа ихъ чуть подвинулась впередъ. Цѣлыя толпы всѣхъ званій людей, стояли предъ ними, окруженные польскими и литовскими воинами. Многіе изъ плѣнныхъ были ранены, но никто не обращалъ вниманія на ихъ страданія; и свои раненные всю ночь пролежали безъ помощи врачей, ихъ не хватало, чтобы перевязать раны воеводамъ и высшимъ чинамъ войска.

— Кто, и откуда?—спрашивалъ обыкновенно, подведеннаго плѣнника, старшій изъ нотаріусовъ и, получивъ желанный отвѣтъ, передавалъ его другому нотаріусу; тотъ составлялъ короткій актъ, и заносилъ имя плѣннаго и его званіе въ книгу, чтобы войсковою совѣтъ могъ назначить противъ его имени цѣну выкупа.

Не было, казалось, ни одного государства центральной германской Европы, которое бы не имѣло представителей среди этихъ плѣнныхъ. Здѣсь были, разумѣется, по большей части, нѣмецкіе дворяне изъ Пруссіи и Поморіи, переселившіеся сюда, въ эти исконныя славянскія земли, изъ Пфальца и Магдебурга; но и нѣмцы всѣхъ другихъ нѣмецкихъ земель попадались въ изобиліи. Они, по большей части, были охотниками въ рыцарскомъ войскѣ, „гостями“, какъ называли въ то время, и другія народности Европы романо-германскаго происхожденія, словно по уговору, явились на этотъ невиданный турниръ славянской и германско-романской расы и, побѣжденные теперь, ждали рѣшенія своей участи изъ устъ могучихъ побѣдителей.

Витовтъ сидѣлъ у входа въ свою палатку и выслушивалъ донесеніе своихъ бояръ и воеводъ о подвигахъ ихъ подчиненныхъ, и награждалъ отличившихся.

Бѣльскій и его два сына были награждены по царски, особенно Яковъ, дважды раненый, но не покинувшій поля битвы. Многіе получали земли, драгоцѣнную утварь, золотыя гривны для ношенія на шеѣ; другіе удостоивались производства въ рыцари и, преклонивъ колѣно, принимали ударъ меча отъ руки великаго князя, дававшій имъ дворянство.

Клики радости и благодарности гремѣли кругомъ. Самъ великій князь ликовалъ. Вчера, лелѣянная имъ, завѣтная мечта сбылась. Онъ непримѣрно отомстилъ угнетателямъ своей родины и надолго сокрушилъ силу этихъ безчестныхъ крыжаконъ, погубившихъ его дѣтей.

Каждый изъ награждаемыхъ подходилъ къ великому князю, принималъ изъ рукъ его награду или грамоту на землю, цѣловалъ руку и отходилъ въ сторону, налѣво отъ кресла Витовта. По правую сторону оставались только двое: татарскій витязь Туганъ-мирза да литовскій молодой бояринъ Кормультъ.

— Чѣмъ наградить мнѣ тебя, удалецъ?—ласково спросилъ Витовтъ, обращаясь къ татарченку, который весь сиялъ отъ счастья.

— Не сердчай, великій государь!—воскликнулъ онъ, падая на колѣни передъ Витовтомъ:—просьба, большой просьба имѣемъ!

— Говори, что такое?—Витовтъ улыбнулся. Онъ давно уже, отъ Бѣльскаго, зналъ о любви Тугана къ красавицѣ Барановской.— Невѣсту, что ли, найти?..

— Зачѣмъ невѣста, у меня невѣста есть... Мой вчера калымъ заплатилъ, самаго маршала арканъ поймай...

— Ну, такъ что же тебѣ надо?—переспросилъ Витовтъ.

— Не откажи, сватомъ будь.—Туганъ опять ударилъ челомъ.

— Сватоми? Ну, ладно, завтра же скажу Барановскому и Бѣльскому.—Но какъ же твоя вѣра... вѣдь, она не пойдетъ за магометанина...

— Она слово дала, рука дала... Объ вѣрѣ уговоръ не былъ... я калымъ отдалъ.—Туганъ проговорилъ эти слова далеко неувереннымъ голосомъ. Онъ не зналъ еще хорошенько, какъ взглянетъ князь литовскій на разницу религій.

— А креститься будешь?— снова спросилъ Витовтъ.

Татаринъ поблѣднѣлъ. Онъ ждалъ этого вопроса, въ немъ заключалась вся его судьба.

— Мой отецъ, и дѣды, и дѣды отца, родились и умерли въ вѣрѣ отцовъ и дѣдовъ... не мнѣ измѣнять ей, государь!

Витовтъ задумался. Величайшая религiозная терпимость существовала въ его государствѣ, и дѣло о смѣшанныхъ бракахъ между татарами и литвинами, безъ перемѣны религiй, давно въ душѣ было имъ рѣшено утвердительно.

— Хорошо, ты правъ... ты исполнишь свой завѣтъ... Твой подвигъ великъ, никто не имѣетъ права насиловать твоей совѣсти. Подойди ко мнѣ, твоя услуга не забывается.—Витовтъ протянулъ руку и поцѣловалъ молодого татарскаго витязя въ лобъ.

Тотъ не помнилъ себя отъ радости и горячо прильнулъ къ рукѣ великаго князя.

— Ну, теперь ступай къ воеводѣ Здиславу и скажи ему отъ меня, что сегодня послѣ трапезы я хочу съ нимъ переговорить.

Татаринъ вскочилъ на ноги, еще разъ ударилъ челомъ и мигомъ юркнулъ, сквозь собравшуюся кругомъ толпу царедворцевъ, разыскивать Бѣльскаго.

— Теперь твой чередъ, мой храбрый Кормультъ,—заговорилъ Витовтъ, обращаясь къ молодому литовскому витязю, стоявшему по правую сторону трона.

Тотъ подошелъ къ великому князю. Онъ былъ очень блѣденъ. Въ лицѣ ни кровинки, и широкая черная повязка вокругъ головы говорила ясно, что онъ своею кровью заплатилъ за вчерашнюю побѣду.

— Ты честно и доблестно исполнилъ свое слово, сынъ мой!—сказалъ Витовтъ:—и я, какъ государь, жалую тебя высоко и честно, отнынѣ ты думный бояринъ земли литовской и русской.

Молодой человѣкъ ударилъ челомъ. Онъ не сказалъ ни слова, очевидно было, что онъ ждалъ другой награды.

— Это не все, Кормультъ,—снова заговорилъ великiй князь:—я жаловалъ тебя, какъ государь, за подвиги смѣлости и храбрости, теперь жалую тебя, какъ отецъ, которому ты изловилъ убійцу его сыновъ.—На глазахъ Витовта блеснули слезы.—Ты взялъ въ плѣнъ злодѣя Зонненбурга, убійцу моихъ дѣтей, онъ получилъ заслуженную кару... А ты... ты будь моимъ сыномъ, даю тебѣ руку моей единственной дочери, княжны Раки.

Кормультъ не выдержалъ радостнаго извѣстiя, онъ закачался, и если бы его не поддержали толпившіеся царедворцы, упалъ бы

на землю. Радостныя слезы душили его, онъ не могъ выговорить ни слова.

Великій князь заключилъ его въ своихъ объятіяхъ. У него у самага слезы катились градомъ изъ глазъ. Онъ давно уже зналъ о пламенной любви своей дочери къ храброму молодому витязю, но не желая обидѣть сыновей старшихъ бояръ литовскихъ, которые могли бы обидѣться предложеніемъ, самъ подстрекнулъ молодого храбреца на подвигъ, который онъ и выполнилъ блистательно.

— Вивать! Въ честь новонареченнаго жениха и невѣсты!—воскликнулъ Витовтъ, и вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, подхватила это восклицаніе.

— Вивать! Да здравствуетъ, да живеть!—гремѣли кругомъ голоса, а Кормульть такъ, казалось, и замеръ на груди великаго князя.

Наконецъ онъ очнулся и бросился въ ноги Витовта.

— Великій государь, цѣной всей жизни не купить великую милость твою!.. Я чувствую, я еще недостойнъ ея.

— Сынъ мой, все, что ты сдѣлалъ для меня, какъ для отца, безцѣнно... Ты отомстилъ кровь моихъ несчастныхъ малютокъ... А мнѣ уже и въ дѣдушки пора.

Начались поздравленія и дружескія пожеланія жениху, со стороны всѣхъ его друзей и толпы царедворцевъ, хотя во многихъ кипѣла зависть... Молодой герой переходилъ изъ объятій въ объятія.

Великій князь хотѣлъ уже уйти въ свою палатку и оттуда на почетный столъ къ королю и брату, какъ вдругъ позади толпы царедворцевъ, сплошной массой обступившей доступъ къ шатру, послышался шумъ и движеніе. Человѣкъ, высокаго роста и атлетическаго сложенія, силился пробиться предъ лицо великаго князя. Онъ держалъ надъ головою какой-то свитокъ.

— Пропустить!—крикнулъ Витовтъ, и толпа царедворцевъ разступилась, давая проходъ незнакомцу.

Подойдя на нѣсколько шаговъ въ великому князю, проситель ударилъ челомъ и такъ и остался на колѣняхъ. Онъ былъ громаднаго роста, косая сажень въ плечахъ, а лицо его было украшено густою рыжей бородой, закрывавшей полъ груди.

— Кто ты и что тебѣ надо?..—спросилъ у него Витовтъ, смутно припоминая, что онъ вчера, во время боя, видѣлъ этого витязя въ самой жаркой свалкѣ.

— Я рыцарь изъ Трочнова, чешской коронной земли, по прозванію Янъ Жишка, гость въ королевскомъ войскѣ. Бью челомъ на слугу твоего Сѣдлецкаго Яна за поклепъ, безчестіе и чести поруху, и зову его на «поле» мечемъ, сѣкирой, копьемъ и всякимъ оружіемъ рыцарскимъ...

Подобныя вызовы на судъ Божій и въ тѣ времена бывали не часты, и поединокъ допускался только съ разрѣшенія государя.

— Въ чемъ же ты обвиняешь моего слугу и двухсотеннаго Сѣдлецкаго?

— Говорилъ онъ, государь, при послухахъ (свидѣтеляхъ), что будто я, со всѣми товарищами, вчера, еще до начала боя, къ нѣмцамъ переметнулся и, не принятый ими, вернулся вспять, и то безчестіе и мнѣ, и всѣмъ моимъ товарищамъ, могу только смыть кровью лжеца и хулителя!

Дѣло было весьма серьезно. Подобное обвиненіе въ измѣнѣ, на другой день боя, было самымъ тяжкимъ оскорбленіемъ, которое могъ нанести одинъ витязь другому; оно могло быть смыто только кровью или позорнымъ наказаніемъ солгавшаго предъ всѣмъ войскомъ.

— Позвать сюда Сѣдлецкаго,—приказалъ Витовтъ.

Строго поддерживая въ своемъ войскѣ воинскій духъ и честь рыцарства, великій князь строго слѣдилъ за подобными извѣтами и всегда лично разбиралъ дѣла чести.

Черезъ нѣсколько минутъ Сѣдлецкій былъ найденъ и приведенъ великокняжеской стражей. Онъ не зналъ, зачѣмъ зовутъ его къ государю и вспыхнулъ, увидавъ предъ нимъ Жишку.

Смутная исторія вчерашней попойки мигомъ пришла ему на память; онъ чувствовалъ, что онъ погибъ, но рѣшился лгать теперь до послѣдняго, надѣясь, хотя нахальствомъ спасти свою голову.

Онъ зналъ, что великій князь не любилъ шутить въ подобныхъ дѣлахъ, и что малѣйшій невѣрный отвѣтъ, малѣйшее колебаніе, могутъ стоить ему жизни и свободы.

— На тебя бьетъ челомъ рыцарь чешской короны Янъ Жишка изъ Трочнова,—началъ Витовтъ, пристально вглядываясь въ лицо Сѣдлецкаго:—что ты облыжными рѣчами укорилъ его честь, и при послухахъ называлъ его измѣнникомъ и предателемъ. Что скажешь ты на это?

— Не отопрусь, великій государь, отъ словъ моихъ,—съ напускнымъ жаромъ воскликнулъ Сѣдлецкій:—хоть говорилъ эти рѣчи не въ полномъ разумѣ, а выпилъ послѣ боя три чары меду хмѣльнаго, а все не отопрусь отъ своихъ словъ, истинно такъ; обозвалъ я этого «гостя-рыцаря» измѣнникомъ и говорилъ я, что онъ ѣздилъ до боя къ магистру крыжацкому, и мечъ свой продавалъ, и своихъ товарищей, да крыжаки ему не повѣрили, и съ великимъ безчестіемъ изъ своего стана изгнали... Такъ говорилъ и отъ словъ моихъ не отпираюсь.

Сѣдлецкій совсѣмъ оправился и смѣло глядѣлъ прямо въ глаза Витовта.

— Откуда же ты знаешь про это?—спросилъ уже гораздо мягче великій князь. Увѣренность, съ которой говорилъ Сѣдлецкій, начинала на всѣхъ и на него дѣйствовать какъ-то успокоительно.

— Онъ лжетъ, какъ песь!—рѣзко крикнулъ Жишка и бросилъ къ ногамъ Сѣдлецкаго свою желѣзную перчатку.

— Молчи!—крикнулъ на него Витовтъ:—теперь я говорю, твоя чередъ будетъ.

— Откуда ты могъ узнать эти подробности, ты же вѣдь не былъ въ станѣ рыцарей?—снова спросилъ онъ у Сѣдлецкаго.

— Мнѣ одинъ изъ плѣнныхъ, что кнехтомъ былъ при великомъ магистрѣ, вечеръ разсказалъ, когда рыцарь,—онъ указалъ на Жишку,—хотѣлъ его уже плѣннаго, какъ опаснаго послуха, прикончить...

— Онъ снова лжетъ! лжетъ, какъ песъ!—опять вырвалось у чешскаго рыцаря.

Витовтъ не обратилъ на его восклицаніе никакого вниманія.

— Гдѣ же этотъ плѣнный, веди его сюда, пусть онъ подтвердитъ крестнымъ цѣлованіемъ свои слова, и ты правъ передъ Богомъ, предъ нимъ,—сказалъ Витовтъ и указалъ на Жишку.

— Я не могу этого сдѣлать, плѣнный умеръ на зарѣ отъ ранъ и усталости, но клянусь шляхтенскимъ словомъ, я не утаилъ и не прибавилъ ни слова!

— Клянусь своимъ рыцарскимъ мечемъ, пятнадцатью честными ранами, которыя покрываютъ мою грудь, что я не былъ въ станѣ рыцарскомъ, что не замышлялъ измѣны, что этотъ шляхтичъ лжетъ, какъ смрадный песъ!

Въ толпѣ придворныхъ и витязей, окружавшей князя, послышались смутные голоса; одни держали сторону Сѣдлецкаго, другіе чешскаго рыцаря. Жишка въ порывѣ бѣшенства сжималъ рукой рукоять меча, готовый броситься на своего оскорбителя.

Сѣдлецкій, рѣшившійся сыграть опасную роль до конца, бодро держался прямо противъ своего соперника, хвастливымъ жестомъ положивъ руку на эфсъ своей разолоченной сабли.

Витовтъ подумалъ нѣсколько минутъ и наконецъ махнулъ рукой; шумъ и разговоры мгновенно умолкли.

— Тутъ быть не можетъ середины!—медленно произнесъ онъ:— одивъ изъ двухъ предстоящихъ благородныхъ витязей, наущенный дьяволомъ, изрыгаетъ ложь предъ лицомъ нашимъ... Судить межъ ихъ можетъ одинъ Господь Богъ всемогущій, а по сему повелѣваемъ: быть межъ нихъ „полю“ по обрядамъ и уставамъ рыцарскимъ, и не позже какъ завтра послѣ обѣденъ. Аминь!

— Поле! Поле!—загудѣло въ толпѣ. Но Витовтъ уже не слушалъ болѣе, ему давно надо было итти переодѣться, чтобы поспѣть на почетный столъ къ королю Владиславу Ягайллѣ!

XX

Поле.

Какъ ни храбрился панъ Сѣдлецкій предъ великимъ княземъ, но когда имъ было произнесено безповоротное рѣшеніе; быть „полю“ или „судебному поединку“, то окончательно упалъ духомъ.

Чешскій рыцарь, хотя и одноглазый, казался ему чѣмъ-то вродѣ Голіафа и Сампсона, и онъ теперъ съ ужасомъ видѣлъ, что, спасая свою жизнь и честь, въ эту минуту, предъ лицомъ

великаго князя, онъ тѣмъ самымъ предавалъ себя всецѣло мести врага, который, разумѣется, не пощадитъ его.

Мрачный и угрюмый сидѣлъ онъ въ своемъ шатрѣ, когда къ вечеру этого-же дня къ нему пришли два судныхъ пристава съ объявленіемъ времени и мѣста боя. Оружіемъ были назначены мечи, одинаковой длины и тяжести, доспѣхи по желанію, щиты же и кинжалы въ лѣвой рукѣ не допускались.

Пристава потребовали, чтобы въ тотъ же день до „звѣзды“, Сѣдлецкій назвалъ своихъ поручниковъ, т. е. свидѣтелей, для подписи грамоты и присутствованія при самомъ „полѣ“. По приказанію князя, мѣсто было указано на три полета стрѣлы отъ Танненбергской церкви, на ровномъ, зеленомъ лужку у озера; время—тогдашнѣ раннихъ обѣдней.

Когда ушли пристава, Сѣдлецкій словно очнулся. Онъ зналъ, что ему надо искать подручниковъ и не зналъ къ кому обратиться. Въ литовско-русскомъ войскѣ у него совсѣмъ не было пріятелей; надменное обращеніе и, главнымъ образомъ, хвастовство, оттолкнули отъ него скромныхъ суровыхъ литвиновъ, а русскіе, видя въ немъ завзятаго латынщика, чурались его. Да онъ и самъ бы не пошелъ къ схизматикамъ за поручниками.

Онъ вспомнилъ о своихъ единовѣрцахъ Янѣ и Яковѣ Бѣльскихъ, и не раздумывая долго, направился къ ихъ шатрамъ, расположеннымъ недалеко отъ ставки великокняжеской.

Въ ставку старшаго брата Яна шелъ пиръ горой; цѣлая сотня гостей—соратниковъ, пришедшая поздравить молодыхъ братьевъ Бѣльскихъ съ княжескою и королевскою милостью,—они оба были щедро награждены обоими государями,—не могла помѣститься подъ шатромъ и возсѣдала за большими походными столами, уставленными флягами съ заморскими винами и старой венгржиной, погавшими на долю братьевъ изъ военной добычи.

Увидавъ пиршество, Сѣдлецкій остановился въ нерѣшительности. Ему казалось неловкимъ смущать хозяевъ несвоевременною просьбой. Онъ хотѣлъ уже итти обратно, но его замѣтилъ одинъ изъ хозяевъ, панъ Янъ, и дружески пригласилъ выпить чару вина.

— Не до вина мнѣ, дорогой хозяинъ,—отозвался Сѣдлецкій:—завтра „поле“. Хотя я не беспокоюсь объ его исходѣ, мой мечъ сумѣетъ постоять за меня,—добавилъ онъ хвастливо;—одно горе, нѣтъ поручниковъ; въ нашемъ знамени или литвины язычники, или русскіе схизматики, обратиться не къ кому, не марать же мое шляхтянство, обращаясь къ худородному.

— Какъ, у благороднаго польскаго шляхтича нѣтъ поручныхъ? Быть этого не можетъ!.. Это срамъ и позоръ. Это я устрою, хотя бы самому мнѣ пришлось цѣловать за тебя крестъ... Ну, не печалься!! Эй, други, скорѣе чару фряжскаго моему другу пану Сѣдлецкому...

Сѣдлецкій просіялъ. Самъ панъ Бѣльскій, воинъ княжескаго рода, безъ его просьбы даже идетъ къ нему въ поручители. Онъ

взялъ поданную ему чару и смѣло вмѣшался въ толпу шляхтичей и пировавшихъ витязей.

Хотя панъ Сѣдлецкій ничѣмъ особымъ себя не выказалъ во вчерашнемъ бою и, умѣря свою всегдашнюю запальчивость, держался больше вторыхъ линій, но все-таки не убѣжалъ съ поля битвы, и въ послѣднюю минуту, когда сломленные нѣмцы дрогнули, былъ въ числѣ преслѣдующихъ и даже захватилъ нѣсколько плѣнныхъ, бросившихъ предъ нимъ оружіе. Его имя поэтому было записано въ числѣ отличившихся, и онъ съ гордостью могъ ожидать награды... Какъ вдругъ неосторожный споръ и ничѣмъ неоправданная клевета на рыцаря гостя довела его до „поля“.

— Спасибо, друзья и ратные товарищи, за дружеское поздравленіе съ монаршей милостью, а теперь надо поздравить еще одного витязя, который по чести получилъ наивысшую награду; выпьемъ за здоровье моего молодого друга, удалца изъ удалцовъ, Туганъ-мирзу. Онъ вчера съ боя заслужилъ свою невѣсту, мою кузину, пани Розалію... Вивать!!

— Вивать!—загремѣли голоса, и даже самъ виновникъ торжества Туганъ-мирза кричалъ самъ себѣ вивать, чуть ли не громче другихъ. Съ того времени, какъ князь Витовтъ объявилъ ему свою милость и обѣщаль руку его небесной гуріи, какъ онъ всегда называлъ панну Розалію, татаринъ просіялъ, онъ не чувствовалъ ногъ подъ собой и готовъ былъ броситься на шею даже вчерашнему врагу.

Увидавъ татарченка среди гостей Бѣльскаго и въ особенности услыхавъ тостъ, предложенный хозяиномъ, Сѣдлецкій сконфузился; у него были еще неоконченные счеты, неразрѣшенный закладъ съ молодымъ татаринкомъ. Онъ хотѣлъ остаться незамѣченнымъ, но Туганъ-мирза увидаль его, радостно вскрикнулъ и самъ пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Здравъ будь! Добро, джигитъ!.. Руку давай, товарищъ будешь, на моя свадьба приходи, гость будешь!..

Сѣдлецкій долженъ былъ протянуть руку и въ свою очередь поздравить Туганъ-мирзу.

— Вотъ, спасибо! Большой спасибо... Ты добро джигитъ, твой коняка добро коняка, я вечеръ видаль, какъ ты полонъ браль, добро конякъ! Ей добро полонъ... Добро джигитъ!

Сѣдлецкій просіялъ. Татаринъ въ излияніяхъ радости первый заявилъ предъ сонмищемъ всѣхъ этихъ витязей, что онъ геройски велъ себя во время вчерашняго боя. Это было важное свидѣтельство, на которое можно было легко и правдиво сослаться впоследствии.

— Отъ души, отъ души поздравляю,— снова проговорилъ онъ, и даже, какъ его ни претило, облобызался съ татаринкомъ.

— Панове,—вдругъ обратился Туганъ-мирза къ пирующимъ:— мой закладъ держаль съ паномъ,—онъ показаль на Сѣдлецкаго:— одна коняка на другая коняка, и клейнодъ мой... Я говорю теперь: Туганъ-мирза закладъ проиграль, вотъ мой клейнодъ,—

онъ снялъ съ руки перстень съ изумрудомъ:—пускай панъ пошлетъ свой нукеръ, какой хочетъ коняка у меня выбирай—его коняка!

Расщедрившійся съ радости татаринъ готовъ былъ отдать послѣднюю рубашку въ этотъ счастливый для себя день.

Хотя Сѣдлецкій чувствовалъ, что онъ обязанъ выигрышемъ заклада только душевному настроенію татарина, но все-таки онъ принялъ и перстень, и право выбора коня, безъ особаго восхищенія, даже съ нѣкоторой дозой гордости.—Вотъ-де, смотрите, каковъ я! А въ конѣ онъ дѣйствительно нуждался. Его аргамакъ, изъ-за котораго онъ заложилъ свой хуторъ, захромалъ вчера и отказался служить, а другого, запаснаго у пана не было.

Пиршество продолжалось своимъ чередомъ. Пили много, и пили долго, такъ что не только первая звѣзда появилась на небосклонѣ, но все темное небо заблестѣло мириадами яркихъ звѣздъ, когда среди группъ пирующихъ появились суровыя физиономіи приставовъ великокняжескихъ, чтобы получить отъ Сѣдлецкаго имена его поручниковъ.

— Я за него поручникъ!—воскликнулъ панъ Янъ Бѣльскій:—хотя онъ не моего знамени, но я знаю, что онъ витязь храбрый и стою за нимъ.

— А второй кто будетъ въ поручникахъ?—спросилъ приставъ, занося имя и титулъ поручителя въ хартію.

— Я за него порука!—воскликнулъ Туганъ-мирза, быстро выходя впередъ.—Я, князь Кипчакскій, Туганъ-мирза, сынъ Джелалетдина-мирзы.

— По статуту всей земли литовской и русской иновѣрцу, а паче некрещеному, поручителемъ быть не подобаетъ,—отозвался приставъ.

— Благодарю за честь, Туганъ мирза,—проговорилъ Сѣдлецкій,—но надѣюсь, что между ясныхъ пановъ найдется желающій поручиться за единовѣрца.

— А я-то развѣ не гожусь,—съ улыбкой сказала Яковъ Бѣльскій:—мы съ братомъ на полѣ бранномъ и на полѣ чести всегда неразлучны.

Приставъ поклонился и, записавъ втораго Бѣльскаго поручителемъ, еще разъ отдалъ поклонъ и ушелъ.

Его приходъ, казалось, отрезвилъ все общество. Поле было назначено на утро, послѣ раннихъ обѣденъ, т. е. чрезвычайно рано, и каждый понялъ, что и бойцу, и его поручителямъ надо и отдохнуть, и приготовиться.

Одинъ за другимъ разошлись молодые и старые витязи, сошедшіеся безъ зова къ ставкѣ Бѣльскихъ, и скоро хозяева остались одни съ Сѣдлецкимъ, да съ Туганомъ-мирзой, который ни за что не хотѣлъ покинуть своихъ будущихъ родственниковъ, ни Сѣдлецкаго, къ которому вдругъ воспылалъ нѣжностью.

— Поле дѣло великое,—сказалъ весьма серьезно Янъ Бѣльскій, когда они остались одни:—къ нему надо готовиться пуще,

чѣмъ къ бою войсковому. Тутъ ни одно упущеніе, ни одинъ недоглядъ не простится...

— Что же, у меня все кажется въ порядкѣ, и шоломъ, и броня, и мечъ,—огозвался Сѣдлецкій.

— Не въ мечѣ рѣчь, своимъ мечомъ биться никогда не приходится, законъ требуетъ, чтобы оба меча были одинаковой длины и вѣса, а можно ли у двухъ противниковъ сыскать равные мечи?

— Что же дѣлать въ такомъ случаѣ?—растерянно спросилъ Сѣдлецкій

— Нарочно берутъ въ арсеналѣ два новыхъ меча, одного вѣса и длины, чтобы не было нареканий, или приносятъ каждый свои, но только парные, и бьются тѣми, на какіе укажетъ жребій.

— У меня есть два меча, они достались мнѣ вчера изъ рыцарской добычи, они совсѣмъ новые,—воскликнулъ Сѣдлецкій:—я ихъ взялъ, чтобы повѣсить у себя дома на стѣнѣ, въ память великой битвы.

— Ну, вотъ и прекрасно, возьми ихъ съ собой, противникъ, вѣроятно, сдѣлаетъ тоже,—выборъ рѣшить жребій... Теперь другое дѣло; каковъ твой доспѣхъ, я его порядкомъ, не разглядѣлъ, а кажись, что онъ легонекъ.

— Напротивъ, онъ лучшей кованой стали, венеціанской работы, а колонтари и наручники кольчужные дѣдъ покойникъ изъ Царьграда вывезъ.

— Вотъ это-то и дурно,—воскликнулъ Яковъ Бѣльскій, который все время молчалъ:—твой противникъ гигантъ ростомъ и атлетъ силой, онъ ударомъ можетъ не прорубить твои кольчуги, а сквозь нихъ сломать твою руку, а это хуже всего. Возьми лучше кованые колонтари и наручники.

— У меня десять паръ есть, бери любой,—ввернулъ свое слово Туганъ-мираза. Сѣдлецкій поблагодарилъ. Послѣ замѣчанія Якова Бѣльскаго о силѣ противника, ему сдѣлалось совсѣмъ скверно на душѣ, и онъ рѣшился не пренебрегать ничѣмъ, чтобы выйти цѣлымъ и невредимымъ изъ роковаго боя.

Долго еще будущій боецъ и его поручители обсуждали возможные случайности поединка, приводили случаи, бывшіе на нѣкоторыхъ извѣстныхъ поляхъ, при чемъ судьбы порой рѣшали побѣду не за тѣмъ, кто побѣдилъ, а за тѣмъ, кого, очевидно, спасалъ промыселъ Божій, или какое либо дивное знаменье, и наконецъ разошлись.

Сѣдлецкій, мрачный и задумчивый, пришелъ близъ полуночи въ свою палатку. Незнѣтность, чѣмъ кончится завтрашній бой, томила его. Онъ бросился на постель, постланную въ углу шатра, и закрылъ глаза. Такъ пролежалъ онъ нѣсколько минутъ, словно въ забытіи. Вдругъ ему показалось, что кто-то крадется къ его шатру и затѣмъ поднимаетъ полотняную дверь.

— Не бойся, панъ ясный, это я,—послышался знакомый голосъ его слуги, стараго Хмыря, безроднаго литвина, котораго онъ приютилъ на своемъ хуторѣ.

— Что тебѣ надо, я хочу спать,—рѣзко отозвался Сѣдлецкій.
— Какъ можно спать въ такую ночь... Слышалъ я, панъ ясный, что у пана „судъ Божій“ съ тѣмъ рыжимъ чехиномъ, что на чорта похожъ.

— А тебѣ-то что! Убирайся, дай мнѣ спать.

— Спать, ой, ой, ой, панъ хочеть спать... Какъ можно спать...

— Что же по твоему дѣлать?

— Богу молиться, Пану Богу!.. Маткѣ Божской..

— Помолись ты за меня, я не могу,—отозвался Сѣдлецкій.

— А гдѣ броня (оружіе), которой панъ будетъ биться?—переспросилъ литвинъ.

— На какихъ мечахъ не знаю, можетъ быть на этой парѣ, можетъ на его.—Сѣдлецкій указалъ на два рыцарскихъ меча, висѣвшихъ надъ его ложемъ. Они были безъ ноженъ, но по полировкѣ клинковъ видно было, что они изъ хорошей стали.

— Дозволь мнѣ, ясный панъ, надъ ними поворожить и Богу помолиться!..—Снова спросилъ Хмырь—Я отъ отцовъ и дѣдовъ одинъ заговоръ знаю...

— Заговоръ!—Сѣдлецкій даже привскочилъ на ложѣ.—Избави меня Іезусъ Марія отъ наговоровъ, колдовства и злыхъ духовъ!—Онъ перекрестился.

— И, панъ ясный, ни колдовства, ни злыхъ духовъ, тѣфу!—онъ сплюнулъ:—не будетъ, нужна имъ только страстная свѣчка, да капелька святой водицы... Да у меня и то и другое есть въ запасѣ. Дозволь, врагъ то твой больно лѣтъ, безъ молитвы, да безъ заклятія выходить опасно. Дозволь!

Послѣ минутнаго колебанія Сѣдлецкій согласился; очевидно, ни молитва, ни заклинаніе, ни святая вода со страстной свѣчей не могли испортить дѣла, а онъ самъ, какъ и всѣ люди въ его вѣкъ, вѣрилъ во все чудесное...

Получивъ разрѣшеніе, старый Хмырь ушелъ и тотчасъ вернулся съ зажженной свѣчей желтаго войска и небольшимъ пузыркомъ со святой водой.

Взявъ оба меча, онъ долго ихъ разсматривалъ, гнулъ на колѣно и ощупывалъ лезвіе; потомъ выбралъ одинъ изъ нихъ, и верхка на четыре отъ рукоятки сталъ накаливать на свѣчкѣ лезвіе. Сталъ сначала пожелтѣла, потомъ покраснѣла, посинѣла и затѣмъ стала совсѣмъ чернаго цвѣта. Хмырь немедленно полилъ это мѣсто святой водой изъ стекляночки. Сталъ зашипѣла и клубъ пара поднялся отъ клинка.

Во все время этой операціи онъ бормоталъ неясныя слова, не то молитвы, не то заклинанія, и затѣмъ нѣсколько разъ перекрестилъ и поцѣловалъ клинокъ.

Сѣдлецкій все съ возрастающимъ любопытствомъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ слуги. Но старый Хмырь еще не кончилъ своего дѣла. На клинкѣ меча видѣлось теперь большое черное пятно съ синими краями, явилась улика совершенной операціи. Но старый литвинъ зналъ свое дѣло. Онъ досталъ изъ

кармана сверточекъ съ коричневымъ порошкомъ и обыкновенную пробку, и взявъ немного порошка на нее, сталъ легонько отчищать клинокъ. Эта послѣдняя операція продолжалась недолго; скоро клинокъ заблестѣлъ по прежнему, и на его блестящей поверхности не осталось ни малѣйшаго пятнышка. Взявъ затѣмъ другой мечъ, старый литвинъ только полилъ его святой водой, да провелъ легонько восковой свѣчкой по его блестящей поверхности. Чуть замѣтная сальная черточка появилась на мечѣ.

— Вотъ, ясный панъ, и все кончено... Помолись усердно Маткѣ Божской, чтобы тебѣ въ руки попалъ вотъ этотъ мечъ,— онъ подавъ второй въ руки пана.

— А тотъ?— быстро переспросилъ Сѣдлецкій.

— Будущее скрыто въ руцѣ Господеи, какъ-то таинственно отозвался Хмырь, и прежде чѣмъ панъ успѣлъ потребовать объясненія, погасилъ свѣчу и юркнулъ изъ шатра.

Все это произошло такъ неожиданно, что Сѣдлецкій, въ первую минуту по уходѣ старика, счелъ всю эту сцену за сонъ или видѣнiе, но одинъ изъ мечей, именно тотъ, который онъ долженъ былъ выбрать для себя, былъ въ его рукахъ и это ощущенiе возвратило его къ дѣйствительности.

Онъ отчасти понялъ операцію, которую произвелъ старый слуга надъ однимъ изъ мечей; сталъ была откалена и должна была измѣнить при сильномъ ударѣ. Слѣдовательно, оружіе было подложное... безчестное... Но вѣдь и клевета была тоже дѣломъ непохвальнымъ. Двѣ подлости... Двѣ подлости, а если узнаютъ, а если догадаются!..—мысленно говорилъ онъ самъ съ собой.— Но развѣ могутъ меня обвинить, мечи не мои, только вчера получилъ я ихъ въ добычу!.. Нѣсколько разъ еще врожденная честность старалась бороться противъ затѣваемой подлости, но практичность и полная безнаказанность были такъ заманчивы, что панъ Сѣдлецкій задремалъ, не выпуская изъ рукъ меча, чтобы какъ-нибудь не перемѣшать его съ другимъ въ ночной темнотѣ.

Онъ уснулъ, но страшный мучительный сонъ тотчасъ сковалъ его въ свои ледяныя объятія. Ему ясно, со всѣми подробностями и такъ живо, словно на яву, представился завтрашній бой. Громадная, рыжая бородатая фигура чешскаго рыцаря бросалась на него, въ мгновение ока свергала его на землю и, поставивъ колѣно на грудь, требовала признанія въ клеветѣ...

И тоже видѣнiе повторялось нѣсколько разъ... И всякій разъ конецъ былъ одинъ и тотъ же—позоръ на всю польско-литовскую рать.

Свѣтало. Станъ еще спалъ, только сторожевые ратники перекликались между собою. Кони фыркали у коновязей. Въ станѣ маркитантовъ, пріотившихся теперь подъ группою дубовъ, росшихъ среди самаго центра боя, начиналось движеніе. Прислуга убирала и очищала столы, заваленные остатками вчерашней по-

пойки, и покрывала ихъ скатертями. Вокругъ этихъ импровизированныхъ винооторговель, прямо на землѣ, полузакрытые въ травѣ, валялись, словно трупы, тѣла пьяницъ, бражничавшихъ цѣлую ночь и не имѣвшихъ силы вернуться къ своимъ шатрамъ. Большинство ихъ было изъ наемныхъ солдатъ, изъ тѣхъ „дешевыхъ людей“, которыхъ такъ чуждались представители польскаго, земскаго войска, но атакъ которыхъ, въ критическій моментъ боя, они обязаны были побѣдой.

Вчера вечеромъ они получили свое жалованье и свою долю добычи и весело спускали и то и другое то въ кости, то въ орлянку... Они рисковали своей жизнью за гроши и ставили теперь ихъ ребромъ... Только утомленіе, да ночная тьма прервали ихъ оргію, но съ разсвѣтомъ она должна была начаться снова, чтобы продолжаться безъ перерыва до полуночи, или до проигрыша послѣдняго гроша.

Первые лучи солнца скользнули по затуманеннымъ полямъ и лугамъ и весело заиграли въ легкимъ облачкамъ, плывшимъ по яркой лазури неба. Стада хищныхъ птицъ закружились надъ мѣстомъ побоища, отыскивая въ травѣ еще не убранные трупы. Да и кому было очень заботиться объ этомъ. Торжествующіе побѣдители подобрали своихъ, да часть враговъ, лежащихъ вмѣстѣ, и братская могила, выкопанная плѣнными вблизи Танненберга, скрыла ихъ подъ высокимъ холмомъ.

Татары собрали своихъ очень усердно, но многихъ и многихъ не могли досчитать. Въ моментъ перваго разгрома ихъ орды, многие изъ нихъ бѣжали въ паническомъ страхѣ и еще не возвращались.

Рыцари—но кому объ нихъ было заботиться... Кромѣ отвращенія и ненависти, они не возбуждали ничего не только во врагахъ, но въ собственныхъ подданныхъ союзникахъ, поморянахъ, хельминцамъ и даже нѣмецкихъ горожанамъ, насильно приведенныхъ на поля Грюнвальда.

Кто не былъ взятъ въ плѣнъ, давно уже ограбленъ или татарами, или своими же кнехтами, и теперь чернѣющимъ трупомъ, нагой и забытый, лежалъ и графъ, и баронъ, и грозный комтуръ, рядомъ со своимъ рабомъ и смердомъ. Ихъ забыли люди, но не забыли черныя птицы, зловѣщимъ карканьемъ сзывавшія свою черную братію на невиданный кровавый пиръ.

Отъ дальней танненбергской церкви послышался звонъ колокола, призывавшій къ заутрени. Въ лагерѣ начиналось движеніе. Нѣсколько десятковъ рабочихъ подъ надзоромъ обоихъ приставовъ, «у поля» обносили кольями и цѣпями большой кругъ, въ тридцать саженой, для поединка. Благо цѣпей было много разыскано въ обозѣ рыцарскомъ, ихъ рѣшено было употребить вмѣсто мочальныхъ или пеньковыхъ канатовъ, обыкновенно употреблявшихся въ такихъ случаяхъ.

Заслыша звонъ церковнаго колокола, со всѣхъ концовъ стана къ церкви потянулись молящіеся. На этотъ разъ ихъ собралось

гораздо больше обыкновеннаго, всёх манило любопытство посмотреть „поле“, въсть о которомъ разнеслась еще съ вечера по всему лагерю.

Проснулся и Сѣдлецкій. Полоска дневнаго свѣта, пробившагося сквозь пологъ шатра, рѣзнула ему глаза. Онъ быстро поднялся на ложѣ и съ тревогой обвелъ взоръ вокругъ себя. Сновидѣніе, или вѣрнѣе кошмаръ, были еще такъ живы, что дѣйствительность казалась только продолженіемъ сна. Мечъ, съ вечера такъ и замершій въ рукѣ Сѣдлецкаго, казался, еще больше подтверждалъ эту увѣренность. Только совсѣмъ очнувшись и оглядѣвшись кругомъ, Сѣдлецкій опомнился. Всѣ происшествія вчерашняго дня, вызовъ поручителя, и конецъ колдовство Хмыря надъ мечами, припоминалось ему отчетливо.

Подъ впечатлѣніемъ перваго чувства гадливости, онъ отбросилъ отъ себя мечъ, бывшій всю ночь въ его рукѣ, и быстро началъ одѣваться. Онъ не звалъ слуги. Ему противенъ былъ видъ стараго литвина... Онъ боялся на его лицѣ прочесть укоръ своей совѣсти, но старый Хмырь, услыхавъ шорохъ въ палаткѣ господина, самъ и безъ зова взошелъ къ нему и молча сталъ подавать одну за другой принадлежности туалета.

Увидавъ брошенные на коверъ мечи, онъ поднялъ ихъ, старательно осмотрѣлъ и повѣсилъ на прежнее мѣсто надъ изголовьемъ. Полоска, сдѣланная восковой свѣчей на блестящемъ клинкѣ меча, была довольно замѣтна при дневномъ свѣтѣ. При желаніи, ошибиться мечами было невозможно.

Сѣдлецкій одѣвался словно на балъ, или большое пиршество, въ лучшія вещи своего гардероба; сѣрый сархатный колетъ, съ малиновыми выпушками, стягивалъ его стройную талію. Желтые сафьянные сапоги, съ серебряными пряжками, надѣтые поверхъ вплотную обтянутыхъ сѣрыхъ шелковыхъ брюкъ съ буффами, довершали его костюмъ. Надѣтъ оружіе, по обрядамъ шляхты, онъ долженъ былъ уже на самомъ мѣстѣ боя.

Онъ былъ уже совсѣмъ готовъ, когда отъ Танненбергской церкви послышался троекратный сигналъ рога, призывающаго поединщиковъ къ священному полю суда Божія.

Приказавъ своимъ конюхамъ, одѣтымъ къ случаю въ лучшее плетье, нести вслѣдъ за собой кирасу, шлемъ, колонтари и присланные еще съ вечера Туганомъ-мирзой наручники, Сѣдлецкій вышелъ изъ ставки, одѣтый франтовски, въ большихъ перчаткахъ, съ крагами, но безоружный. Мальчикъ лѣтъ пятнадцати, сынъ его старосты, одѣтый пажемъ, несъ за нимъ слѣдомъ оба рыцарскіе меча, на шитой подушкѣ. Словомъ, польскій франтоватый шляхтичъ сказывался въ Сѣдлецкомъ на каждомъ шагѣ.

До церкви было не особенно далеко и уже отъ ставокъ было видно, что большая толпа ждетъ начала боя.

Со всёхъ сторонъ лагеря ѣхали и шли воины и офицеры союзнаго войска. Сѣдлецкій пожалѣлъ, что онъ не могъ приска-

коть верхомъ; его аргамакъ хромаль, а послать къ татарину за конемъ, въ утро боя, онъ считаль недостойнымъ своей чести.

Оба Бѣльскихъ были уже на мѣстѣ и съ нетерпѣніемъ поджидали своего поручника. Чешскій витязь изъ Трочнова былъ уже тутъ и довольно весело разговариваль съ своими поручителями, „также какъ и онъ, избранными изъ числа“ рыцарскихъ гостей, т. е. чешскихъ рыцарей.

Масса наемныхъ воиновъ, чеховъ, моравовъ, валаховъ, тѣснилась позади рыжаго рыцаря. Они нарочно пришли сюда, чтобы поддержать „своего“, такъ какъ знали, что поляки и литовцы горой будутъ стоять за единовѣрца и шляхтича.

Антагонизмъ, таившійся между земскимъ польскимъ войскомъ и наемнымъ, сильно обострился при дѣлежѣ добычи, и только благодаря благоразумію начальниковъ, расположившихъ оба войска отдѣльными станами, не происходило серьезныхъ беспорядковъ.

Съ противоположной стороны, именно позади двухъ пановъ Бѣльскихъ, толпились представители шляхтича великой Польши. Почти вся лапотная шляхта, поднявшаяся какъ одинъ на одно общее дѣло борьбы съ нѣмцами, была здѣсь.

Шляхтичи шли, чтобы подбодрить словомъ и сочувствіемъ «своего» родовитаго шляхтича, отданнаго якобы на жертву «дешевому человѣку».

Появленіе Сѣдлецкаго, пришедшаго какъ разъ во-время, т. е. до второго трубнаго сигнала, произвело въ ихъ толпѣ даже нѣкоторое радостное волненіе.

Хотя Сѣдлецкій былъ нѣсколько блѣднѣе обыкновеннаго, но онъ шель самоувѣренно и гордо, а изысканный костюмъ еще болѣе оттѣняль его красоту.

Онъ съ поклономъ подошелъ къ своимъ поручителямъ и они вмѣстѣ вошли въ огороженный кольями и цѣпью кругъ. Пристава уже были тамъ.

Чешскій рыцарь и его поручители сдѣлали тоже. Слѣдомъ въ арену вошелъ капелянъ и два клирика, поставившіе аналой.

Поручители, а вмѣстѣ съ ними и пристава у поля, сдѣлали провѣрку мечей, но такъ какъ у чешскаго рыцаря была боевая рапира или двуручникъ, гораздо длиннѣйшая обыкновенной мѣры, а запасныхъ мечей не было, то, какъ и предполагаль Бѣльскій, рѣшено было, что для боя воспользуются рыцарскими мечами, принесенными пажемъ Сѣдлецкаго.

Рыцарь изъ Трочнова остался этимъ крайне недоволенъ. Онъ привыкъ дѣйствовать въ бою своимъ тяжелымъ и длиннымъ мечемъ и выразилъ свое сожалѣніе объ этомъ.

— А пусть ясный панъ подойдетъ ближе, — съ улыбкой замѣтилъ Яковъ Бѣльскій, — мечи оба равны... — Въ рядахъ шляхтичей послышался смѣхъ.

— Мнѣ все равно!.. — отозвался рыцарь, — Господь Богъ за правое дѣло...

— Отецъ капелянъ, благословите мечи и приведите къ при-

сягѣ судящихся судомъ Божиимъ!—обратился снова Бѣльскій къ капеляну. Какъ старшему, ему поручено было всѣми поручителями руководить боемъ.

Капельянъ раскрылъ Евангеліе, оба бойца, въ сопровожденіи поручителей и приставовъ, подошли къ аналою.

— Клянусь Богомъ всемогущимъ,—началь капелянъ читать слова присяги:—въ предстоящемъ мнѣ бою, полагаясь единственно на милость и правосудіе Божіе, не искать иной защиты, какъ въ крѣпости своихъ мышцъ и въ десницѣ своей, управляемой промысломъ Всемогущаго. А также клянусь не употреблять ни наговора, ни заговора, ни оружія заговореннаго, ни волшебнаго талисмана, ни помощи діавола, памятуя, что я во всемъ этомъ дамъ отчетъ на страшномъ судѣ Господнемъ. Аминь!

Оба противника, поднявъ къ верху два пальца, повторяли за капеляномъ слова присяги. Когда дошло до словъ „ни оружія наговореннаго“, Сѣдлецкій почувствовалъ, что краска приливаетъ къ его лицу, но сдѣлавъ сильное нравственное усиліе, онъ не выдалъ себя и твердо повторилъ слова присяги.

Послѣ торжественной клятвы, всѣ, и бойцы, и поручители, поцѣловали крестъ и Евангеліе. Обрядъ было оконченъ. Капельянъ благословилъ мечи, положенные теперь на аналоѣ, и бойцы начали вооружаться.

Въ то время, когда капелянъ читалъ молитву надъ мечами, которая имъ разрѣшала бой, по правосудію Божію, Сѣдлецкій ясно замѣтилъ, что мечъ съ восковой помѣткой на клинкѣ лежалъ рукоятію въ его сторону. Кровь снова прилила ему къ сердцу... Само Провидѣніе, очевидно, хотѣло, чтобы именно этотъ мечъ достался ему.

Началась церемонія одѣванья бойцовъ, сопровождавшаяся различными обрядами; наконецъ, оба были готовы и съ поднятыми забралами, опять таки въ сопровожденіи поручителей и приставовъ, направились къ аналою, чтобы взять мечи.

Телерь колебаться и раздумывать было поздно. Если бы даже у Сѣдлецкаго заговорила совѣсть, ему уже нельзя было, не выдавая себя, взять не тотъ мечъ, который приходился не съ его стороны... Каждый могъ подумать, что онъ имѣетъ свои причины брать тотъ мечъ, а не этотъ... Но Сѣдлецкій, въ виду грозящей опасности, совсѣмъ забылъ о мученіяхъ совѣсти, напротивъ, онъ нѣсколько опередилъ соперника и смѣлымъ движеніемъ схватилъ мечъ, отмѣченный Хмырой. Теперь онъ былъ увѣренъ въ побѣдѣ... а побѣда для него было все, и слава, и честь, и богатство и, главное, рука Зоси... онъ не колебался и схватилъ мечъ. Рыцарь изъ Трочнава медленно взялъ другой. Пристава развели бойцовъ, подѣлили между ними „свѣтъ и вѣтеръ“ и затѣмъ отошли къ оградѣ арены.

— Начинайте! во имя Божіе!—громко скомандовалъ Яковъ Бѣльскій и противники устремились другъ на друга.

Сѣдлецкій былъ не изъ послѣднихъ по силѣ, но сравнительно съ чешскимъ рыцаремъ Жишкою казался мальчикомъ. Тотъ шель самоувѣренно, какъ на вѣрную побѣду, рассчитывая, что одного удара меча по шлему будетъ достаточно, чтобы сбить съ ногъ дерзкаго оскорбителя. Онъ крутилъ мечемъ, какъ перышкомъ и, еще не нападая, обошелъ дважды своего врага, казалось, застывшаго въ выжидательной позѣ. Сѣдлецкій понималъ, что ему нельзя терять силы, размахивая тяжелымъ рыцарскимъ мечемъ.

Наконецъ, чешскій рыцарь рѣшился, онъ выждалъ моментъ и, размахнувшись съ плеча, нанесъ ударъ Сѣдлецкому. Сѣдлецкій успѣлъ встрѣтить мечъ мечемъ, но сила удара была такова, что онъ самъ едва не выронилъ свой, а мечъ Жишки звеня разлетѣлся на двѣ части.

Этого, очевидно, и ждалъ Сѣдлецкій, онъ быстро отпрянулъ и въ свою очередь нанесъ сильный ударъ по шлему своего безоруженнаго противника.

— Довольно! Стойте! Прекратите бой!—заревѣли со всѣхъ сторонъ товарищи чешскаго рыцаря.

— Бей его! Кончай его!—кричали въ свою очередь шляхтичи.

— Довольно! Довольно! Остановитесь! Довольно! Не смѣй бить безоруженнаго!—ревѣли чехи и моравы.

— Такъ его, бей! Кончай измѣнника!—гремѣла въ свою очередь шляхта.

Между тѣмъ Жишка, видя, что онъ безоруженъ, но поназдѣявшись на свою богатырскую мощь, бросился прямо съ голыми руками на своего противника и обхватилъ его стальными объятіями.

Въ ту же секунду пристава и поручители бросились къ бойцамъ и разняли ихъ. Стальной нагрудникъ Сѣдлецкаго спасъ его отъ медвѣжьихъ объятій чешскаго богатыря...

— Мечъ! Дайте мнѣ мечъ,—задыхаясь отъ волненія, кричалъ Жишка.—Мы будемъ продолжать бой.

— Судь Божій совершенъ!—отозвались единогласно всѣ поручители, переговоривъ между собой.—Другого меча нѣтъ, и быть не можетъ!

— Господь возсталъ противъ тебя, рыцарь изъ Трочнова,—закончилъ Бѣльскій,—ты побѣжденъ, и мы объявляемъ, что рыцарь панъ Юсифъ Сѣдлецкій, герба Ястжцебца, правъ предъ Богомъ, людьми и тобою по обвиненію въ клеветѣ!

Чешскій богатырь поднялъ голову, глаза его сверкали дикою ненавистью.

— Если это судь Божій, такъ лучше бы мнѣ было искать суда людскаго и застрѣлить эту гадину, какъ собаку!..—крикнулъ онъ.

— Онъ правъ! онъ правъ!—ревѣли кругомъ его товарищи...

— Горе шляхтичамъ, горе предателямъ!

— Всякій споръ объ этомъ излишенъ!—громко произнесъ Бѣль-

скій,— уставъ и обычай „Поля“ гласятъ, что потерявшій или сломавшій оружіе, онаго лишается...

— Такъ почему же вы не дали мнѣ задушить его, какъ щенка!— воскликнулъ Жишка.— я бы и безъ оружія справился съ вашимъ шляхетскимъ заморышемъ.

— Онъ оскорбляетъ шляхту!.. смерть! смерть ему!—загремѣли кругомъ голоса лапотной шляхты.

— Какъ онъ смѣетъ, „дешевый человекъ“, оскорблять насъ!?— выскочивъ впередъ на арену, крикнули двое изъ представителей лапотной шляхты, извѣстные богатыри и задиры великопольскіе, братья Ладецкіе.— Какъ онъ смѣетъ, зовемъ его на бой, отъ лица всей шляхты!..

— Бей шляхту! бей лапотниковъ!—кричали въ свою очередь „дешевые люди“:—если бы не мы, гнали бы васъ крыжаки до Кракова!..

Это новое оскорбленіе со стороны шляхты не осталось безъ отвѣта, со всѣхъ сторонъ въ воздухѣ засверкали сабли и мечи. Напрасно Бѣльскіе и пристава старались успокоить толпу, прося разойтись: шумъ дѣлался все сильнѣе, нѣсколько человекъ перепрыгнуло черезъ цѣпи на арену. Казалось, рукопашная стычка неминуема. Какъ вдругъ отъ лагеря пронеслись радостные крики и, окруженный блестящей свитой, самъ великій князь Витовтъ показался на пригоркѣ, позади бушевавшей толпы.

Мгновенно все смолкло. Толпа раздалась, и въ средину круга вѣхалъ самъ князь и часть его свиты.

Всѣ обнажили головы. Многие преклонили колѣна.

Князь окинулъ взоромъ всю толпу, кое-гдѣ еще сверкали сабли, что владѣльцы не успѣли вложить въ ножны.

— Храбрые и благородные витязи велико и малопольскіе, и вы, храбрые гости и рыцари иноземные... Въ эти великіе и торжественные дни, пусть исчезнетъ межъ васъ всякая рознь... Господь даровалъ намъ побѣду надъ нашими исконными врагами—надо радоваться и ликовать, а не точить мечи къ братоубійству... Объявляю поле конченнымъ... Какъ Богъ судилъ, пусть такъ и будетъ... За каждымъ осталась его честь и правда... Зову васъ всѣхъ на великій пиръ, ко мнѣ и къ моему брату и другу королю Ягайллѣ Ольгердовичу... А завтра походъ... походъ на самое гнѣздо крыжацкое, на Мариенбургъ... Будемъ воевать съ нимъ, пока не обломимъ роговъ у этихъ дьяволовъ въ образѣ чело-вѣческомъ—завтра походъ!!

— Вивать!—Вивать! загремѣли сотни, тысячи голосовъ, и вся толпа, забывая минутное увлеченіе и рознь, двинулась къ королевскимъ ставкамъ, гдѣ уже цѣлая армія слугъ устанавливала цѣлые ряды жареныхъ быковъ и вепрей, и выкатывала бочки вина, пива и меда. Начинался пиръ на все союзное войско.

«Паны рады».

Велико было торжество въ польскомъ станѣ по случаю великой, невиданной побѣды, но Витовту, привыкшему пользоваться плодами своихъ побѣдъ, не до торжества, ему во что бы то ни стало, хотѣлось двинуть рать впередъ и взятіемъ Маріенбурга въ конецъ уничтожить гнѣздо нѣмецкихъ рыцарей.

Отъ всѣхъ своихъ передовыхъ отрядовъ ежечасно получалъ онъ извѣщенія, что города восточной Пруссіи, одинъ за другимъ, сдавались на милость союзниковъ, и что жители съ охотой присягали на вѣрность новымъ властителямъ. Дикое, и безчеловѣчное иго рыцарскаго правленія было имъ нестерпимо, и они открывали ворота, едва отряды союзниковъ появлялись подъ стѣнами городовъ и укрѣпленныхъ замковъ.

Но что нѣсколько смущало Витовта, этого дальновиднаго политика и государственнаго человѣка — это формула присяги, которую подписывали сдавшіеся и поступавшіе въ подданство... Они клялись «коронѣ польской», т.-е. иными словами, только королю Владиславу II (Ягайллѣ), а не ему, великому князю Литвы и Руси.

Оставшись наединѣ со своимъ братомъ и другомъ Ягайллою, онъ спросилъ его, съ его-ли приказанія такъ поступаютъ паны, и Ягайлло поклялся ему на крестѣ и евангеліи, и на всѣхъ своихъ реликвіяхъ, что ни словомъ, ни помысломъ не участвовалъ въ этомъ нарушеніи союзниковъ правъ, что это дѣло «пановъ рады», что когда будетъ кончена война—они разочтутся во всемъ по братски...

— Ты знаешь, мой дорогой братъ и другъ, — воскликнулъ наконецъ Ягайлло въ экстазѣ:—что тебѣ одному я обязанъ славой этого дня, что если бы не ты подготовилъ войска и союзниковъ, раздавили бы меня съ моими польскими войсками треклятые нѣмцы! И мнѣ ли обдѣлить тебя... друга и брата...—Слезы катились по сухошавому лицу Ягайллы. Витовтъ тоже прослезился и ратные товарищи обнялись горячо.

— Еще одна просьба,—началъ Витовтъ:—времени терять нечего, вели подымать рать, не дадимъ скрыться и устроиться крыжакамъ, заберемъ беззащитный Маріенбургъ и оттуда предпишемъ миръ нѣмцамъ.

— Ой, нельзя! какъ итти отсюда, не отпраздновавъ побѣды... Никакъ невозможно!—воскликнулъ Ягайлло.—Чѣмъ упорнѣе побѣда, тѣмъ должно больше оставаться на мѣстѣ побоища, чтобы весь миръ зналъ, что я побѣдилъ и жду вторичнаго нападенія. Это рыцарскій обычай—и не мнѣ разрушать его.

— Пусть такъ, но это дѣлается тогда, когда побѣда сомнительна, когда отраженный врагъ только отступилъ отъ мѣста боя,—но

вѣдь наша побѣда несомнѣнна, отступившихъ нѣтъ, есть только убитые, плѣнные и бѣжавшіе, да и тѣхъ мало... Какое же сомнѣніе можетъ быть въ нашей побѣдѣ... Кто можетъ опасивать ее.. Гросмейстеръ я и маршалъ, и всѣ чиновники ордена легли отъ меча и аркана... Впередь, впередь, дорогой братъ... Возьмемъ Маріенбургъ, сокрушимъ послѣдній оплотъ крыжаковъ и дадимъ вѣчный миръ нашимъ землямъ.

— Хорошо.. ты правъ, мой дорогой братъ, но я не могу рѣшить подобнаго важнаго дѣла, не созвавъ „пановъ рады“, пусть они скажутъ, что дѣлать.

Витовтъ вспыхнулъ и отступилъ на два шага отъ Ягайлы.

— Ты-ли это, сынъ Ольгерда, внукъ Гедимина, говоришь такъ!.. Ты, прославленный герой, ты, водившій къ побѣдамъ многія знамена, ты боишься какихъ-то „пановъ рады“. Ты, король на Великой Польшѣ и на Краковѣ, хочешь слушать какихъ-то крикуновъ, опомнись!.. Помни, что всегда эта вольница губила Польшу—будь властелинъ, какъ я, какъ твой отецъ, какъ нашъ дѣдъ Гедиминъ, тогда ты будешь великъ и силенъ.

— Хорошо тебѣ говорить такъ, сидя на Литвѣ... ты самъ кровный литвинъ, сынъ ея обожаемаго героя Кейстута, а каково мнѣ? Что я полякамъ?! Бывшій мужъ ихъ королевы Ядвиги и больше ничего... Они вѣрятъ въ мою счастливую звѣзду и покорны мнѣ—это правда, пока она сіяетъ ярко—а случись что, не спасутъ меня ни воспоминаніе моей супруги, ни память побѣдъ, ни то могущество, до котораго я довелъ Польшу,—оно противъ меня же обратится. Нѣтъ, дорогой братъ и другъ... Пусть рѣшаютъ „паны рады“,—и будь по ихнему.

Витовтъ въ первый разъ слышалъ отъ Ягайлы подобныя слова, и это говорилъ монархъ, чуть не тридцать лѣтъ уже царившій въ Польшѣ, герой и администраторъ, какихъ еще не видывалъ польскій народъ. Улыбка недовѣрія смѣнилась легкой усмѣшкой жалости; дѣйствительно, Ягайло былъ жалокъ въ эту минуту.

— Ну такъ быть по твоему, зови пановъ рады, только дай мнѣ поговорить съ ними.

— Избави Боже!—воскликнулъ въ испугъ Ягайло:—твоего вмѣшательства будетъ достаточно, чтобы они постановили совсѣмъ противное рѣшеніе.

— Это какъ такъ?—въ свою очередь переспросилъ литовскій князь.

— Ахъ, не знаешь ты еще моихъ совѣтниковъ... Нѣтъ людей подозрительнѣе, заносчивѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ упрямѣе моихъ пановъ великой рады. Достаточно, однако, чтобы ты требовалъ бы одного, чтобы они, по своей дикости, нарочно сдѣлали наперекоръ, только потому, что ты это предложилъ, а не они... Нѣтъ, уже лучше пусть они рѣшаютъ, какъ хотятъ, а я посмотрю, можетъ быть мнѣ и удастся съ ними поладить... Помнишь, братъ,—продолжалъ онъ грустно:—какъ я завидовалъ тебѣ, въ мой

пріѣдъ въ Брестъ—теперь заведу тебя еще больше... Ты ведешь войска, ты заключаешь союзъ и ведешь войну съ кѣмъ хочешь, и какъ хочешь, а я скованъ этимъ глупымъ стадомъ совѣтниковъ, и долженъ сообразать свои дѣйствія съ ихъ совѣтами... Я бы съ радостью отдалъ свою королевскую корону за твою великокняжескую шапку!..

Вечеромъ паны рады были созваны,—и король обратился къ нимъ съ рѣчью:—слѣдуетъ ли итти немедленно вслѣдъ нѣмцамъ или стать на мѣстѣ, ожидая, что вся Померанія сама изъяснитъ покорность.

Зиндрамъ Мошковичъ, Николай Тромба и нѣсколько самыхъ опытнѣйшихъ военачальниковъ говорили, что надо двигаться впередъ немедленно, но большинство пановъ рады, упоенное до небесъ громадностью побѣды, требовало, чтобы королевское войско стояло на мѣстѣ, торжествуя побѣду. Мнѣніе это было безспорно глупо, и король, чтобы помирить обѣ стороны, рѣшилъ, что онъ останется на мѣстѣ битвы еще три дня—предоставляя Витовту и его литвинамъ свободу дѣйствій.

— А нѣхъ съ нимъ! пусть жартуютъ!—воскликнули нѣсколько пановъ:—что литвинъ, что волкъ, не можетъ сидѣть спокойно...

— Не можно такъ!—возражали другіе:—литовскій князь пойдетъ впередъ и заберетъ подъ свою руку всѣ прусскіе города, нельзя его пускать впередъ!

— Нельзя! нельзя!—воскликнуло все собраніе; къ этому мнѣнію присоединились даже высшіе совѣтники, и согласно съ рѣшеніемъ короля было постановлено двинуться всѣмъ союзникамъ вмѣстѣ черезъ три дня, т. е. на шестой день послѣ битвы.

Какъ ни возражалъ, какъ ни доказывалъ Витовтъ Ягайллѣ нелѣпость подобной задержки, но старикъ былъ упрямъ, и Витовту пришлось покориться.

Однако, вернувшись въ свою ставку и оставшись наединѣ съ собою, литовскій князь сильно задумался и долго-долго обдумывалъ свои отношенія къ Польшѣ.

Онъ могъ вѣрить королю Ягайллѣ, какъ своему брату, другу и союзнику, но онъ не питалъ никакого довѣрія къ панамъ рады, настроеннымъ, очевидно, противъ него и противъ интересовъ его дорогой Литвы. Вопросъ былъ крайне серьезень, но Витовтъ не принялъ никакого рѣшенія, и сообразивъ, что „утро вечера мудренѣе“, легъ спать и всталъ только съ восходомъ солнца.

Почти тотчасъ же къ нему былъ введенъ одинъ изъ гонцовъ, присланный его братомъ Вингаллой, осаждавшимъ тогда Штейнгаузенскій замокъ.

Кромѣ этого извѣстія, братъ присылалъ и другое, въ высшей степени важное: одинъ изъ уцѣлѣвшихъ комтуровъ ордена, Генрихъ Плаутенъ, успѣлъ добраться до Мариенбурга, наскоро собралъ гарнизонъ, сжегъ форштадты, затворился въ крѣпости, день и ночь ведетъ оборонительныя работы.

Это извѣстіе было такъ важно, что Витовтъ немедленно бро-

сился къ Ягайлѣ, но тотъ, по обыкновенію, былъ въ каплицѣ и слушалъ первую обѣдню.

На этотъ разъ приказъ былъ еще строже, и Витовту показалось, что королевскіе тѣлохранители, стояшіе на стражѣ у входа въ каплицу, смотрѣли на него гораздо высокомернѣе, чѣмъ прежде.

Особенно одинъ изъ грюнвальдскихъ героевъ, храбрый витязь, по имени Черный, герба Сулимчикъ, окинулъ его съ головы до ногъ чуть не презрительнымъ взглядомъ. Такъ могутъ смотрѣть зазнавшіеся слуги властителя на его покорныхъ вассаловъ.

— Мнѣ необходимо сейчасъ же видѣть короля и брата,—сказалъ Витовтъ, желая проникнуть въ походную каплицу, но Сулимчикъ съ рѣшительнымъ видомъ сталъ предъ полотнянымъ пологомъ.

— По приказу его величества короля, въ каплицу никто не войдетъ, развѣ чрезъ наши трупы!

— Ты молодець, храбрый витязь!—сказалъ Витовтъ:—чтобы рѣшиться говорить подобныя слова мнѣ, великому князю литовскому и брату короля,—я имѣю право входа во всякое время.

— Этотъ приказъ отмѣненъ его величествомъ королемъ!—рѣшительно отозвался Сулимчикъ.

— Быть не можетъ? когда?—вспыхнулъ Витовтъ.

— Не знаю, ставя на стражу, мнѣ это передалъ самъ краковскій панъ.

— Вотъ какъ,—проговорилъ тихо Витовтъ:—ну, такъ ты самъ скажи, отъ моего имени королю, когда онъ кончитъ молиться, что я, великій князь литовскій, получилъ важныя извѣстія и немедленно выступаю съ своимъ войскомъ къ Мариенбургу...

Сулимчикъ вспыхнулъ.

— Но, ваша свѣтлость, его величество король и вся рада рѣшили вчера на военномъ совѣтѣ, что выступленіе чрезъ три дня.

— То рѣшила ваша рада, а то рѣшаю я, государь Литвы и Руси, я, своей собственной радой—чрезъ два часа походъ! Такъ и доложи...

Витовтъ гордо вышелъ, оставивъ Сулимчика и двухъ его товарищей въ ошолбененіи. Они не знали что дѣлать. Входъ въ каплицу былъ строжайше возбраненъ, когда король слушалъ обѣдню, а порой она затягивалась до полудня, а литовцы выступали немедленно, вопреки постановленію великой рады.

Надо было на что-либо рѣшиться—они всё трое были вчера на радѣ и знали, что рѣшено было не пускать литовцевъ впередъ, а теперь это главное постановленіе нарушалось.

Сулимчикъ, смѣлѣйшій другихъ, хотѣлъ было войти въ каплицу, но вспомнивъ строжайшій наказъ „краковского пана“, остановился на полпути.

Между тѣмъ изъ литовскаго лагеря, словно вой стаи волковъ, стали доноситься звуки роговъ. Шумъ медленно росъ. Весь лагерь былъ на ногахъ, а Ягайло все молился. Изъ каплицы доносилось гнусливое пѣніе ксендза и трехъ клириковъ, да звонъ

бубенчиковъ, пришитыхъ къ ризамъ священнослужителей; очевидно, вторая обѣдня началась вслѣдъ за первой, безъ перерыва.

Вдругъ изъ-за полога походной каплицы показалась голова Олесницкаго, королевскаго секретаря.

— Что тамъ за шумъ въ станѣ?—спросилъ онъ шопотомъ у Сулимчика.

— Важныя вѣсти, великій князь Витовтъ выступаетъ со своими литвинами къ Маріенбургу.

— Какъ выступаетъ? Быть не можетъ... Вѣдь онъ знаетъ рѣшеніе пановъ рады?

— Онъ сейчасъ былъ здѣсь, хотѣлъ видѣть его величество короля—я не смѣлъ послушаться наказа свѣтлѣйшаго „краковскаго пана“... Онъ уѣхалъ больно гнѣвенъ...

— Сбигневъ!..—послышался изъ-за полога голосъ самого Ягайлы...—Какъ смѣешь ты мѣшать мнѣ слушать обѣдню?..

Олесницкій бросился къ королю... Онъ хотѣлъ тотчасъ доложить ему объ уходѣ войска Витовта, но король былъ снова такъ занятъ молитвой, что только указалъ ему на мѣсто, рядомъ съ собой на скамьѣ, и продолжалъ шептать слова латинской молитвы, даже не понимая ихъ содержанія.

Эктенія кончилась... Между двумя возгласами патера, король соблаговолилъ обратиться къ своему секретарю съ короткимъ вопросомъ, что случилось.

Олесницкій быстро, но точно передалъ то, что узналъ отъ Сулимчика.

Король, казалось, не придавалъ никакого значенія этому извѣстію, онъ продолжалъ молиться и бить земные поклоны. Глаза его, устремленные къ алтарю, казались исполненными самаго высокаго религіознаго фанатизма.

Обѣдня кончилась. Не торопясь, приложился король ко кресту и той же лѣнливой походкой вышелъ изъ каплицы. У самыхъ сѣней, или вѣрнѣе первой палатки, служившей преддверіемъ походной церкви, стояло нѣсколько человѣкъ высшихъ воинскихъ начальниковъ польскаго войска.

Большинство ихъ собралось, чтобы получить распоряженія, какъ дѣйствовать теперь, въ виду ухода Витовта и его войска.

Многіе, и въ томъ числѣ самъ Зиндрамъ Мошковичъ, были того мнѣнія, что надо во что бы то ни стало удержать, или даже вернуть литовцевъ; и съ этой цѣлью выстроили часть своихъ знаменъ въ боевой порядокъ.

Но вотъ вышелъ король. Онъ шелъ, потупившись, словно не обращая ни на кого вниманія. Вдругъ онъ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ главнокомандующаго.

— Зиндрамъ!—совершенно спокойно и естественно проговорилъ онъ.—Вели трубить сборъ. Черезъ часъ мы выступаемъ...

— Куда, государь?—невольнo воскликнулъ Зиндрамъ.

— А вслѣдъ за моимъ братомъ и союзникомъ, подъ Маріенбургъ, не давать же литовцамъ и Руси однимъ сорвать вѣтку побѣды...

— Всѣмъ войскамъ прикажешь выступать, государь?— переспросилъ престарѣлый герой, который и вчера на радѣ отстаивалъ необходимость немедленнаго наступленія.

— Неужели же ты думаешь, мой храбрый Зиндрамъ, что я захочу лишить какое-либо изъ моихъ знаменъ доли добычи отъ этого похода... Однако время не ждетъ, прикажи трубить сборъ.

— Но, ваша королевская мость,—осмѣлился замѣтить Сбигневъ Олесницкій,—рѣшеніе пановъ рады...

— А... паны рады... Хорошо,—отозвался король.—Если они хотятъ дольше праздновать побѣду, никто имъ не мѣшаетъ оставаться здѣсь еще хоть мѣсяць, а я выступаю.

Съ этими словами, сдѣлавъ общій полупоклонъ всѣмъ присутствующимъ, король гордо направился къ своей ставкѣ.

Всѣ остолбенѣли. Никогда королевское мощное „слово“ не было произнесено такъ опредѣлительно. Тихій и уклончивый въ своихъ спорахъ „съ панами рады“, Ягайлло показалъ себя вполне королемъ. Оставалось только покориться его велѣнью.

Гулко звучали трубы по польскому лагерю. Онѣ трубили „сборъ“. Слово походы слышалось всюду, это извѣстіе для большинства было большой неожиданностью. Всѣ думали, что страшнымъ пораженіемъ походы противъ нѣмцевъ уже окончены, что прождавъ еще недѣлю, другую, земское войско будетъ распущено—и вдругъ походы.

Литовское войско имѣло предъ польскимъ всего два часа перехода, такъ что польскіе передовые отряды шли непосредственно вслѣдъ за литовскими обозами.

Витовтъ, находившійся постоянно во главѣ своихъ войскъ, разумѣется, былъ извѣщенъ объ этомъ обстоятельстве. Онъ нисколько не удивился переменѣ, а только мысленно похвалилъ энергію и распорядительность Ягайллы.

До Мариенбурга было не больше трехъ дней усиленныхъ переходовъ, а Витовтъ, рѣшившійся только подъ стѣнами этой столицы рыцарства договариваться о мирѣ, шелъ безъ дневокъ, чтобы не быть настигнутымъ и остановленнымъ своими союзниками поляками.

Послѣ извѣстнаго засѣданія рады, онъ началъ относиться къ нимъ уже гораздо съ меньшимъ довѣріемъ, чѣмъ прежде.

Нагруженные хорошей добычей, плѣнными, которыхъ не успѣли еще разослать по внутреннимъ городамъ, поляки на второмъ же переходѣ отстали отъ легкихъ литовскихъ дружинъ, и къ третьему дню разстояніе межъ ними настолько увеличилось, что паны рады сами стали торопить Зиндрама походомъ.

Послѣдній привалъ литовцевъ былъ всего въ 5-ти миляхъ отъ Мариенбурга и въ такомъ же разстояніи отъ только что взятаго жмудиными и смолянами рыцарскаго замка Штейнгаузена.

Чуть брезжило. Утренняя заря едва успѣла позолотить вершины дальнихъ холмовъ, и синеватый паръ поднимался съ болотныхъ луговинъ, какъ вдругъ, предъ ставкой великаго князя,

гордо возвышавшейся среди тысяч других, болѣе простыхъ, показался витязь на конѣ, окруженный десяткомъ всадниковъ.

Костюмъ изобличалъ въ немъ русскаго вождя. Вспѣнный конь его высоко водилъ ребрами и шатался отъ усталости. Очевидно и витязь, и его спутники сдѣлали огромный и весьма быстрый переходъ.

Великій князь уже не спалъ. Не спалъ также и Янъ Бѣльскій, бывший въ ту ночь на стражѣ у ставки властителя. Онъ сразу узналъ прибывшаго и съ радостнымъ восклицаніемъ бросился къ нему навстрѣчу.

— Откуда, князь Давидъ Святославовичъ... Съ какими вѣстями?.. Вотъ Богъ посылаетъ счастье... Куда ты скрылся послѣ боя?.. — засыпалъ онъ вопросами прибывшаго.

Но тотъ, облобызавшись съ другомъ, не спѣшилъ отвѣчать на его разспросы.

— Мнѣ необходимо немедленно видѣть государя... — быстро сказалъ онъ, и въ голосѣ его слышалось волненіе. — Дѣло велико и время терять нельзя.

— Государь всталъ, но кажется молится, — замѣтилъ Бѣльскій: — но я попытаюсь. — Съ этими словами онъ приподнял легонько полы ставки. Витовтъ замѣтилъ это движеніе.

— Кто прибылъ? откуда?... — спросилъ онъ Бѣльскаго. Онъ слышалъ топотъ лошадей прибывшихъ.

— Князь Смоленскій Давидъ Святославичъ, а откуда не вѣдаю.

— Зови! — радостно воскликнулъ Витовтъ. Онъ сердечно любилъ молодого русскаго витязя, смоленцы котораго много помогли въ битвѣ, а самъ онъ отвратилъ ударъ, назначавшійся ему лично.

— Что случилось, князь?.. Что съ тобой? На тебѣ лица нѣтъ, краше въ гробъ кладутъ?

— Князь Давидъ, не говоря ни слова, прямо бросился въ ноги великому князю.

— Что съ тобой, соколъ мой ясный? Что случилось? Говори... говори... — встревожился Витовтъ.

— Спаси, государь, заступись — спаси невинную... — заговорилъ князь Давидъ...

— Да говори толкомъ, какъ, кого спасать? отъ кого?

— Невѣсту мою желанную... Спаси, государь... Только ты одинъ можешь! только ты одинъ!

— Да отъ кого-же спасать? Неужто нѣмцы еще держатъ ее въ неволѣ.

— Нѣтъ, государь, не отъ нѣмцевъ... съ ними мы сами поладили. Замокъ взятъ, всѣ крыжаки перебиты. Они въ плѣну... Спаси ее, государь, отъ казни лютой, отъ костра, отъ позора!..

И онъ съ жаромъ, чуть не съ рыданіями, передалъ Витовту страшный гнѣвъ отца княжны Скимунды и безчеловѣчный приговоръ криве-кривейто и криве, утвержденный ея отцомъ...

— Когда, ты говоришь, костеръ зажгутъ? — переспросилъ

Витовтъ... Онъ зналъ дикій языческій фанатизмъ своего брата Вингаллы и понялъ, что тутъ медлить нельзя.

— Сегодня ровно въ полдень, государь! Спаси, на тебя одна надежда, не осмѣлятся язычники противиться волѣ твоей, спаси!— и онъ снова упалъ предъ Витовтомъ на колѣни...

— Я передъ тобой въ долгу, князь Давидъ Святославичъ. Я, великій князь литовскій, всегда честно долги плащилъ... Ты спасъ мою голову отъ меча крыжацкаго... Клянусь, что я спасу твою невѣсту отъ костра языческаго.—Эй!—крикнулъ онъ и ударилъ въ ладоши.—Сейчасъ сѣдлатъ дюжину лучшихъ коней. Трубить сборъ! Пятсотъ псковскихъ лучниковъ, да полста панцырныхъ дворянъ идутъ за мной. Ты же, Янъ,—обратился онъ къ Бѣльскому,—прими начальство надъ этимъ отрядомъ.

— Когда выступать, государь?—переспросилъ Бѣльскій съ поклономъ.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Каждая минута дорога!.. Ступай...

Бѣльскій опрометью бросился къ своимъ лучникамъ. Загремѣли, зарокотали рога и чрезъ полчаса, окруженный сотней дворянъ и витязей свиты, и пятьюстами конными лучниками, великій князь мчался, рядомъ съ княземъ Смоленскимъ, къ Штейнгаузенскому замку.

XXII.

Роковой костеръ.

Дорвавшись, наконецъ, до побѣды надъ рыцарями и захвативъ при помощи смолянъ недоступный рыцарскій замокъ, который много лѣтъ служилъ нѣмцамъ крѣпкимъ оплотомъ противъ литовскихъ набѣговъ, Вингалла и его жмудины дали волю своему озлобленію.

Много [безсонныхъ ночей провелъ князь Вингалла, за послѣдніе годы, и ему все грезились дикіе планы мести противъ ненавистныхъ крыжаковъ. Къ чувству родовой, съ молокомъ матери всосанной ненависти къ угнетателямъ родной земли, Вингаллу еще болѣе озлобляло ихъ безчеловѣчное обращеніе съ его родичами. Наконецъ плѣнъ и позоръ родной дочери переполнили чашу. Дикій жмудинъ превратился въ звѣря... Ни удержать, ни обуздать его было некому. Замкъ былъ въ его рукахъ. Злодѣй, погубившій его дочь, хотя сильно раненый, но все еще живой, попался въ плѣнъ. Дочь его, княжна Скирмунда, сама, вопреки его волѣ, объявившая себя вайделоткой, была соучастницей ихъ злѣйшаго врага... она нанесла безчестіе не только всему роду Кейстуговичей, но нарушила обѣтъ дѣвства, данный предъ изображеніемъ богини Прауримы. Она наложница безчестнаго нѣмца, она мать его нѣмецкаго щенка... она должна,

должна погибнуть!.. Ея преступленіе, ея позоръ не могутъ быть смыты иначе, какъ всенародной казнью... и она, и онъ, виновникъ ея позора, приметъ казнь вмѣстѣ съ нею... Онъ умретъ, а этотъ замокъ, этотъ проклятый бѣлый замокъ исчезнетъ съ лица литовской земли...

Такъ разсуждалъ дикій жмудинскій князь. Онъ зналъ, что онъ самъ и судья, и исполнитель, что никто не можетъ и не смѣетъ теперь помѣшать ему исполнить его волю... Витовтъ далеко, князь Давидъ бѣжалъ, а криве-кривейто и криве въ восторгѣ, что имъ удастся надъ княжеской преступной дочерью исполнить завѣтъ Перкунаса—сжечь ее на кострѣ, за измѣну клятвѣ.

Но мстить, такъ мстить... мстить такъ, чтобы память объ этой мести, объ этой ужасной казни и торжествѣ язычества, на много поколѣній осталась въ сердцахъ литовскихъ... какъ жива память о Маргерѣ Пилонскомъ...

Сердце жмудинскаго дикаря теперь было полно одной заботы, чтобы эта казнь вышла возможно торжественнѣе, чтобы возможно большее число жертвъ изъ числа злодѣевъ и вѣмцевъ было принесено во славу языческимъ богамъ.

Ни разу мысль о томъ, что Скирмунда приходится ему дочерью, не приходила ему въ голову... никогда мысль о кровныхъ узахъ не запала въ его озлобленное сердце.—Она была для него не болѣе, какъ самой обыкновенной вайделоткой и должна была погибнуть на кострѣ, за преступную любовь къ иѣмцу.

По приказу князя, весь его отрядъ превратился въ дровосѣковъ. Вокругъ всего рыцарскаго замка загремѣли литовскіе топоры, и вѣковыя сосны и ели сотнями трещали и падали подъ дружнымъ усиленнымъ литовцевъ.

Съ нихъ обчищали вѣтви и, перерубивъ пополамъ, тащили и катили къ самому замку. Тамъ новыя толпы жмудинъ схватывали ихъ и громоздили одно на другое, заваливая ими не только весь дворъ замка, но стѣны его, ворота и башни.—Князь Вингалла задумалъ обратить весь ненавистный рыцарскій замокъ въ одинъ громадный, небывалый, чудовищный костеръ, привязать къ нему всѣхъ плѣнныхъ и сжечь ихъ всѣхъ, не пощадивъ и дочери!!

Страшный костеръ росъ съ минуты на минуту.

Въ промежуткахъ между рядами бревенъ, жмудины сыпали и забивали солому, сухія вѣтви, сучья и все, что только можетъ горѣть... На самой вершинѣ костра была устроена площадка и на ней еще одинъ, меньшій костеръ, на которомъ должна была погибнуть княжна Скирмунда. Одно послабленіе, которое сдѣлалъ для нея свирѣпый дикарь, было то, что костеръ этотъ былъ сложенъ изъ совершенно сухаго лѣса, облитъ смолой и окруженъ кругомъ массой соломы, чтобы почти мгновенно обхватить и прекратить страданія несчастной.

Довольно было коснуться факеломъ одной изъ кучъ соломы, его окружающей, чтобы огонь, пробѣгая по всему костру, сразу зажегъ его съ десяти концовъ.

Черезъ день, къ раннему утру, костеръ былъ готовъ... Криве-кривейто, подвластные ему криве, вайделоты, тиллусоны, лингусоны и прочіе служители литовскихъ боговъ, жрецы и ихъ помощники, уже съ утра, во многихъ мѣстахъ лѣса зажгли предъ уцѣлѣвшими вѣковыми дубами костры изъ дубовой коры и мелкихъ сучьевъ, и распѣвая монотонные дикіе гимны, въ честь перуна Сотвороса и среброкудрой Прауримы, готовились къ великому торжеству язычества.

Сегодня преступная дочь князя Скирмунда и двадцать четыре плѣнныхъ крыжака будутъ сожжены во славу боговъ литовскихъ! Давно такого праздника не видали служители Перкунаса.

Было бы что радоваться и торжествовать!

Зъ одной изъ уцѣлѣвшихъ келій замка была заключена княжна Скирмунда. Она, казалось, окаменѣла въ своемъ отчаяніи, со времени ужасной смерти своего ребенка, единственного теперь существа, въ которомъ слились всѣ силы ея любви.

Онъ былъ безжалостно вырванъ изъ ея рукъ и погибъ ужасной, мучительной смертью, отъ руки ея отца, этого страшнаго изувѣра, который разбилъ и ея жизнь, заставилъ и ее отказаться отъ надежды быть счастливой!

Смертный проговоръ свой, какъ вайделоткѣ, измѣнившей обѣту, она слышала уже, какъ въ туманѣ, смерть теперь ей казалась не казнью, а величайшимъ благомъ.

Князь Давидъ, имя котораго она шептала ежедневно, ежечасно, въ долгіе мѣсяцы своего тяжкаго заточенія въ рыцарскомъ замкѣ, оказался такимъ же, какъ и другіе—увидавъ ея невольный и незаслуженный позоръ, онъ первый бросилъ ее, не попытавъ даже защищать ни ее, ни ея ребенка отъ свирѣпости ея отца. Онъ былъ при оружіи, съ нимъ была его дружина и онъ могъ бы попытаться! А онъ бѣжалъ, бѣжалъ отъ воображаемаго позора и срама!

О, какъ она презирала его въ первыя минуты. Но потомъ страшное, мертвящее, нравственное страданіе охватило ея душу—она замерла, она окаменѣла въ своемъ горѣ и, блѣдная, неподвижная, съ остановившимися глазами, полулежала на ворохѣ соломы, которую бросили ей въ тюрьму, по приказанію криве-кривейто.

Кругомъ нея, за стѣнами ея келіи, кипѣла усиленная, небывалая работа. Язычники изувѣры воздвигали громадный мавзолей, на которомъ она должна была погибнуть за преступленіе другіхъ.

Предъ вечеромъ, вдругъ дверь ея тюрьмы скрипнула и старый криве-кривейто, въ своемъ полуоффиціальномъ костюмѣ, предсталъ предъ ней. Въ рукахъ его была тройная кривуля, кожа громаднаго зубра прикрывала ему голову, плечи и ниспадала до ногъ. При другіхъ бы обстоятельствахъ Скирмунда бросилась бы ницъ предъ высокимъ жрецомъ Перкунаса, но теперь она не обратила ни малѣйшаго вниманія на вошедшаго, ея глаза по-прежнему были обращены въ пространство.

— Я пришелъ къ тебѣ, недостойная служительница великаго Знеча, объявить тебѣ смертный приговоръ, за измѣну твоему клятвенному обѣщанію, посвятить свою жизнь и чистоту на служеніе священному огню. Завтра, чуть Сотварось дойдетъ до полудня, ты умрешь на кострѣ.

Скирмунда не выказала ни малѣйшаго волненія при этомъ роковомъ извѣщеніи, она ранѣе знала, что ее ожидаетъ. Дикіе крики фанатической толпы язычниковъ, грозное проклятіе отца, уже предупредили ее объ ожидавшей участи.

— Твой сообщникъ—погибнетъ вмѣстѣ съ тобой.

Скирмунда вздрогнула. Князь Давидъ, пробившись къ ней, сказалъ ей, что комтуръ убить въ бою. Теперь, когда она знала, что онъ еще живъ, жажда мести снова ожила въ ея сердцѣ.

— И съ нимъ вмѣстѣ, на твоёмъ кострѣ погибнуть двѣ дюжины треклятыхъ нѣмцевъ, взятыхъ здѣсь. Ты можешь радоваться. Никогда еще преступная вайделотка не покидала мѣръ въ такомъ благородномъ сообществѣ. Дорого обойдется треклятымъ крыжамъ любовь вайделотки!

— Ты лжешь!—воскликнула, поднимаясь съ мѣста, несчастная княжна.—Никогда княжна Скирмунда не унижалась до позора дарить свою любовь презрѣнному нѣмчину... А если ты, по своей слѣпотѣ, не можешь отличать обмана и насилія отъ свободного чувства—ступай ты прочь! Какой ты служитель боговъ, ты просто слѣпорожденный—или обманщикъ!

— Какъ смѣешь ты говорить такъ со мной?!—воскликнулъ взбѣшенный криве-кривейто:—я бы могъ тебя спасти. Я бы могъ упротить отца твоего смягчить твою казнь.

— Отца?—Скирмунда захотала истерическомъ смѣхомъ.—Отца, у меня нѣтъ отца. Тотъ, у кого хватило духа убить ни въ чемъ неповиннаго младенца, сына его дочери—тотъ не отецъ мнѣ. Скажи ему, что я отрекаюсь отъ него, что я его проклиная! А теперь уходи вонъ! Не нуждаюсь ни въ пощадѣ, ни въ твоёмъ заступничествѣ.

Криве-кривейто вамахнулъ своей рогулей. Онъ былъ до нельзя взбѣшенъ обращеніемъ княжны.

— Такъ слушай же, несчастная, именемъ великаго Перкунаса громовержца, именемъ Сотвароса, сверкающаго надъ міромъ, проклиная тебя и въ сей жизни, и въ будущей—да не увидишь ты страны восточной, да не взберешься ты на гору блаженства, да погрузишься ты въ вѣчную тьму!

— Ступай вонъ, злой старикъ!—воскликнула Скирмунда.—Помни, что только уваженіе въ твоимъ лѣтамъ удерживаетъ меня нанести тебѣ оскорбленіе, ступай вонъ, или я за себя не ручаюсь!—Княжна вскочила со своего мѣста, обломокъ кирпича виднѣлся въ ея сильной, мускулистой рукѣ. Глаза ея пылали, еще мгновеніе и она раздробила бы имъ голову непрошеннаго гостя.

Бормоча проклятія, старый криве-кривейто спиной выпелъ изъ келіи.

Княжна въ изнеможеніи снова повалилась на солому, а чрезъ нѣсколько минутъ, черты ея лица снова застыли въ выраженіи тупаго отчаянья.

Ночь подползла мрачная, тревожная. Давно уже въ лѣсныхъ чащахъ, при свѣтѣ костровъ, пировали литвины, перепившись пивомъ и виномъ, добытымъ изъ погребовъ разграбленнаго замка. Они теперь торжествовали, исконный врагъ нѣмецъ-крыжакъ былъ сломленъ, бѣжалъ безъ оглядки, или стоналъ теперь, прикованный цѣпями къ деревьямъ лѣса.

Ужаснѣ всѣхъ было положеніе комтура графа Брауншвейга.

Стрѣла Видимунда, сразившая его окончательно, пробила ему шею, не коснувшись артеріи. Извлечь ее было нельзя, не причиняя жестокихъ страданій раненому, а остріе съ зубцами, оставшееся въ ранѣ, доводило его до изступленія. Онъ дико хрипѣлъ, его выкатившіеся отъ боли глаза, казалось, хотѣли выскочить изъ орбитъ. Онъ умолялъ прикончить себя поскорѣе. Но никто не понималъ его. Два звѣрообразныхъ жмудина, приставленные караулить его, мрачно и сосредоточенно ходили предъ нимъ взадъ и впередъ, а цѣпи, которыми онъ былъ обмотанъ и прикованъ къ дереву, лишали его возможности сдѣлать малѣйшее движеніе руками.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, также прикованные къ деревьямъ, видѣлись его товарищи по конвенту, оставшіеся въ живыхъ братья и гербовики, составлявшіе гарнизонъ замка. Они тоже въ свою очередь осыпали проклятіями своего бывшего начальника, считая его одного виновнымъ въ постигшемъ ихъ несчастіи. Они давно, чуть войска князя Давида Смоленскаго подступили къ стѣнамъ замка, предлагали сдаться—сдаться хотя схизматикамъ, но все же христіанамъ, и только упорный комтуръ заставилъ ихъ принять непосильную осаду.

Ругательства и проклятія неслись отовсюду. Несчастые, сами сбрѣченные на мучительную смерть, теперь, въ послѣдніе часы своей жизни, съ истинно тевтонскимъ озлобленіемъ ругались надъ бывшимъ своимъ господиномъ.

Но больше всѣхъ вопила и проклинала комтура старуха Кунигунда, бывшая, если помнитъ читатель, въ послѣднее время прислугой при княжнѣ.

Легко раненая во-время общей свалки, она была ошеломлена только ударомъ въ голову и очнулась уже связанной и привязанной и прикованной къ дереву вмѣстѣ съ другими плѣнными.

Случайно она находилась не далеко отъ дерева, къ которому былъ прикованъ комтуръ, и цѣлые потоки самой дикой, самой нѣмецкой брани такъ и лились изъ ея устъ на комтура.

— Слушайте меня, благородные господа!—визжала она, дѣлая пеймовѣрныя усилія, чтобы высвободить изъ пугъ свои руки:— вотъ этотъ дьявольскій угодникъ, вотъ этотъ ханжа,—она плюнула въ сторону комтура:—онъ погубилъ насъ, онъ навелъ треклятыхъ, богомерзкихъ язычниковъ на нашъ закокъ. Онъ, онъ, одинъ онъ!..

Всѣ плѣнные были того же убѣжденія, никто не унималъ разсвирѣпѣвшую мегеру; она продолжала кричать все громче и громче.

— Онъ захватилъ силкомъ треклятую язычницу Василиска... онъ забылъ съ ней щенка... Вотъ она, причина всѣхъ нашихъ бѣдствій... Вотъ почему старый сатана Вингалла обрушился на нашъ замокъ... Онъ думалъ исторгнуть изъ нашихъ рукъ плѣнницу, а нашелъ внучка!.. сына чертовки и рыцаря монаха. Онъ и есть антихристъ!.. Плюйте на развратника, плюйте!.. Черезъ него мы всѣ погибаемъ!— Долго бы еще голосила злобная старуха, но яростный крикъ ея наконецъ надоѣлъ криве-кривейто, онъ подошелъ къ себѣ одного изъ служителей боговъ и сказалъ ему шопотомъ нѣсколько словъ. Тотъ подошелъ къ бѣснующейся старухѣ и однимъ ударомъ дубины по головѣ заставилъ ее замолчать навсегда.

Судъ и расправа у служителей Перкунаса были еще короче рыцарскихъ.

Наконецъ, наступило утро дня, назначеннаго для казни Скирмунды и сожженія плѣнныхъ. Чуть взошло солнце, все жмудинское войско, съ воинственными пѣснями окружило замокъ, если можно было теперь назвать замкомъ громадный костеръ, возвышавшійся на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ замокъ Штейнгаузенъ.

Вѣсть о томъ, что рыцарскій замокъ, много лѣтъ служившій пугаломъ всей Жмуди, взятъ и назначенъ къ сожженію, словно молнія пронеслась изъ устъ въ уста по всей Жмуди, а къ ночи тысячи жмудинъ всѣхъ возрастовъ и половъ начали стекаться къ мѣсту великой тризны.

Утромъ, уже нѣсколько тысячъ жмудинъ, стариковъ, женщинъ и дѣтей, и нѣсколько сотъ лингусоновъ и тиллусоновъ, въ своихъ дикихъ и пестрыхъ одеждахъ, явились въ станъ князя Вингаллы, готовые принять участіе въ торжественной и кровавой церемоніи.

Началось первое дѣйствіе драмы. По знаку криве-кривейто, подчиненные ему криве, въ сопровожденіи воиновъ и цѣлой толпы лингусоновъ и тиллусоновъ, направились за плѣнными, умирающими отъ голода и жажды въ лѣсу.

Съ обрядовыми пѣснями, сопровождаемыми ударами бубновъ и металлическихъ кружковъ, заставили они несчастныхъ идти къ мѣсту казни.

При видѣ громадной массы горячаго матеріала, которымъ теперь былъ заваленъ весь замокъ, многіе изъ осужденныхъ поняли свою участь, и съ дикимъ воемъ попадали на землю.

Пинками и ударами заставили ихъ жрецы слѣдовать за собой. Раны комтура, не безусловно смертельныя, лишали его, однако, всѣхъ силъ и голоса. Онъ не могъ самъ слѣлать ни шага. Прострѣленная нога и шея при каждомъ движеніи заставляли его стонать отъ невыразимой боли.

Одинъ изъ криве распорядился, и два плѣнныхъ крестовика должны были нести на плечахъ своего раненаго начальника.

По мѣрѣ того, какъ печальная процессія подходила къ замку, изъ толпы жмудинъ и жмудинокъ, собравшейся кругомъ, раздавались крики злобы и мести.

Но когда показались «гербовики», несущіе комтура, лицо котораго хорошо было извѣстно кругомъ на много десятковъ миль, то потребовалось вмѣшательство воиновъ князя Вингаллы, чтобы толпа не растерзала его на части.

Одного за другимъ привязывали къ костру плѣнныхъ. У самаго низа костра были помѣщены земскіе воины, изъ нѣмцевъ, во-второмъ ярусѣ костра десять человѣкъ гербовыхъ дворянъ и, наконецъ, почти у самой вершины, стояло среди костра шесть столбовъ, съ желѣзными ошейниками, висящими на цѣпяхъ. Эти мѣста предназначались для господъ крейхцеровъ, рыцарей бѣлаго плаща, доставшихся побѣдителямъ во-время погони отъ Грюнвальда, а также захваченныхъ въ замкѣ.

На самомъ верху, какъ разъ насупротивъ площадки и особаго малаго костра, предназначеннаго для княжны-вайделотки, стоялъ еще одинъ высокій столбъ, къ которому служители Перкунаса поднесли раненаго комтура. Онъ окончательно обезсилѣлъ, и его должны были подвѣсить цѣпами подъ плечи, чтобы онъ не повисъ на своемъ ошейникѣ.

Шесть рыцарей въ полномъ вооруженіи, въ шлемахъ и при оружіи, но спутанные по рукамъ и ногамъ цѣпами, стояли теперь прикованные вокругъ малаго костра, нѣсколько ниже своего начальника. Забрали ихъ шлемовъ были спущены, лицъ не было видно, и только жестокія ругательства, проклятія и крики безсильной злобы, перемѣшанные порой со словами латинскихъ молитвъ, глухо раздавались изъ-за забралъ.

Вингалла торжествовалъ! Онъ могъ теперь, однимъ ударомъ, предъ лицомъ всего народа, отомстить злодѣямъ нѣмцамъ кровь и жизнь безвинно избѣенныхъ дѣтей и отцовъ, онъ могъ воздать кровь за кровь безбожнымъ притѣснителямъ страны... Про свою дочь онъ забывалъ. Онъ уже не считалъ ее своею дочерью... Она измѣнила своему обѣту, она отдалась крыжаку... Развѣ могло быть ужаснѣе преступленіе? Про насиліе и обманъ онъ и не думалъ... по его мнѣнію, литовская княжна должна была предпочесть смерть—безчестью... А если она этого не сдѣлала, одинъ костеръ могъ быть ея участію!

Въ этихъ приготовленіяхъ протекло много времени. Солнце было уже высоко, и палочка, воткнутая криве-кривейто, среди расчищеннаго круга, бросала свою тѣнь почти на отмѣтку, сдѣланную на сѣверъ... Наступилъ полдень, часъ, въ который должна была рѣшиться судьба княжны вайделотки.

Криве-кривейто, сильно оскорбленный вчера княжною, не дѣлалъ никакихъ попытокъ смягчить гнѣвъ стараго князя, напротивъ, онъ торопилъ приготовленіями, словно чуя, что какая-то невидимая сила можетъ вырвать жертву изъ его рукъ.

Онъ стоялъ близъ импровизированныхъ солнечныхъ часовъ и

наблюдавъ за тѣмъ, какъ тѣнь палочки дѣлалась все короче, короче, и наконецъ подошла къ черточкѣ, обозначающей сѣверъ.

— Труби въ священный рогъ!—повелительно сказалъ онъ одному изъ тиллусоновъ, стоявшихъ недалеко отъ него, съ огромнымъ турьимъ рогомъ въ рукахъ.

Гнусливый, зловѣщій звукъ тотчасъ вырвался изъ раструба рога и прокатился по окрестности. И словно стадо волковъ отзывается воемъ на вой старшаго,—со всѣхъ сторонъ литовскаго стана, въ отвѣтъ на призывъ завыли, загудѣли рога тиллусоновъ, лингусоновъ, криве и княжеской челяди.

— Идите за преступницей, пусть она одѣнется въ свои лучшія одежды!—снова приказалъ криве-кривейто, и нѣсколько вайделотокъ, успѣвшихъ прибыть за ночь къ замку, въ сопровожденіи десятка высшихъ жрецовъ, направились къ кельѣ, гдѣ была заключена княжна.

Они застали ее уже совсѣмъ одѣтою, въ то платье, которое было брошено вмѣстѣ съ ней въ тюрьму. Покорность судьбѣ и какая-то твердая рѣшимость ясно отражались на ея блѣдномъ, но все еще поразительно красивомъ лицѣ. Женщины, вошедшія къ ней въ келью, не нашли ничего въ ея нарядѣ, что бы требовало исправленія. Чудные волосы ея были заплетены въ двѣ косы и спускались ниже пояса. Княжна молча встала, при видѣ вошедшихъ и также безмолвно направилась къ двери.

Едва она показалась изъ своей тюрьмы, какъ неистовый крикъ толпы прокатился по всей окрестности.

— На костеръ вайделотку! На костеръ! На костеръ!—ревѣли сотни голосовъ.

Княжна съ горделивымъ презрѣніемъ посмотрѣла на кричавшихъ и твердо пошла вслѣдъ за своей свитой.

Не доходя нѣсколькихъ шаговъ до входа на костеръ, она остановилась, предъ ней стоялъ криве-кривейто, въ своемъ фантастическомъ уборѣ. Онъ въ одной рукѣ держалъ священную кривулю, въ другой черную полупрозрачную вуаль.

— Ты согрѣшила противъ завѣта боговъ!—заговорилъ онъ твердо и громко:—ты нарушила священную клятву невинности,—измѣнила вѣрѣ отцовъ своихъ,—ты повинна смерти!.

— Закройте лицо ея этимъ покрываломъ,—продолжалъ жрецъ, накидывая на голову княжны черную вуаль...—Пусть никто больше не видитъ лица ея...

— Прочь!—воскликнула тогда Скирмунда...—Я чиста передъ своею совѣстью и богами моей родины!.. Насиліе и обманъ не могутъ ставиться мнѣ въ вину!

— На костеръ! на костеръ!—гремѣли кругомъ полушьяны отъ алуca и вина жмудины.

— Ты должна была лучше умереть, чѣмъ уступить злодѣю крыжаку!—въ свою очередь отозвался Вингалла, стоявшій рядомъ.

— Я готова къ смерти... но пусть не закрываютъ лица моего... Я хочу встрѣтить смерть съ открытымъ лицомъ!!

— Пусть будет такъ,—рѣшилъ Вингалла. Онъ чувствовалъ, что чувство жалости къ дочери, наконецъ, помимо его воли закрадывается въ его сердце. Но теперь остановить казнь онъ былъ не въ силахъ... Власть криве-кривейто, покорнаго только одному великому князю Литвы, была выше его собственной... Кругомъ ревѣла отъ ярости и требовала казни громадная толпа полупьяныхъ язычниковъ...

Криве-кривейто не сталъ спорить... Онъ махнулъ рукой и снова раздалось дикое, нестройное пѣніе лингусоновъ и тийлусоновъ. Женщины вайделотки подхватили княжну подъ руки и повели на верхъ костра.

Скирмунда совершенно спокойно начала взбираться на громадный костеръ. Сопровождавшія ее вайделотки выли и голосили самыми раздрающими душу голосами... Похоронные жрецы, подъ мѣрные удары въ металлическіе кружки и бубны, затаили гимнъ смерти. Толпа, все болѣе и болѣе опьяняемая дикимъ рѣвѣщемъ, неистовствовала.

Наконецъ, княжна дошла до послѣдней площадки костра, на которой, привязанный цѣпями, висѣлъ на столбѣ самъ комтуръ, ея злѣйшій врагъ, злодѣй, погубившій ее.

Проходя мимо него, она вздрогнула. Кровь бросилась ей въ лицо... Ей готовился новый позоръ, она должна была умереть лицомъ къ лицу съ негодяемъ, надругавшимся надъ нею. Она вся вздрогнула отъ негодованія и отвернулась.

— Заклинаю васъ, именемъ Прауримы, закройте мнѣ лицо покрываломъ,—простонала она,—видъ этого злодѣя мнѣ невыносимъ.

Двѣ вайделотки тотчасъ исполнили ея желаніе. Она теперь могла только слышать стоны своего мучителя-злодѣя, но не видѣть его лица...

Наконецъ, она была возведена на второй, меньшей костеръ, и тонкая желѣзная цѣпь, охвативъ ея станъ, прикрѣпила ее къ столбу...

— Скорѣй, скорѣй кончайте!—шептала княжна:—не длите мученій!..

Настала роковая минута, самъ криве-кривейто, раздавъ всѣмъ криве, князю Вингаллѣ и главнѣйшимъ начальникамъ жмудинскимъ смоляные факелы, зажегъ ихъ о принесенный въ горшкѣ священный огонь. При помощи своихъ помощниковъ взобрался онъ на вершину перваго костра и пошелъ дрожащими шагами къ костру, на которомъ стояла привязанная княжна.

— Огонь очищаетъ все!—громко воскликнулъ онъ:—огнемъ очистится всякая скверна!.. Пылай, священный огонь, во славу громовержца Перкунаса!—съ этими словами онъ хотѣлъ воткнуть факель въ обвитый соломой костеръ, но рука его съ факеломъ такъ и замерла въ этомъ движеніи!

— Остановись! Остановись!..—послышался сзади толпы, окружавшей костеръ, повелительный, знакомый всѣмъ жмудинамъ го-

лось обожаемаго народомъ князя Витовта, и словно буря, пригибающая прибрежный камышъ, разрѣзая толпу, къ подножью костра примчался самъ великій князь Витовтъ Кейстutowичъ, въ сопровожденіи князя Давида и многочисленной свиты.

— Остановись! Прекратить казни!..—повелительно крикнулъ онъ криве-кривейто:—Или я тебя самого сожгу на кострѣ... Сейчас освободить мою племянницу, княжну Скирмунду... Я знаю все.. она ни въ чемъ невиновна!.. Цѣпи долой!..—еще громче крикнулъ онъ, и старый жрецъ Перкунаса не смѣлъ послушаться—онъ быстро подошелъ къ несчастной княжнѣ и дрожащими руками растегнулъ связывающую ее цѣпь. Покрывало упало съ ея лица... Но лицо это было совсѣмъ неузнаваемо... Очевидно, княжна, примирившись съ мыслью о смерти, витала теперь внѣ предѣловъ этого міра... она нервно оттолкнула жреца и закрыла лицо руками.

— Сходи съ костра, княжна, ты свободна!..—сказалъ ей жрецъ.—Твой дядя Витовтъ пристилъ тебя...

— Иди, иди сюда, моя Скирмунда!..—слышался голосъ Витовта:—иди сюда, моя несчастливица, — иди скорѣй... въ мои объятія!.. На тебѣ нѣтъ никакой вины... Ты чиста предъ людьми и Богомъ!..

Но Скирмунда уже не слышала этихъ словъ... Она подбѣжала къ самому краю костра, глаза ея пылали, голосъ звучалъ дикой энергіей... Гибель ребенка, собственный, только что вынесенный позоръ, дополнили чашу горя.

— Нѣтъ, дядя... Нѣтъ, мой отецъ правъ... Поруганная нѣмцемъ, мать его ребенка, я должна была умереть... Опозоренная, поруганная, я не могу больше быть честной женой честнаго славянскаго князя... Для меня есть только одинъ исходъ, одно очищеніе—огонь! Огонь!

Съ этими словами, и прежде чѣмъ кто либо могъ опомниться и воспротивиться ей, она выхватила пылающій факель изъ рукъ одного изъ криве, и бросивъ его смаху въ кучу соломы, окружавшей малый костеръ, смѣло взбѣжала на него и мгновенно скрѣлась въ облакахъ бѣлаго дыма...

Огненные языки, какъ змѣи, съ трескомъ и шипѣньемъ поползли по всѣмъ сторонамъ костра. Крики ярости, боли и отчаянія понеслись дикимъ хоромъ изъ устъ прикованныхъ плѣнныхъ.

Князь Вингалла, пораженный въ самое сердце этой послѣдней сценой, бросился было къ костру, чтобы погибнуть рядомъ съ дочерью, но его не допустили.

Витовтъ и князь Давидъ стояли въ глубокомъ отчаяннѣ, безсильные, потрясенные до глубины души. Князь Давидъ не выдержалъ и разразился страшными, безумными рыданіями. Плакалъ и Витовтъ, и твердо рѣшилъ въ самомъ близкомъ будущемъ уничтожить на своей родинѣ эту старшую религію крови и огня, жертвой которой пала теперь несчастная княжна.

А между тѣмъ, охваченный со всѣхъ сторонъ огненными

языками, костеръ начиналъ разгораться все больше и больше. Дымъ черными клубами взвивался теперь къ небесамъ и окутывалъ всю окрестность густымъ, непрогляднымъ туманомъ.

Дикіе крики прикованныхъ къ костру нѣмцевъ перешли въ душу раздирающій визгъ и вой—и затѣмъ, понемногу все стихло!.. Только трескъ пылающихъ деревьевъ, да вой пламени неслись отъ этого огненнаго моря.

Все было кончено... Погибла невинная жертва, погибли и ея мучители, погибъ неприступный замокъ, гнѣздо развратныхъ рыцарей—монаховъ.

Два дня пылалъ этотъ чудовищный костеръ и два дня сто-рожили это пламя жмудины, словно кто-либо могъ отнять у нихъ ихъ жертвы.

Мраченъ и печаленъ возвратился Витовтъ къ своему стану. Отлучка его была не долга, но и въ это время Ягайлло успѣлъ со своими войсками не только настигнуть, но и опередить литовцевъ. Когда литовцы подошли съ восточной стороны къ Мариенбургу, уже съ западной, на разстояніи пяти полетовъ стрѣлы отъ стѣнъ, видѣлись палатки и шатры передовыхъ польскихъ войскъ. Осада уже была начата. Долга и томительна была эта осада. Комтуръ Генрихъ Плауенъ успѣлъ вооружить гражданъ, выжечь форштадты и засѣсть въ крѣпости, такъ что выбить его оттуда не представлялось возможности. Приходилось морить гарнизонъ голодомъ.

Между тѣмъ, тихо тлѣвшаяся вражда между польскими панами и Витовтомъ все разгоралась и разгоралась... Хотя союзники дѣйствовали сообща, но польскіе паны все забирали на имя короны польской. Сдававшіеся города присягали ей же, скарбъ забирался въ польскія руки...

Витовтъ негодовалъ и неоднократно выговаривалъ объ этомъ Ягайллѣ. Ягайлло, въ свою очередь, чрезвычайно уклончивый и хитрый, валилъ все на пановъ рады и клялся Витовту, что онъ ни въ чемъ не виноватъ.

Наступила осень. Отвратительная, дождливая погода дѣлала дороги непроѣзжими. Войска начали терпѣть недостатокъ въ продовольствіи, и тутъ польскіе паны начали обдѣлять литовцевъ.

Витовтъ не выдержалъ... Онъ снялъ осаду и, несмотря на всѣ просьбы своего брата Ягайллы, быстро ушелъ во-свояси.

Въ этомъ поступкѣ видна его глубокая политическая мудрость: разбивъ мощь крыжаковъ, отбросивъ ихъ на нѣсколько десятковъ и даже сотенъ лѣтъ отъ своихъ границъ, сокрушивъ однимъ ударомъ ихъ неодолимую мощь, онъ боялся, что окон-чательно ихъ уничтоживъ, онъ усилить до крайности Польшу и самъ создастъ себѣ новаго, еще сильнѣйшаго врага.

Обезсиленнаго ордена теперь нечего было бояться... Рыцари, готовые на миръ и дружбу, клялись быть его вѣрными слугами... а въ Ягайллѣ и польскихъ панахъ онъ извѣрился и боялся продолжать съ ними союзъ, выгодный только полякамъ.

Не имѣя возможности одинъ продолжать войну, Ягайлло тоже отступилъ отъ Мариенбурга, и рыцарство еще разъ было спасено, но не надолго. Черезъ 60 лѣтъ оно окончило свое позорное существованіе, но не на полѣ битвы, не въ борьбѣ съ врагами, а за полнымъ разложеніемъ своихъ мрачныхъ силъ!

Романъ мой конченъ; остается сказать еще нѣсколько словъ о судьбѣ остальныхъ героевъ.

Какъ Витовтъ обѣщаль Тугану-мирзѣ, такъ и было исполнено. По просьбѣ великаго князя, папа, сидѣвшій тогда въ Авиньонѣ, въ виду исключительнаго положенія Литвы и Руси, дозволилъ своимъ священникамъ вѣнчать смѣшанные браки католическѣ съ мусульманами и обратно, не принуждая послѣднихъ креститься. Такимъ образомъ, послѣдняя преграда была счастливо обойдена, и храбрый татарскій удалецъ сдѣлался мужемъ красавица Розалии Барановской.—Въ приданое за ней онъ получилъ громадныя помѣстья въ малой Польшѣ и право именоваться, съ нисходящимъ потомствомъ, Туганъ-Мирза-Барановскимъ. Не такъ удачно кончилась война для другого героя моего романа, пана Іосифа Сѣдлецкаго.

Эпизодъ съ изломаннымъ мечемъ во-время „поля“ заинтриговалъ многихъ. У него было много враговъ на Литвѣ, много и соперниковъ на руку Зоси Бѣльской. Хотя оба брата невѣсты не отказали ему въ чести быть его поручителями, но необычайный исходъ поединка смутилъ ихъ. Они дали слово разслѣдовать истину, въ виду того, что молодой шляхтичъ мѣтилъ на руку ихъ сестры; обломки мечей были подобраны и переданы на судъ, разумѣется, тайный, опытныхъ ковалей. Тѣ прямо объявили, что мечъ былъ перекаленъ въ одномъ мѣстѣ гораздо позже его выковки.

Съ глазу на глазъ объявили объ этомъ братья Сѣдлецкому и просили объясненія.

Волненіе выдало его!.. Хотя онъ и клялся затѣмъ всѣми реликвіями, что бился вполне честно, но убѣжденіе братьевъ въ его виновности было уже составлено, и они смѣло предложили ему оставить и забыть ихъ домъ, подъ страхомъ поединка съ каждымъ изъ нихъ.

Сѣдлецкій не сталъ прекословить и убрался не только изъ замка воеводы Бѣльскаго, но совсѣмъ изъ Литвы. Продажа хутора, выкупъ, полученный имъ съ плѣнныхъ, и драгоценный клейнодъ, подарокъ Тугана-мирзы, доставили ему порядочный капиталъ, и онъ успѣшилъ купить въ своей излюбленной великой Польшѣ хорошій фольваркъ и долго блисталъ на сеймикахъ своимъ хвастливымъ краснорѣчіемъ.

Старый панъ воевода Здиславъ Бѣльскій однажды, только

однажды събзидилъ на свое старое пепелище, въ свой дѣдовскій замокъ, вновь отбитый у нѣмцевъ, но не могъ выжить тамъ и мѣсяца: ему все чудилось, что въ каждомъ углу прятались, склубившись словно змѣи, нѣмцы крыжаки... Ему казалось, что и земля, и каменные стѣны, и даже воздухъ опозоренъ ихъ прикосновеніемъ, зараженъ ихъ дыханіемъ.

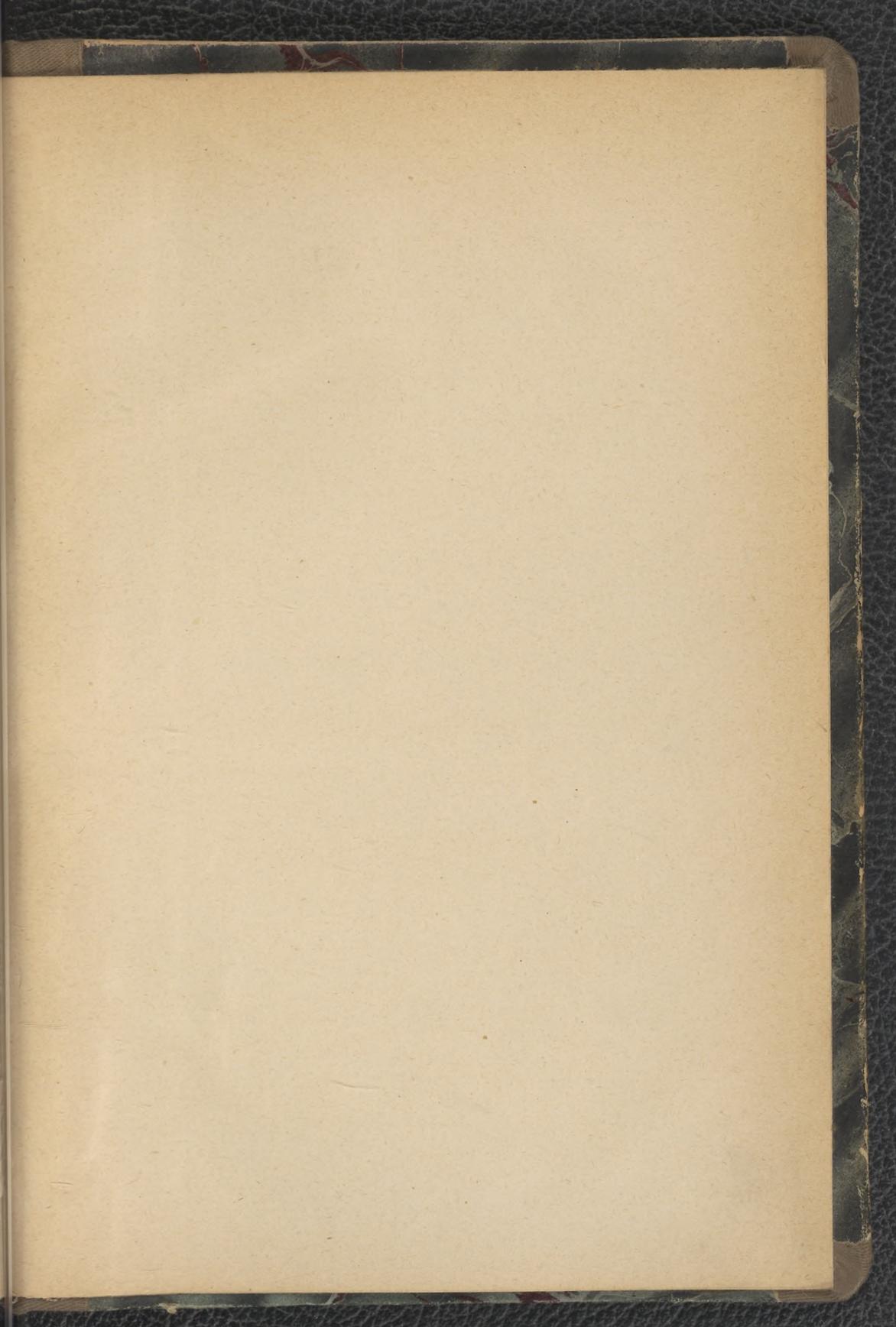
Старый воевода вернулся на Литву, свою вторую родину, и до могилы былъ вѣрнѣйшимъ слугою великаго Витовта. Дѣти его стали вполне литовцами.

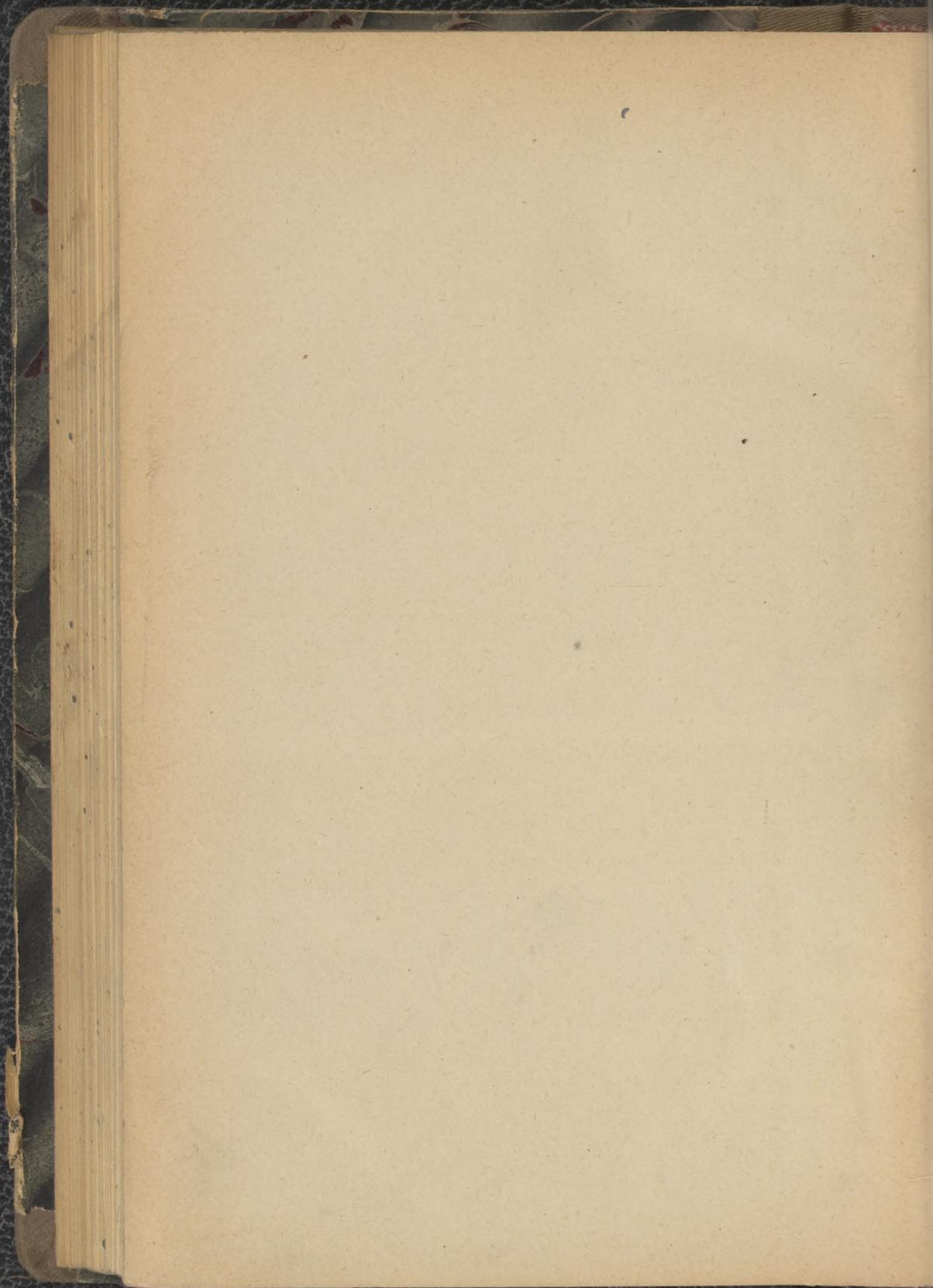
Князь Давидъ Святославовичъ Смоленскій не захотѣлъ искать другой невесты и, наложивъ на себя обѣтъ безбрачія, умеръ въ глубокой старости, принявъ скиму въ Кіево-печерской обители.

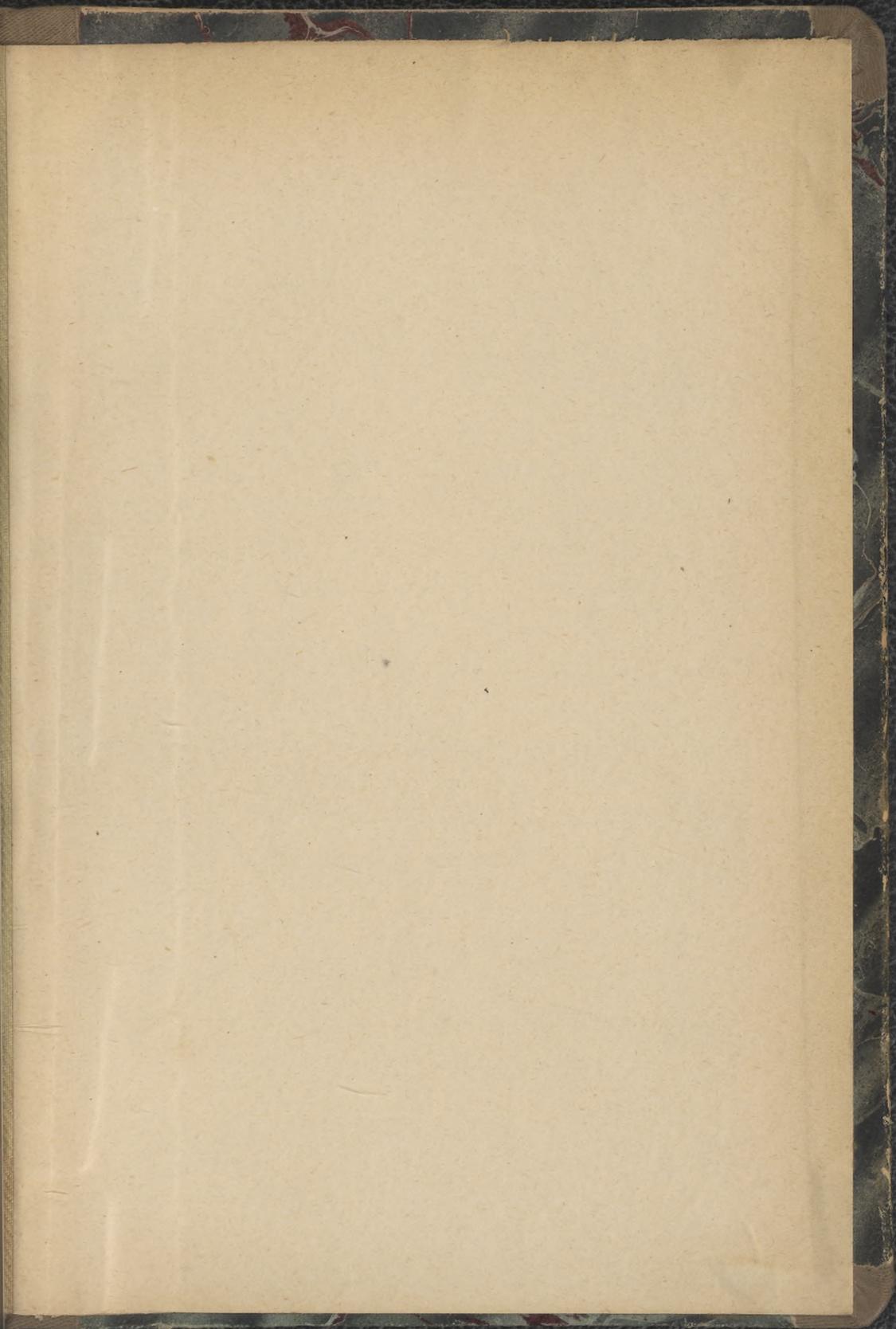
Видимундъ Хрущъ, согласно обѣщанію князя Витовта, былъ причисленъ къ гербу „Саламандра“ и награжденъ многими вотчинами, но дѣти его, при пріемникахъ великаго литовскаго героя, чтобы сохранить свое православіе, перешли въ Москву, на службу Іоанну III Васильевичу, первому великому собирателю земли русской.

КОНЕЦЪ.

91106

